ОРК
475777
Ex lib. Симони

ОРК-475777 Пушкин и его современники. Вып. V.

Пушкин

и его современники.

Материалы и исследования.

Выпуск V.

С.-Петербург.

1907 г.

475777
5720
БИБЛ...
1940 г.

ПУШКИНЪ

и

ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Матеріалы и изслѣдованія.

Выпускъ V.

Повременное изданіе Коммиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1907.

475777р
2645

475777

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ

ЧИТАТЕЛЕМ БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами „строгие" порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целость редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ „ЗАЧИТАЛ" НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов. Карпинского „Записки Института ЛЕНИНА" т. II, стр. 97.

Издание Куйбышевской областной библиотеки

ЕО 13578 Зак. 50 тир. 50000. Тип. КуАИ

1943 г.

ПУШКИНЪ.

Инв. 6рво 5120
БИБЛIОТЕКА ПЕДАГОГИЧЕСКАГО Института Самар. Губ. Земства
891.71.092
П91
Изъ собранія П. К. Симони

ПУШКИНЪ

и

ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Матеріалы и изслѣдованія.

Выпускъ V.

Повременное изданіе Коммиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Куйбышевская
№ 475777
Обл. библиотека

С.-Петербургъ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1907.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1907 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Къ вопросу о вліяніи Вольтера на Пушкина. А. П. Кадлубовскаго	1— 29
Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневникъ» (1831—1832). Н. К. Пиксанова	30— 74
Шесть упраздненныхъ мѣстъ. Д. Ѳ. Кобеко	75— 81
А. И. Полежаевъ объ А. С. Пушкинѣ. Проф. Е. А. Боброва	82—109
Замѣтки о Пушкинѣ. I. Къ литературной исторіи двухъ мнимыхъ стихотвореній Пушкина. II. Поэтическіе отголоски дружескихъ отношеній Пушкина. В. В. Каллаша	110—118
Замѣтка о Пушкинѣ изъ дневника Е. С. Телепневой 1827—28 гг. В. И. Саввы и Б. М-аго	119—124
Пушкинъ и Радищевъ. В. И. Чернышева	125—127
Пѣсня Варлаама. В. И. Чернышева	127—129
Замѣтки о знакахъ препинанія у Пушкина. В. И. Чернышева	130—139
Дельвигъ и Пушкинъ. (Письмо А. П. Марковой-Виноградской (Кернъ) къ П. В. Анненкову). Съ портретомъ и силуэтомъ А. П. Кернъ. Сообщ. Б. Л. Модзалевскій	140—157
Поправка. А. А. Сиверса	158
Указатель	159—164

Къ вопросу о вліяніи Вольтера на Пушкина.

Извѣстно, какимъ уваженіемъ и признаніемъ пользовались въ русскомъ обществѣ конца XVIII и начала XIX в. сочиненія Вольтера. Среди нихъ особая слава принадлежала у насъ, какъ и на Западѣ, его многочисленнымъ драматическимъ произведеніямъ, которыя были для него однимъ изъ любимыхъ средствъ проповѣди идей, развивавшихся имъ и вообще французской просвѣтительной философіей. Въ настоящее время сочиненія Вольтера вообще, а въ частности и его театръ, не пользуются у насъ широкой извѣстностью; а между тѣмъ, въ виду ихъ популярности у насъ въ свое время, едва ли можетъ быть сомнѣніе, что они заслуживаютъ со стороны историка русской жизни и литературы бо̀льшаго вниманія, что нѣкоторыя явленія нашего культурнаго и литературнаго развитія станутъ яснѣе при сопоставленіи ихъ съ литературною дѣятельностью патріарха французской философіи.

Не такъ давно немало страницъ посвятилъ Вольтеру, какъ драматургу, И. И. Ивановъ въ своей книгѣ: „Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII в.“ („Ученыя Зап. Моск. Ун-та“, отд. истор.-филолог., вып. 22, М. 1895); въ ней авторъ далъ обстоятельный разборъ тѣхъ идей политическихъ, религіозныхъ, нравственныхъ, общественныхъ, проповѣди которыхъ

служилъ французскій театръ XVIII в., и на которыхъ главнымъ образомъ основывалась популярность произведеній театра и ихъ историческое значеніе. Авторъ названнаго труда не ставилъ себѣ въ немъ вопроса о значеніи дѣятельности Вольтера для другихъ народностей и другихъ литературъ, а держался лишь французской почвы. Но вліяніе идей французской философіи и ея проводника, театра, а въ особенности вліяніе сочиненій Вольтера, и на наше общество, и на нашихъ писателей давно уже признано, хотя можетъ быть и заслуживало бы еще детальнаго и обстоятельнаго изученія и изслѣдованія.

Но если главное значеніе Вольтерова театра и во Франціи, и у насъ заключается въ его идейномъ содержаніи, то все же на читателей дѣйствовала и высоко цѣнилась ими и чисто литературная сторона его; Вольтера и какъ художника высоко чтили у насъ, начиная отъ Сумарокова и кончая молодымъ Пушкинымъ. Потому слѣдовъ вліянія его можно искать не только въ тѣхъ или иныхъ нравственныхъ или философскихъ идеяхъ, усвоенныхъ русской литературой, но и въ художественной сторонѣ литературныхъ произведеній, въ созданіи образовъ и типовъ.

Говоря о проповѣди гуманности у Вольтера, о проводившейся имъ идеѣ свободнаго развитія человѣческой личности, И. И. Ивановъ разсматриваетъ между прочимъ трехъактную комедію Вольтера „Le droit du Seigneur“ (representée à Paris, en 1762, en cinq actes, sous le nom de l'Ecueil du Sage, qui n'étoit pas son véritable titre; remise en théâtre, le 12 juin 1779, en trois actes, après la mort de l'auteur); авторъ отмѣтилъ, что это была довольно видная въ свое время комедія, занимавшая замѣтное мѣсто въ литературѣ, направленной противъ „феодальныхъ правъ“, и вызвавшая много подражаній; въ уста дѣйствующихъ лицъ вложены „ядовитыя за-

мѣчанія по адресу знати"; Mathurin, одинъ изъ героевъ пьесы, зажиточный крестьянинъ, возмущается неравенствомъ правъ, господствующимъ среди людей, и не находитъ для него основанія. Но и другой герой пьесы, аристократъ, маркизъ, является „безкорыстнымъ защитникомъ гуманности и равенства"; онъ пріѣзжаетъ въ деревню, недовольный жизнью въ свѣтѣ, который порабощаетъ личность; маркизъ защищаетъ философію, стремится къ добродѣтели, намѣренъ жениться на небогатой невѣстѣ и стать сельскимъ хозяиномъ[1]).

Этими замѣчаніями И. И. Иванова едва ли не ограничивается все, что сказано по поводу этой комедіи въ русской научной литературѣ; но они далеко не исчерпываютъ содержанія комедіи; характеристикѣ ея и съ идейной стороны можно бы придать больше полноты (напр., обратить вниманіе на обличеніе въ ней глубокой испорченности нѣкоторыхъ знатныхъ господъ, безчеловѣчныхъ въ отношеніяхъ къ крестьянамъ и видящихъ въ нихъ только средство для своего наслажденія жизнью) и точности. Собственно же литературная сторона сама по себѣ не подлежала изслѣдованію названнаго историка. Между тѣмъ, комедія и въ этомъ отношеніи представляетъ для насъ интересъ. Я имѣю въ виду въ дальнѣйшемъ обратить вниманіе прежде всего именно на литературную ея сторону, но въ связи съ нею коснусь и стороны идейной. Прежде всего, однако, въ виду малоизвѣстности въ русской литературѣ этой комедіи, я считаю нужнымъ изложить ея содержаніе.

Завязка пьесы заключается въ томъ, что фермеръ Mathurin, женихъ нѣкоей Colette, измѣнилъ ей и сватается за другую дѣвушку, Acanthe, которая отнюдь не раздѣляетъ его чувствъ. Эта Acanthe воспитывается у крестья-

---

1) И. И. Ивановъ, назв. соч., 184, 514—6, 537—8.

нина Dignant, стараго слуги маркиза, и его второй жены Berthe. Его она считаетъ своимъ отцомъ, ее — мачехой. Berthe очень рада сватовству зажиточнаго, хотя грубаго и недалекаго фермера и стремится поскорѣе сбыть съ рукъ нелюбимую дѣвушку. Объ этихъ отношеніяхъ мы узнаемъ въ 1-мъ дѣйствіи изъ сценъ Mathurin'а съ деревенскимъ bailli, съ Colette и съ Acanthe и ея семьей. Изъ бесѣды обѣихъ дѣвушекъ въ концѣ дѣйствія мы узнаемъ, что Acanthe чрезвычайно тяготится мыслью о предстоящемъ бракѣ. Colette въ интересахъ и своихъ и Acanthe стремится разрушить этотъ бракъ. Она обращается къ деревенскому бальи, жалуясь на обманъ со стороны своего жениха. Бальи, который вообще является однимъ изъ комическихъ лицъ пьесы, допрашиваетъ Colette (этимъ допросомъ начинается 2-ое дѣйствіе), но удовлетворить ея жалобы не можетъ, такъ какъ она отказывается представить свидѣтелей въ доказательство того, что Mathurin ее обманулъ; окончивъ разбирательство дѣла, бальи удаляется, а Colette выражаетъ удивленіе, какіе же могутъ быть свидѣтели въ подобныхъ дѣлахъ. По уходѣ судьи является Acanthe, и Colette жалуется ей на него; обѣ онѣ находятъ, что Mathurin не годится въ мужья Acanthe; Colette откровенно признаетъ, что онъ гораздо ниже Acanthe и недостоинъ ея; она сама — другое дѣло, ей онъ подъ пару. Съ этого момента Acanthe привлекаетъ вниманіе читателя, замѣтно выдвигаясь на первый планъ; очевидно, и авторъ заинтересованъ особенно ея судьбою. Ея положеніе въ деревенскомъ обществѣ своеобразно: она превосходитъ не только Mathurin'а, но и всѣхъ окружающихъ (какъ это заявляетъ сама Colette) благородствомъ и возвышенностью своихъ чувствъ. Изъ разговора дѣвушекъ мы узнаемъ отчасти и источникъ такого настроенія Acanthe: она читаетъ романы, увлекается ими и грустить, видя, какъ непохожи окружающіе ее люди и

вся жизнь на ту жизнь и тѣхъ героевъ, о которыхъ она читала въ романахъ; далѣе, когда въ деревню пріѣзжалъ однажды маркизъ со своей свитой, то ей пришлось видѣть это избранное общество вблизи, даже за столомъ, благодаря роли ея пріемнаго отца; дѣвушка съ восторгомъ вспоминаетъ о видѣнныхъ ею картинахъ свѣтской жизни и не можетъ забыть ихъ: онѣ напоминаютъ ей жизнь, которую она знаетъ изъ романовъ. На вопросы Colette о ея отношеніи къ маркизу она раскрываетъ свое душевное состояніе: самого маркиза она не любитъ, потому что сознаетъ разстояніе между нимъ и собою; но, помня его, она уже не можетъ любить другого; изъ свиты маркиза она помнитъ кавалера Gernance, который позволилъ себѣ немного вольно держать себя по отношенію къ ней, но она, гордая въ своей скромности, отвергла его ухаживанья; впрочемъ, она сознается, что и этотъ кавалеръ ей непріятенъ менѣе, чѣмъ грубый Mathurin. Въ заключеніе бесѣды Colette рѣшается просить помощи у маркиза, котораго ожидаютъ въ деревнѣ; Acanthe же, боясь, что его пріѣздъ можетъ запоздать, желаетъ сперва обратиться къ одной знатной дамѣ, Dormène, и живущей съ нею пожилой особѣ, по имени Laure; онѣ живутъ недалеко, въ замкѣ Dormène, въ уединеніи; обѣ онѣ оказываютъ Acanthe много добра и ласки, и общеніе съ ними также знакомитъ ее съ жизнью болѣе развитой и интеллигентной среды. Дѣвушекъ останавливаетъ приходъ Mathurin'а и семьи Acanthe. Acanthe проситъ обождать со свадьбой до пріѣзда маркиза, ее поддерживаетъ отецъ, но мачеха и женихъ спѣшатъ; особенно спѣшитъ послѣдній, намекая на „право господина“ (отсюда заглавіе пьесы), о которомъ ему ранѣе говорилъ bailli. Colette продолжаетъ его увѣрять, что Acanthe ему не достанется. Между тѣмъ герольдъ маркиза сообщаетъ о его пріѣздѣ. Извѣстіе это очень радуетъ Dignant и Acanthe. Въ слѣдующей затѣмъ

сценѣ происходитъ разговоръ между герольдомъ и кавалеромъ Gernance; этотъ послѣднiй выступаетъ въ роли знатнаго развратника, который живетъ на средства маркиза и дорожитъ только пирами и женщинами. Онъ помнитъ Acanthe, ея упорство и ея скромность; онъ уже узналъ о ея свадьбѣ и собирается передъ свадьбой ее похитить, пренебрежительно отзываясь о маркизѣ, который слишкомъ скроменъ и сострадателенъ, чтобы самому воспользоваться невинностью невѣсты. Онъ собирается похитить ее въ замокъ той самой Dormène, о которой была уже рѣчь, и которой теперь нѣтъ дома: онъ на дорогѣ встрѣтилъ ее и Laure; изъ бесѣды Gernance и герольда мы узнаемъ еще, что отецъ кавалера имѣлъ любовную связь съ Laure, а самъ Gernance былъ нѣкоторое время неравнодушенъ къ Dormène; ее герольдъ рекомендуетъ его вниманiю вмѣсто Acanthe, но кавалеръ отказывается, такъ какъ обладать этой дамой значило бы жениться на ней, а онъ не сочувствуетъ брачнымъ узамъ (конецъ 2-го дѣйствiя).

Въ 3-мъ дѣйствiи выступаетъ на сцену маркизъ, который прiѣзжаетъ дѣйствительно поздно, но не совсѣмъ: состоялась помолвка, но Acanthe еще не стала женою Mathurin'а. Дѣйствiе начинается бесѣдою маркиза и кавалера Gernance, раскрывающею передъ читателемъ характеры того и другого и рисующею ихъ полную противоположность. Маркизъ—человѣкъ чувствительный, благородный; онъ умѣетъ цѣнить истинное достоинство въ людяхъ, предпочитаетъ его и богатству, и знатности, и внѣшнему блеску, и красотѣ; онъ въ восторгѣ отъ прiѣзда въ деревню и произноситъ довольно горячую рѣчь противъ тягостной пышности, условности и пустоты придворной и великосвѣтской жизни, гдѣ человѣкъ не бываетъ счастливъ. Онъ является поклонникомъ философiи, трезвымъ обладателемъ своихъ страстей и хочетъ быть примѣромъ добродѣтели. Когда кавалеръ заговариваетъ о свадьбѣ

Acanthe, маркизъ признается, что и для него эта дѣвушка была очень привлекательна, но онъ поборолъ свое увлеченіе, которое погубило бы ее. Мысль о бракѣ съ нею, однако, не приходитъ въ голову маркизу. Впрочемъ, въ вопросѣ о бракѣ онъ держится довольно своеобразныхъ взглядовъ: онъ разъясняетъ собесѣднику, что избѣгаетъ любви, какъ и всякой страсти, а желаетъ построить бракъ только на принципѣ добродѣтели и уваженія, почему и хочетъ жениться на Dormène. Кавалеръ возражаетъ противъ всѣхъ воззрѣній маркиза, противъ философіи и добродѣтельныхъ стремленій, а что касается Acanthe, онъ намекаетъ, что желалъ бы овладѣть ею. Появляющіеся на сценѣ жители деревни привѣтствуютъ маркиза; на первомъ планѣ выступаетъ семья Acanthe; Colette дѣлаетъ возраженія противъ предполагаемаго брака своей подруги, но они не принимаются, и маркизъ даетъ свое согласіе на бракъ Acanthe съ Mathurin'омъ и обѣщаетъ помогать ея семьѣ. Bailli, какъ хранитель порядка, напоминаетъ о „правѣ господина"; на вопросы Mathurin'а ему разъясняютъ, что господинъ имѣетъ право провести четверть часа съ невѣстой, которой даритъ при этомъ подарки. Во исполненіе этого порядка, маркизъ остается на сценѣ вдвоемъ съ Acanthe. Въ началѣ бесѣды съ маркизомъ Acanthe вручаетъ ему бумаги, переданныя ей для того предполагаемымъ ея отцомъ, Dignant; маркизъ, не читая, прячетъ ихъ въ карманъ. Далѣе, Acanthe проситъ маркиза, чтобы ей позволено было оставаться всегда дѣвушкой и жить вдали отъ людей, у Dormène, чтобы только избавиться отъ своего жениха и его немилаго для нея богатства. Дѣвушка очаровываетъ маркиза тонкостью, возвышенностью, благородствомъ своихъ чувствъ, а равно и преданностью, которую она обнаруживаетъ по отношенію къ нему; онъ соглашается, что бракъ ея съ Mathurin'омъ дѣло неподходящее, и готовъ его разрушить.

Бесѣда прерывается ревнивымъ женихомъ, съ трудомъ дождавшимся истеченія срока бесѣды. Acanthe уводятъ, и маркизъ, оставшись одинъ, признается въ монологѣ, что онъ очень увлеченъ Acanthe, но не хочетъ признать надъ собою власти любви. Размышленія маркиза прерываются приходомъ жениха и родителей невѣсты; Берта сообщаетъ, что невѣсту похитили силой, и упрекаетъ маркиза, думая, что это онъ злоупотребилъ „правомъ господина“. Маркизъ догадывается, что это дѣло рукъ кавалера, и посылаетъ за нимъ погоню; Dignant ужасается, услышавъ подозрѣнія маркиза и узнавъ, что переданный послѣднему черезъ Acanthe пакетъ остался пока нераспечатаннымъ; маркизъ начинаетъ читать содержащіяся въ немъ бумаги и узнаетъ, что Acanthe является плодомъ (уже упомянутой выше) любовной связи стараго кавалера Gernance и Laure и такимъ образомъ оказывается по отцу сестрою своего похитителя. Между тѣмъ возвращается кавалеръ, приносящій маркизу глубокое раскаяніе въ своемъ поступкѣ; совѣсть пробуждена въ немъ добродѣтелью Acanthe; онъ, какъ и маркизъ, теперь восхищается ея духовною красотою, сознаніемъ собственнаго достоинства и удивляется, какъ могло развиться подобное совершенство въ деревенской средѣ. Маркизъ разъясняетъ ему тайну ея происхожденія. Пораженный еще болѣе, Gernance предлагаетъ маркизу взять на себя обязанность вознаградить Acanthe за то, чтó она потерпѣла, посредствомъ брака съ нею; онъ сообщаетъ, какъ много говорила Acanthe ему о маркизѣ, противополагая добродѣтель послѣдняго его распущенности. Въ заключеніе пьесы являются обѣ дѣвушки, и маркизъ разрѣшаетъ все дѣло предложеніемъ Acanthe своей руки, которое она принимаетъ съ восторгомъ; Colette онъ обѣщаетъ выдать за Mathurin'а, а кавалеру предлагаетъ бракъ съ Dormène.

Такимъ образомъ, дѣйствіе кончается къ общему удовольствію. Въ общемъ разсматриваемая комедія приближается къ типу „комическихъ оперъ“, которыя были довольно многочисленны въ литературѣ XVIII в. и между прочимъ у насъ[1]) (напомню хотя бы наиболѣе извѣстнаго автора ихъ, Княжнина): та же среда, въ которой совершается дѣйствіе пьесы, деревенская, и та же точка зрѣнія на нее. Хотя устами Mathurin'a и провозглашается идея равенства всѣхъ людей, но въ самой комедіи деревенская среда изображена поверхностно и пренебрежительно; вопросы и конфликты, возникающіе въ жизни крестьянъ, отлично разрѣшаются по волѣ господина, добраго правителя и устроителя судьбы своихъ подданныхъ; чувства ихъ не глубоки и не достаточно серьезны. Передъ нами исторія разбитой любви одной дѣвушки, которой измѣняетъ ея возлюбленный; но и это чувство не изображается сколько-нибудь глубоко; скорѣе напротивъ, Colette (не говоря уже о Mathurin'ѣ) представлена въ забавномъ, шутливомъ свѣтѣ, когда она какъ-нибудь хочетъ заставить своего бывшаго жениха жениться на ней. И она, и онъ, и другія дѣйствующія лица со стороны крестьянъ въ пьесѣ выставлены людьми очень неразвитыми и умственно, и морально; они живутъ въ самой ограниченной сферѣ интересовъ, они наивны и вмѣстѣ съ тѣмъ полны грубоватаго эгоизма[2]). Самая проповѣдь равенства въ устахъ Mathurin'a немало теряетъ въ своемъ значеніи, въ виду его грубости и необразованности. Настроеніе Colette, которая упорно домогается любви Mathurin'a и брака, едва ли понятно: она все же гораздо выше его (она,

---

1) О комическихъ операхъ — Н. И. Незеленовъ, Литер. направленія въ Екатерининскую эпоху; И. И. Ивановъ, назв. соч.

2) Эти черты уживаются въ произведеніяхъ Вольтера съ проповѣдью гуманности и уваженія къ человѣческому достоинству, какъ уживаются и у нашего Княжнина и другихъ авторовъ.

напр., умѣетъ цѣнить Acanthe, догадлива, находчива) и должна была бы видѣть его ничтожество; еще болѣе странно для современнаго читателя то, что она готова заставить его жениться насильно и совершенно удовлетворена, когда дѣло такъ и рѣшается; а между тѣмъ авторъ не находитъ нужнымъ войти въ болѣе обстоятельныя поясненія такихъ чертъ, мотивировать ихъ и показать ихъ развитіе. Вольтеръ, очевидно, имѣлъ въ виду противопоставить пустотѣ свѣтской жизни здоровье и простоту жизни сельской (въ этомъ насъ убѣждаютъ слова маркиза въ 3-мъ дѣйствіи); но, руководствуясь обычными въ его время литературными пріемами, онъ, который вообще не былъ новаторомъ въ сферѣ пріемовъ литературнаго творчества, не могъ подняться надъ ними и далъ такое же по характеру изображеніе сельской жизни, какое не разъ давалось въ ложноклассической литературѣ, въ пастушеской поэзіи, въ идилліи, къ которой близки по содержанію комическія оперы. Идилличенъ и маркизъ, чувствительный и добродѣтельный; серьезная и положительная его сторона оттѣнена И. И. Ивановымъ; однако, при всей своей чувствительности, преданности философіи, любви къ простотѣ и искренности, готовности помочь ближнему, маркизъ очевидно не допускаетъ мысли о женитьбѣ на простой дѣвушкѣ: признаваясь, что Acanthe въ немъ прежде возбудила первые проблески чувства, онъ говоритъ, что разсудокъ не позволялъ ему предаться безумной любви, которая могла бы его скомпрометировать[1]. Правда, маркизъ хочетъ теперь жениться безъ любви, избравъ себѣ только добродѣтельную жену, но выборъ его падаетъ не на Acanthe или иную простую дѣвушку,

---

1) Mais ma raison ne pouvait me permettre
Un fol amour qui m'allait compromettre;
Je rejetai ce desir passager... (III, 1).

а на Dormène. Такое желаніе, можетъ быть, приписано Вольтеромъ маркизу для того, чтобы возвысить значеніе Acanthe въ его жизни: она исцѣляетъ его въ концѣ отъ его отрицательнаго отношенія къ любви. Но замѣтимъ, что аристократическія понятія маркиза не подверглись исправленію: на Acanthe онъ женится, но тогда, когда она оказывается не простою дѣвушкой.

Впрочемъ, всесторонняя общая характеристика комедіи въ настоящее время не входитъ въ мою задачу. Я имѣю въ виду остановиться на личности Acanthe и ея любви къ маркизу. Исторія этой дѣвушки, также находящей въ концѣ комедіи удовлетвореніе своему чувству, составляетъ серьезный элементъ въ комедіи. Забавнаго ни въ ней самой, ни въ ея положеніи и судьбѣ нѣтъ ничего; напротивъ, авторъ повидимому хочетъ возбудить сочувствіе читателя къ бѣдной дѣвушкѣ, рисуя контрастъ между ея идеалами и стремленіями съ одной стороны, а съ другой — той низменной средой, гдѣ она вращается, и тѣмъ гнетомъ, подъ которымъ она страдаетъ; контрастъ этотъ ставитъ дѣвушку въ трагическое положеніе. Хотя авторъ, какъ и обыкновенно авторы „классическихъ" комедій, все время поддерживаетъ въ читателѣ надежду на счастливый исходъ, но все же исторія Acanthe съ ея серьезными мотивами настолько выступаетъ на первый планъ, что за нимъ комическій элементъ пьесы совсѣмъ стушевывается и выступаетъ лишь эпизодически. Личность Acanthe не только рѣзко отличается отъ окружающей ее низкой по своему развитію деревенской среды, но она гораздо выше и маркиза съ его приближенными; они отъ соприкосновенія съ нею дѣлаются лучше и человѣчнѣе. Вольтеръ постарался дать въ ней весьма положительный типъ и охарактеризовалъ ее исключительно свѣтлыми чертами. Характерною чертою Acanthe является ея идеализмъ, ея порывы къ лучшей жизни, полной возвы-

шенныхъ чувствъ и благородныхъ стремленій, ея неудовлетворенность пошлостью и грубостью, окружающими ее. Colette, признавая ея превосходство, говоритъ, что въ ея выраженіи есть что-то блестящее и гордое, что Mathurin, который годится для нея, недостоинъ Acanthe[1]); послѣдняя сама въ своемъ отвѣтѣ характеризуетъ свое настроеніе и вызываемое имъ ея грустное положеніе: она, къ несчастію, имѣетъ слишкомъ возвышенныя чувства[2]). Она мечтаетъ о высшемъ обществѣ, но ее привлекаетъ не роскошь, а изящество жизни, деликатность, утонченныя формы общежитія; объ этой жизни она составила понятіе по тѣмъ немногочисленнымъ и краткимъ моментамъ, когда ей приходилось прикасаться къ этой жизни и посмотрѣть на нее непосредственно; прикасалась она къ ней и не столь непосредственно, черезъ Dormène и Laure. Наконецъ, какъ мы знаемъ, она знакомилась съ болѣе возвышенной и идеальной жизнью черезъ романы; ей давалъ читать романы baillі. Она любитъ предаваться воспоминаніямъ о видѣнномъ и прочитанномъ, и такимъ образомъ уходитъ въ мечтанія отъ неприглядной дѣйствительности. О романахъ она сама довольно обстоятельно бесѣдуетъ со своей пріятельницей: романы возбуждаютъ безпокойство въ душѣ, но пріятное; они рождаютъ мысли, переносятъ въ другой міръ; она, читая романы, была на небѣ, и такъ тяжело было ей упасть назадъ, въ ея обычную мрачную обстановку[3]). Романы въ

---

1) ...tu portes dans ton air
> Je ne sais quoi de brillant et de fier.
> A Mathurin cela ne convient guere,
> Et ce maraud était mieux mon affaire (II, 3).

2) J'ai pour malheur de trop hauts sentiments (ibid.)

3) ...On y voit des amants
Si courageux, si tendres, si galants!...
Que les romans rendent l'ame inquiète!...
....Ils forment trop l'esprit:

особенности рисовали ей благородныхъ, совершенныхъ, способныхъ къ героизму людей, манили ее въ страну высокихъ чувствъ, настроеній и дѣлъ: тамъ изображены любящіе, столь смѣлые, столь нѣжные, столь изящные; и какъ мало герои этихъ прелестныхъ книгъ похожи на другихъ людей! Какъ тяжело послѣ такого божественнаго полета спуститься отъ Амадисовъ къ Mathurin'у! Послѣднія слова указываютъ, какой романъ далъ въ руки своей героини Вольтеръ. Это поздній рыцарскій романъ, читавшійся еще и въ его эпоху, вызывавшій новыя подражанія, во многомъ вѣрныя своему образцу (романъ „героическій": см. Dunlop-Liebrecht, Gesch. d. Prosadicht., 369 sqq). Подъ вліяніемъ такихъ литературныхъ образовъ Acanthe идеализируетъ свѣтскую жизнь, видя въ ней только свѣтлую сторону (или почти только свѣтлую: она столкнулась и съ недостатками ея, съ извѣстной нравственной распущенностью, но и то она откровенно признается Colette, что Mathurin для нея хуже кавалера Gernance). Подъ вліяніемъ образовъ, съ которыми она познакомилась изъ романовъ, она увлекается обществомъ маркиза и его приближенныхъ; тамъ она слышала новый, высокій языкъ, une langue nouvelle, supérieure; она вспоминаетъ, какъ она увидѣла первый разъ маркиза, и онъ рисуется ей весь въ сіяніи (tout rayonnant); послѣ этого, чи-

---

En les lisant le mien bientôt s'ouvrit;....
Que les romans font naître de pensées!
Que les heros de ces livres charmants
Ressemblent peu... aux autres gens!
Cette lumière était pour moi féconde;
Je me voyais dans un tout autre monde;
J'étais au ciel... Ah! qu'il m'était bien dur
De retomber dans mon état obscur;
Le coeur tout plein de ce grand étalage
De me trouver au fond de mon village;
Et de descendre, après ce vol divin
Des Amadis au maître Mathurin! (Le Dr. du seign., II, 3).

тая романы, она во всѣхъ ихъ читаетъ о немъ[1]); въ ея мысли онъ слился съ героями романовъ; въ немъ, слѣдовательно, она увидѣла живое воплощеніе того идеала, который вынесла изъ романовъ. Идеалистически настроенная, мечтательная и чистая, Acanthe наивна и неопытна въ жизни; къ активной борьбѣ она неспособна; смиренная и скромная, она не смѣетъ мечтать о любви къ маркизу и готова склониться передъ тяжелымъ рокомъ, если бы не совѣты Colette и, главнымъ образомъ, не счастливый случай, который помогъ ей найти себѣ въ послѣдній моментъ защитника въ лицѣ самого маркиза. Она не ошиблась въ своемъ выборѣ и своей оцѣнкѣ маркиза: онъ дѣйствительно оказывается благороднымъ человѣкомъ, участливымъ и внимательнымъ, желающимъ быть добродѣтельнымъ и полезнымъ для другихъ, и Acanthe избавляется отъ нежеланнаго брака, какъ и вообще отъ гнета окружающей ее низменности и пошлости, и находитъ себѣ полное счастье.

И личность Acanthe, главной въ сущности героини пьесы, и ея положеніе представляетъ, по моему мнѣнію, для русскаго читателя особый интересъ: Acanthe во многомъ напоминаетъ такъ хорошо знакомую намъ съ раннихъ лѣтъ „барышню уѣздную,

> Съ печальной думою въ очахъ,
> Съ французской книжкою въ рукахъ“,

хотя развязка ея юношескаго горячаго любовнаго увлеченія была совершенно иною. Также неизмѣримо превосходя окружающую среду, среду ограниченныхъ, низкихъ по своему развитію людей, также осужденная жить въ этой средѣ, и также именно въ деревнѣ, „въ глуши забытаго селенья“, знаменитая Пушкинская героиня также страдаетъ душою; и она ищетъ избавленія отъ окружаю-

1) Та же сцена: II, 3.

щей ее жизни, и она уходитъ въ мечтанія. Въ этомъ отношеніи бросается въ глаза особенно сходство въ одной частности: я разумѣю то значеніе, которое имѣетъ въ душевной жизни и развитіи обѣихъ героинь чтеніе романовъ: и Татьянѣ, вспомнимъ,

рано нравились романы;
Они ей замѣняли все;
Она влюблялася въ обманы

знаменитыхъ романистовъ[1]). Приведенныя выше слова, которыми Acanthe характеризуетъ романы и ихъ значеніе для души, такъ напоминаютъ невольно русскому читателю многое изъ того, что́ мы знаемъ о Татьянѣ изъ „Евгенія Онѣгина".

Любовь Татьяны также подготовлена была ея воспитаннымъ романами воображеніемъ, которое,

сгорая нѣгой и тоской,
Алкало пищи роковой[2]).

Обѣ дѣвушки находятъ воплощеніе своего идеала, къ которому онѣ такъ стремятся, въ пришельцѣ изъ другого, блестящаго міра, изъ высшаго общества, изъ столицы; и вотъ, Acanthe говоритъ о томъ, какой новый смыслъ раскрылся для нея въ романахъ послѣ знакомства съ маркизомъ: съ этого дня всѣ романы ей нравятся; когда она ихъ читаетъ, ей никогда не скучно: ей кажется, что они говорятъ ей о немъ[3]). Припомнимъ Татьяну послѣ знакомства съ Онѣгинымъ:

---

1) Евгеній Онѣгинъ, II, 29. Конечно, романы, увлекающіе Татьяну, уже другіе: это романы 2-й половины XVIII в., главнымъ же образомъ Ричардсона и Руссо. В. В. Сиповскимъ указаны тѣ черты, которыя перешли на Татьяну изъ этихъ романовъ (Р. Стар. 1899, 5, 318 слл.)

2) Тамъ же, III, 7.

3) Depuis ce jour, ma chère,
Tous les romans ont le don de me plaire:
Quand je les lis, je n'ai jamais d'ennui;
Il me paraît, qu'ils me parlent de lui (II, 3).

Теперь съ какимъ она вниманьемъ
Читаетъ сладостный романъ,
Съ какимъ живымъ очарованьемъ
Пьетъ обольстительный обманъ!
Счастливой силою мечтанья
Одушевленныя созданья.....
Всѣ для мечтательницы нѣжной
Въ единый образъ облеклись,
Въ одномъ Онѣгинѣ слились.
Воображаясь героиней
Своихъ излюбленныхъ творцовъ,
Татьяна въ тишинѣ лѣсовъ
Одна съ опасной книгой бродитъ;
Она въ ней ищетъ и находитъ
Свой тайный жаръ, свои мечты,
Плоды сердечной полноты;
Вздыхаетъ, и, себѣ присвоя
Чужой восторгъ, чужую грусть,
Въ забвеньѣ шепчетъ наизусть
Письмо для милаго героя....[1])

Какъ для Acanthe маркизъ, такъ Онѣгинъ для Татьяны является лучемъ свѣта во мракѣ, существомъ высшаго порядка; Acanthe хотѣла бы цѣлый день слушать маркиза[2]), какъ и Татьяна мечтаетъ (въ письмѣ Онѣгину)

Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
Вамъ слово молвить и потомъ
Все думать, думать объ одномъ
И день и ночь, до новой встрѣчи.

Хотя Acanthe не смѣетъ любить маркиза, но, увидавъ его, она не можетъ теперь любить другого... и это, гово-

---

1) Евг. Он., III, 9—10.
2) J'aurais voulu l'entendre tout le jour (Le Dr. du Seign., II, 3).

ритъ она, большое мученье[1]). Вспомнимъ восклицаніе Татьяны въ томъ же письмѣ:

> Другой!... нѣтъ, никому на свѣтѣ
> Не отдала бы сердца я!

Обѣ героини, такъ или иначе, обращаются за помощью къ своему избраннику, за помощью противъ гнета окружающей пошлости. Acanthe считаетъ, что она должна бы примириться со своею жизнью, борется со своимъ сердцемъ, но не можетъ побороть его; Mathurin, деревня, крестьяне, ихъ нравы, ихъ языкъ внушаютъ ей теперь особенный ужасъ: она проситъ освобожденія[2]). Татьяна пишетъ:

> Передъ тобою слезы лью,
> Твоей защиты умоляю....
> Вообрази: я здѣсь одна,
> Никто меня не понимаетъ,
> Разсудокъ мой изнемогаетъ
> И молча гибнуть я должна.

И при той, и при другой героинѣ, въ видѣ контраста, изображена другая дѣвушка (подруга или сестра), честная, добрая, прямая, но вполнѣ подходящая къ окружаю-

---

1) Non, je ne l'aime point... mais il est cause,
Que l'ayant vu je ne puis à présent
En aimer d'autre... et c'est un grand tourment (ibid.).

2) ...J'avouerai sur-tout...,
Que dans les champs élevée et nourrie,
Je ne dois point dédaigner une vie,
Qui sous vos lois me retient pour jamais...
Mais, après tout, Mathurin, le village,
Ces paysans, leurs moeurs, et leur langage
Ne m'ont jamais inspiré tant d'horreur;
De mon esprit c'est une injuste erreur;
Je la combats; mais elle a l'avantage...
J'ose à genoux
Vous demander, non pas un autre époux...
Le premier bien serait votre bonté,
Et le second de tous, la liberté (Le Dr. du Seign., III, 6).

155

щей средѣ, не задающаяся никакими высшими стремленіями и не имѣющая той глубины и серьезности чувства и мысли, какія мы находимъ у героини.

Приведенныя сближенія даютъ поводъ думать, что мы имѣемъ дѣло не со случайнымъ сходствомъ, но что нѣкоторыя подробности Пушкинскаго романа, именно нѣкоторыя черты въ образѣ Татьяны и нѣкоторыя подробности ея положенія подсказаны малоизвѣстной комедіей Вольтера. Мы должны считаться съ тѣмъ, что малоизвѣстною она является для современнаго русскаго читателя, но мы имѣемъ всѣ основанія думать, что она, вмѣстѣ съ другими сочиненіями ея автора, хорошо была извѣстна Пушкину, основательному знатоку Вольтера. Обладавшій огромною начитанностью, особенно же во французской литературѣ XVIII в., Пушкинъ изъ всѣхъ писателей этой эпохи, особенно въ юношескіе свои годы, наиболѣе цѣнилъ и почиталъ Вольтера. Въ лицейскіе годы, какъ это мы знаемъ изъ собственныхъ признаній нашего поэта, изъ всѣхъ писателей у него

Сынъ Мома и Минервы,
Фернейскій злой крикунъ....
Всѣхъ больше перечитанъ....;

для Пушкина

вездѣ великъ
Единственный старикъ.. ,
Поэтъ въ поэтахъ первый,

и сочиненія его на особенно почетномъ мѣстѣ стоятъ въ биліотекѣ юнаго лицеиста[1]). Вольтеръ — „мужъ единственный“, „оракулъ Франціи“, и въ своемъ „Бовѣ“ Пушкинъ приглашаетъ его быть его музою[2]) (1815 г.);

1) „Городокъ“, 1814 г. (I, 42 — 43). Цитирую, здѣсь и ниже, по изданію Литературнаго Фонда, 1887 г. (За исключеніемъ слѣдующей за этой цитаты).

2) Соч., изд. Ак. Наукъ, I², 96.

въ посланіи къ Юдину (1815) юный поэтъ заявляетъ, что любитъ передъ каминомъ „Вольтера, Виланда читать“ [1]). Онъ читаетъ и біографію Вольтера [2]), въ письмахъ вспоминаетъ различные факты его жизни [3]).

Это отношеніе къ Вольтеру, какъ къ „любимѣйшему въ юные годы писателю Пушкина [4])“, давно уже отмѣчено изслѣдователями послѣдняго; указано и вліяніе на него со стороны Вольтера; наиболѣе цѣльно оно охарактеризовано въ рѣчи Н. П. Дашкевича: „А. С. Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ“ [5]). Немало отмѣчено переводовъ изъ Вольтера и подражаній ему въ лицейскую пору жизни Пушкина.

Позднѣе слѣды вліянія Вольтера отмѣчены въ „Русланѣ и Людмилѣ“ [6]); во время своего пребыванія на югѣ Россіи (1821), Пушкинъ также читаетъ Вольтера [7]). Н. П. Дашкевичъ находитъ, что впослѣдствіи Вольтеръ сохранялъ свое значеніе для Пушкина только какъ проповѣдникъ идей гуманности и свободы, но не какъ поэтъ [8]). Дѣйствительно, съ годами кругозоръ Пушкина расширился, увлеченія французской литературой замѣнились восторгами передъ иными литературами и иными теченіями въ области мысли и творчества: Байронъ, а потомъ, и еще болѣе, Шекспиръ заняли вниманіе поэта и заслонили собою Вольтера; къ послѣднему Пушкинъ начинаетъ относиться критически и какъ къ художнику, и особенно какъ къ человѣку. Въ трагедіяхъ Вольтера, говоритъ онъ въ 1834 г.,

---

1) Соч. I, 99.
2) Соч. V, 2.
3) Соч. VII, 7.
4) Л. Н. Майковъ: Сочиненія Пушкина, изд. Ак. Н., I², примѣч., 125.
5) „Кіевск. Унив. Изв.“ 1899, 5, 85 — 257.
6) А. И. Кирпичниковъ. Мелкія замѣтки о Пушкинѣ и его произведеніяхъ (Р. Стар. 1899, 2, 439).
7) Соч. VII, 21.
8) Указ. соч.

нѣтъ характеровъ, нѣтъ драмы, а только философія[1]); онъ сильно порицаетъ въ великомъ писателѣ ласкательство и угодливость[2]). Но и тогда онъ все же продолжаетъ высоко цѣнить Вольтера, даже и какъ поэта: онъ признается, что любитъ его[3]) (1834 г.); не только въ двадцатыхъ годахъ Пушкинъ считаетъ его не „обыкновеннымъ талантомъ“[4]) (1825 г.), ставитъ его на ряду съ Гете[5]) (1829), но и въ 1836 г. называетъ его геніемъ, „первымъ изъ французскихъ поэтовъ“, „первымъ писателемъ своего вѣка“[6]); Пушкинъ восхищается его слогомъ, называя его „прекраснымъ образцомъ благороднѣйшаго слога“[7]); онъ нерѣдко цитируетъ Вольтера[8]), нерѣдко упоминаетъ о немъ въ своихъ сочиненіяхъ[9]); подражанія, переводы, отголоски Вольтера не прекращаются также и во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ, т.-е. продолжаются въ эпоху сложенія „Онѣгина“; вспомнимъ четверостишіе кн. С. А. Урусовой[10]) (1827); „въ половинѣ двадцатыхъ годовъ Пушкинъ дѣлалъ опытъ перевода изъ Pucelle“[11]); слѣды вліянія Вольтеровой исторіи Карла XII указаны въ „Полтавѣ“[12]). Пушкинъ самъ констатируетъ огромное вліяніе Вольтера въ области литературы: ему принадлежало, по выраженію Пушкина, „владычество на сѣверѣ“[13]) (1830); „вліяніе Вольтера было неимовѣрно“[14]) (1834).

---

1) Соч. V, 247 — 8.
2) Соч. V, 247 (1834 г.), 306 — 312 (1836 г.), 367 — 9 (1837 г.).
3) Соч. V, 213.
4) Соч. VII, 117.
5) Соч. VII, 129.
6) Соч. V, 306 — 312.
7) Соч. V, 16.
8) Напр. соч. VII, 15.
9) Напр. соч. V, 55 (1827).
10) Соч. II, 14.
11) Л. Н. Майковъ, въ указ. мѣстѣ.
12) Соч. III, 140.
13) Соч. II, 92 (посланіе Юсупову).
14) Соч. V, 248.

Впечатлѣнія юности, впечатлѣнія, навѣянныя основательнымъ чтеніемъ и даже изученіемъ Вольтера, какъ „мужа единственнаго“, не изгладились, конечно, изъ памяти Пушкина (а память у него была прекрасная) въ его молодые годы, и припоминаніе ихъ подъ вліяніемъ какихъ-либо условій представляетъ фактъ вполнѣ понятный и естественный; и ничего страннаго не было бы въ томъ, что воспоминаніе о знакомыхъ литературныхъ образахъ послужило однимъ изъ источниковъ его величайшаго созданія, даже если бы въ это время онъ совсѣмъ отвернулся отъ Вольтера; но если Пушкинъ никогда не разрывалъ съ нимъ, а до половины двадцатыхъ годовъ тѣмъ болѣе, то возможность указаннаго вліянія увеличивается, особенно для первой половины 20-хъ годовъ, когда слагался „Онѣгинъ“ съ его типами и опредѣлялись положенія и основныя черты характера и міровоззрѣнія его героевъ.

Правда, Пушкинъ самъ въ концѣ романа упоминаетъ о той,

съ которой образованъ
Татьяны милый идеалъ [1])“;

это заставляло изслѣдователей искать оригинала Татьяны вовсе не въ литературѣ, а въ дѣйствительной жизни, въ дѣйствительныхъ, реальныхъ отношеніяхъ поэта. Однакоже, эти поиски до сихъ поръ полнымъ успѣхомъ не увѣнчались и не идутъ дальше общихъ предположеній. Было бы странно, конечно, отрицать значеніе самопризнанія Пушкина. Мое предположеніе и не противорѣчитъ выводу о реальной, почерпнутой изъ дѣйствительной жизни основѣ образа Татьяны. Но вѣдь никто и не предполагаетъ полнаго тождества художественнаго образа и его реальнаго оригинала; и если такой оригиналъ не найденъ, то

1) Евг. Он., VIII, 51.

мы не можемъ утверждать, что та или иная черта, которую мы знаемъ въ Татьянѣ, есть воспоминаніе о дѣйствительной жизни, а не произошла изъ другого источника; мы лишены возможности точно различить въ ея художественномъ образѣ то, что почерпнуто изъ реальной, дѣйствительной жизни, и то, что привнесено въ него поэтомъ и какъ продуктъ дѣятельности его собственнаго творческаго воображенія, и какъ результатъ другихъ вліяній, напр. литературныхъ. Для образа Татьяны остается еще много, очень много такого, чего нельзя возвести, чего я и не думаю возводить къ предполагаемому мною источнику; много еще останется и на долю фактическихъ воспоминаній, и на долю самостоятельнаго художественнаго творчества поэта.

Въ настоящее время едва ли нужно защищать поэта отъ подозрѣній въ подобномъ вліяніи на него произведеній предыдущей литературы: оно доказано для величайшихъ поэтовъ (какъ Шекспиръ) и не мѣшаетъ признанію ихъ геніальности. Относительно Татьяны и вообще „Онѣгина" подобныя указанія уже дѣлались[1]), такъ что вопросъ о литературныхъ вліяніяхъ въ „Онѣгинѣ" поставленъ уже раньше меня. Литературныя воспоминанія являются такимъ же матеріаломъ, какъ и тотъ, который доставляетъ художнику-поэту „громадно несущаяся" жизнь, съ ея богатствомъ фактовъ,—являются матеріаломъ, который онъ еще можетъ обработать, болѣе или менѣе самостоятельно. Что касается даннаго случая, то я до сихъ поръ намѣренно говорилъ только о чертахъ сходства; но не трудно замѣтить, какъ велико различіе между личностями Acanthe и Татьяны, различіе ихъ судьбы, не говоря

---

1) Особенно: Н. П. Дашкевичъ, назв. соч.; В. В. Сиповскій, Татьяна, Онѣгинъ и Ленскій (Русск. Стар. 1899, 5 — 6, и отд.); главнымъ образомъ, важно указаніе на вліяніе Руссо.

уже о различіи въ степени художественной обработки обоихъ произведеній, о различіи художественнаго замысла, художественныхъ задачъ, которыя ставили себѣ оба поэта. Я укажу главнѣйшія черты.

Прежде — о характерахъ героинь. Какъ ни исключительно свѣтлыми чертами обрисовываетъ Вольтеръ Acanthe, тѣмъ не менѣе Татьяна и какъ личность является глубже мыслящею и чувствующею, и какъ поэтическій образъ — глубже задуманною.

Татьяна — человѣкъ болѣе активный, болѣе готовый къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, чтобы избавиться отъ окружающей пошлости: Acanthe „не смѣетъ“ думать о любви къ маркизу и готова смириться передъ судьбой; Татьяна смѣло и прямо обращается къ Онѣгину съ признаніемъ и просьбой о „защитѣ“; она не входитъ въ компромиссы со своимъ сердцемъ и не находитъ нужнымъ подавлять охватившую ее страсть. Татьяна выше французской героини и по своему уму: не говоря о тѣхъ ея дѣйствіяхъ (изученіе личности Онѣгина по его книгамъ, новая встрѣча съ нимъ), которыя выходятъ за предѣлы проводимой мною параллели, мы находимъ разницу въ самой жалобѣ обѣихъ дѣвушекъ: въ жалобѣ Acanthe ясно выражается только недовольство грубостью деревенскихъ нравовъ; и въ той жизни, о которой она мечтаетъ, она цѣнитъ именно изящество свѣтской жизни, возвышенность чувства; идейная сторона не выражается ясно. Татьяна человѣкъ не только чувства, но и мысли; она отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ своемъ умственномъ превосходствѣ, въ томъ, что ея идеи, ея духовный міръ не доступенъ для окружающихъ (ея никто не понимаетъ, разсудокъ ея изнемогаетъ). Глубже пояснена и причина, почему героиня полюбила героя: Татьяна живетъ мечтою; подъ вліяніемъ романовъ она давно создала себѣ героя, сжилась съ нимъ; она его „слыхала“, онъ „говорилъ съ ней въ тиши“, и „чуть онъ во-

шелъ", она его „вмигъ *узнала*". Этой жизненной черты, столь ярко рисующей „мечтательницу" Татьяну, у Вольтера нѣтъ: мы только можемъ догадываться, что романы подготовили любовь его героини; авторъ „Le Droit du Seigneur" останавливается главнымъ образомъ, какъ сказано выше, на томъ впечатлѣнiи, какое производятъ на Acanthe романы *послѣ* того, какъ она видѣла маркиза. Здѣсь Пушкинымъ внесено существенное видоизмѣненiе. Очевидно, такимъ образомъ, что если Пушкинъ и воспользовался темою Вольтера, то разработалъ ее самостоятельно и глубже.

Но еще болѣе самостоятельности и еще болѣе отличiя отъ комедiи Вольтера видимъ мы у Пушкина въ общей постановкѣ указаннаго мотива: любви мечтательной героини къ прибывшему изъ другой, болѣе культурной среды герою. Чувствомъ любви и благополучнымъ концомъ, которымъ она увѣнчивается, все и кончается у Вольтера; при этомъ сцена объясненiя между маркизомъ и Acanthe (III, 6) написана нѣсколько въ игривомъ тонѣ (таково подробное обозначенiе въ ремаркахъ, какъ молодые люди постепенно придвигаютъ свои стулья другъ къ другу, и ревнивое замѣчанiе вбѣжавшаго Mathurin'a по этому поводу). Въ объясненiи Татьяны съ Онѣгинымъ нѣтъ ничего игриваго, а результатъ объясненiя совершенно иной. У Пушкина другой, несравненно болѣе серьезный художественный замыселъ. Передъ нами картина того, какъ жизнь со своей безпощадной иронiей разбиваетъ мечтательные порывы „неопытной души", какъ о житейскую прозу ломаются благородные, идеальные, но слишкомъ фантастичные и чуждые знанiя дѣйствительности планы; передъ нами—настоящая и серьезная, полная суровой, но глубокой жизненной правды трагедiя. Натура Татьяны, цѣльная и здоровая, выдерживаетъ тяжелое испытанiе; оставаясь тою же чистою и благородною, она научается правильно

цѣнить людей и вещи, она впослѣдствіи умѣетъ проникать ихъ смыслъ;

так тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Моментъ, составляющій все содержаніе комедіи Вольтера, у Пушкина, въ сущности, является только завязкою сложнаго дѣйствія его романа[1]). Отвѣтъ Онѣгина Татьянѣ находится въ началѣ четвертой главы, а далѣе поэтъ изображаетъ послѣдствія столкновенія, къ которому привели Татьяну и Онѣгина ихъ знакомство и вспышка ея любви, рисуетъ картину духовнаго развитія героевъ, которое является результатомъ этого столкновенія. Ничего подобнаго нельзя искать въ легкой Вольтеровой комедіи, гдѣ можно видѣть лишь зерно, пышно разросшееся въ Пушкинской разработкѣ.

Замѣчу, что и маркизъ,—вообще говоря, мало живое лицо, какъ большею частью добродѣтельные герои въ комедіяхъ ложноклассической эпохи,—представляетъ въ нѣкоторыхъ чертахъ сходство съ Онѣгинымъ: я разумѣю то осужденіе свѣта, брошеннаго разочарованнымъ въ немъ и его людяхъ маркизомъ, которое вложено въ уста послѣднему авторомъ въ началѣ 3-го дѣйствія[2]). Я не сомнѣваюсь, что Онѣгинъ задуманъ безъ всякаго воздѣйствія комедіи Вольтера; достаточно выяснено, что на его образѣ отразились совсѣмъ другія литературныя вліянія;

---

1) Самъ поэтъ считаетъ, что отвѣтъ Онѣгина Татьянѣ находится въ „началѣ нашего романа“ (VIII, 20).

2) Que je voudrais oublier pour toujours
L'illusion, les manèges des cours!
Tous ces grands riens, ces pompeuses chimères,
Ces vanités, ces ombres passagères,
Au fond du coeur laissent un vide affreux...
Dans ce grand monde, où chacun veut paraître,
On est esclave, et chez moi je suis maître.

самая разочарованность Онѣгина и серьезнѣе сама по себѣ, и полнѣе объяснена. Но я допускаю, что эта черта Онѣгина послужила точкой соприкосновенія между русскимъ романомъ и французской комедіей: она могла быть поводомъ, въ силу котораго Пушкину припомнилась комедія Вольтера или нѣкоторые ея мотивы, а этимъ уже подсказана была проведенная тамъ мысль — обратить на такого героя любовь чистой, юной, неопытной, мечтательной дѣвушки, неудовлетворенной окружающею средой и видящей въ немъ воплощеніе своего идеала. При первомъ появленіи этой мысли поэтъ могъ еще и не представлять себѣ, куда поведетъ его героевъ это чувство; вѣдь онъ сперва

даль свободнаго романа
...сквозь магическій кристаллъ
Еще неясно различалъ [1]),

а въ черновомъ наброскѣ 3-й главы думалъ заставить Онѣгина влюбиться въ Татьяну [2]).

Задачи, которыя ставилъ себѣ Пушкинъ въ „Онѣгинѣ", спутникѣ многихъ лѣтъ, многихъ перемѣнъ во внѣшней обстановкѣ и переломовъ въ душевной жизни великаго поэта, съ теченіемъ времени все осложнялись, расширялись и углублялись. Припомнимъ, какъ мѣняется общій колоритъ и тонъ романа, какъ онъ изъ веселаго и игриваго, блестящаго остроуміемъ [3]), становится все болѣе и болѣе — не мрачнымъ, но грустнымъ и серьезнымъ. Связь съ комедіею Вольтера я и усматриваю въ первыхъ (трехъ) главахъ, въ которыхъ нашли себѣ мѣсто отмѣченныя выше

1) „Евг. Онѣг.", VIII, 50.
2) Соч., III, 282.
3) По словамъ самого Пушкина, въ предисловіи къ изданію 1-й главы, она „напоминаетъ Беппо, шуточное произведеніе мрачнаго Байрона". Вообще же первыя главы „носятъ на себѣ отпечатокъ веселости" (Соч. III, 419).

аналогіи. А этотъ постепенный внутренній ростъ самого романа, въ которомъ чувствуется ростъ и развитіе его создателя, и который составляетъ особую, чарующую его прелесть, не имѣетъ уже ничего общаго съ комедіей „Le Droit du Seigneur“.

Я не могу не остановиться еще на одной подробности. Выше уже указано, что аристократическія воззрѣнія маркиза не потерпѣли ничего, хотя онъ и увлекся достоинствами Acanthe, въ которой видѣлъ простую дѣвушку. Странное впечатлѣніе производитъ на читателя, что Вольтеръ, пользуясь старымъ и столь обычнымъ у французскихъ классиковъ мотивомъ „узнанія“, нашелъ нужнымъ наградить Acanthe полнымъ торжествомъ только тогда, когда оказалось, что она не крестьянскаго, а знатнаго происхожденія, и тѣмъ ослабилъ впечатлѣніе той нравственной силы, которою она обладаетъ: оно было бы сильнѣе, если бы она побѣдила и аристократическіе предразсудки маркиза. Онѣгинъ также свысока относится къ Татьянѣ; но эта черта иначе мотивирована и разработана Пушкинымъ. Татьяна не крестьянка; но она дѣвушка скромная, живетъ въ глуши и „ничѣмъ не блеститъ“, по ея собственному признанію; отсюда и проистекаетъ такое отношеніе къ ней Онѣгина; впослѣдствіи онъ увлекается ею, когда видитъ ее знатною, богатою, блестящею. Но это неумѣніе вполнѣ оцѣнить человѣка, какъ человѣка, является причиною страданій и для самого Онѣгина, и для другихъ лицъ и заставляетъ его выслушать „урокъ“ Татьяны, которая упрекаетъ его за то, что на него такъ повліяли ея

успѣхи въ вихрѣ свѣта.

Простая и скромная дѣвушка у Пушкина торжествуетъ надъ Онѣгинымъ. Итакъ, данный мотивъ разработанъ у нашего поэта вполнѣ самостоятельно и ориги-

нально. Да и все глубоко-сочувственное отношеніе Пушкина къ деревнѣ, къ простой жизни и простымъ людямъ, которое видно въ „Онѣгинѣ“ и съ собою силою сказалось въ „путешествіи Онѣгина“ (объ этомъ говорилось много разъ, такъ что распространяться здѣсь нѣтъ надобности), значительно отличаетъ романъ отъ Вольтеровой комедіи.

Несомнѣнно, Вольтеръ сыгралъ крупную роль въ воспитаніи у Пушкина, — какъ и вообще въ русской литературѣ и обществѣ, — чувства уваженія къ человѣческому достоинству; но чуткій Пушкинъ пошелъ дальше учителя; мы знаемъ, какъ часто вопросъ объ уваженіи къ человѣческой личности занималъ его мысль и чувство, знаемъ, какъ онъ каралъ своимъ поэтическимъ судомъ гордость, пренебреженіе къ людямъ, эгоизмъ, которые въ его пониманіи являются источникомъ страданій, душевной пустоты; мы знаемъ, какъ дорогъ былъ ему человѣкъ именно какъ человѣкъ.

Сила творчества и глубина дарованія поэта нигдѣ быть можетъ, не бываетъ ясна въ такой степени, какъ въ этихъ обработкахъ навѣянныхъ литературными источниками мотивовъ: сравненіе выдвигаетъ и освѣщаетъ эти его свойства. Громадное дарованіе Шекспира давно уже выясняется съ указанной точки зрѣнія: это наиболѣе извѣстный примѣръ. Относительно Пушкина напомню прекрасную статью покойнаго академика И. Н. Жданова о „Русалкѣ“, гдѣ онъ показалъ, какъ Пушкинъ разработалъ и углубилъ мотивъ, который нашелъ въ неважной драмѣ Генслера „Das Donauweibchen“ [1]). Какъ тамъ, такъ и въ той параллели, которую позволяю себѣ указать я, мы можемъ видѣть примѣры, съ одной стороны, чуткости

---

1) „Русалка“ Пушкина и „Das Donaubweitchen“ Генслера („Памяти Пушкина. Сборникъ С.-Пб. Университета“). 1900.

и отзывчивости Пушкина, который вездѣ умѣлъ находить благодарные мотивы для своей творческой дѣятельности, подбирая ихъ нерѣдко въ литературныхъ произведеніяхъ второстепеннаго достоинства, а съ другой стороны — той замѣчательной самостоятельной обработки, которой онъ подвергалъ такіе мотивы, возводя ихъ въ перлъ созданія.

А. Кадлубовскій.

Несостоявшаяся газета Пушкина „Дневникъ“ (1831—1832).

Въ теченіе многихъ лѣтъ Пушкина занимала и безпокоила мысль объ основаніи своего собственнаго журнала, который могъ бы быть органомъ тѣснаго круга друзей-писателей. Еще въ 1825 г., въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому, онъ высказывалъ эту мысль: „Когда-то мы возьмемся за журналъ. Мочи нѣтъ хочется“ [1]). 30 ноября того же года Пушкинъ писалъ А. А. Бестужеву: „Ты ѣдешь въ Москву; поговори тамъ съ Вяземскимъ о журналѣ, онъ самъ чувствуетъ въ немъ необходимость, а дѣло было-бы чудно-хорошо“ [2]). Въ февралѣ 1826 г. Пушкинъ писалъ П. А. Катенину: „Будущій альманахъ радуетъ меня несказанно, если разбудитъ онъ тебя для поэзіи. Душа проситъ твоихъ стиховъ; но знаешь-ли что? Вмѣсто альманаха не затѣять ли намъ журнала вродѣ Edimburgh Rewiew? Голосъ истинной критики необходимъ у насъ; кому же, какъ не тебѣ, забрать въ руки общее мнѣніе и дать нашей словесности новое, истинное направленіе“ [3]). Вяземскому поэтъ сооб-

---

1) Сочиненія А. С. Пушкина, редакція П. А. Ефремова, изд. Суворина, т. VII (1903), стр. 205.

2) Соч. Пушкина, VII, 233.

3) VII, 244.

щалъ въ началѣ іюня 1826 г.: „Пора бы намъ отослать и Булгарина и Благонамѣреннаго[1]), и Полевого, друга нашего. Теперь не до того; а ей-Богу, когда-нибудь примусь за журналъ. Жаль мнѣ, что съ Катенинымъ ты никакъ не ладишь. А для журнала онъ находка" [2]). Въ письмѣ къ тому же другу отъ 9 ноября 1826 г., Пушкинъ сообщаетъ: „Милый мой, Москва оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе, но все-таки лучше съ вами видѣться, чѣмъ переписываться. Къ тому-же журналъ. — Я ничего не говорилъ тебѣ о твоемъ рѣшительномъ намѣреніи соединиться съ Полевымъ, а ей-Богу грустно[3]). Итакъ, никогда порядочные литераторы вмѣстѣ у насъ ничего не произведутъ! Все въ одиночку. Полевой, Погодинъ, Сушковъ, Завальевскій, кто бы ни издавалъ журналъ, все равно. Дѣло въ томъ, что намъ надо завладѣть однимъ журналомъ самовластно и единовластно... Впрочемъ, ничего не ушло. Можетъ быть, не Погодинъ, а я буду хозяинъ новаго журнала" [4]). Здѣсь не мѣсто подробно излагать, какія побужденія и надежды руководили въ тѣ годы Пушкинымъ въ его заботахъ о пріобрѣтеніи собственнаго литературнаго органа[5]). Достаточно указать, что онъ

1) Журналъ А. Измайлова.

2) VII, 254.

3) Кн. Вяземскій сотрудничалъ въ „Московскомъ Телеграфѣ" Н. А. Полевого и не хотѣлъ оставить этого журнала ради возникавшаго тогда „Московскаго Вѣстника" Веневитинова; срав. VII, 264.

4) VII, 362, 363.

5) Подробности о журнальной дѣятельности Пушкина см.: П. В. Анненковъ, Общественные идеалы А. С. Пушкина. Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни поэта—„Вѣстникъ Европы", 1880, № 6 (перепечатано въ „Воспоминаніяхъ и критич. очеркахъ", т. III, 225 — 267); М. И. Сухомлиновъ, Полемическія статьи Пушкина—„Историч. Вѣстникъ", 1884, № 3 (перепеч. въ Изслѣдованіяхъ и статьяхъ, т. II, стр. 247—300); В. В. Гиппіусъ, Пушкинъ и журнальная полемика его времени.—„Памяти Пушкина", сборникъ Истор.-Филолог. факультета С.-Петербургскаго Университета, 1900, стр. 227 — 328; Ф. Некрасовъ, „Д. В. Веневитиновъ, „Московскій Вѣстникъ" и А. С. Пушкинъ; ихъ взаимныя историко-литературныя отношенія"—

стремился уничтожить журнальную монополію Булгарина-Греча, поднять литературную критику и открыть себѣ и своимъ литературнымъ друзьямъ-единомышленникамъ независимый заработокъ. Когда родственный поэту по культурному складу Веневитиновскій кружокъ затѣялъ съ 1827 г. издавать „Московскій Вѣстникъ", Пушкинъ очень сочувственно отнесся къ предпріятію, вербовалъ для новаго журнала сотрудниковъ [1]), уговаривая Погодина не бросать редакторства въ немъ [2]), самъ помѣщалъ въ „Вѣстникѣ" многія свои произведенія. Въ 1828 г. Пушкинъ самъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему съ Дельвигомъ издавать журналъ [3]). Когда „Московскій Вѣстникъ" замеръ и возникла „Литературная Газета" барона А. А. Дельвига (1830), Пушкинъ принялъ въ ней дѣятельное участіе, торопясь использовать этотъ новый, „свой" журналъ въ интересахъ литературной критики и полемики [4]). Но „Литературная Газета" скоро подверглась опалѣ (декабрь 1830) и, со смертью барона Дельвига, захирѣла. Сотрудничество въ чужомъ, Надеждинскомъ „Телескопѣ" Пушкина не удовлетворяло, и его снова стали безпокоить планы самостоятельнаго журнальнаго издательства.

Въ 1831 году молодые Пушкины (бракъ состоялся 18 февраля того года въ Москвѣ) жили долго (съ конца мая по конецъ октября) въ Царскомъ Селѣ. Здѣсь поэтъ

„Пушкинскій Сборникъ" Московскаго Университета, 1900, стр. 64 — 71; К. Кузьминскій. А. С. Пушкинъ, его публицистическая и журнальная дѣятельность. Москва, 1901, — особ. стр. 65 — 114; А. Ершовъ, Къ исторіи русской журналистики. „Современникъ" (1836 — 1866) — „Образованіе", 1903 X — XI; Б. Глинскій, Загробный журналъ Пушкина — „Истор. Вѣстникъ", 1897, I, 241 — 279.

1) Напр. Н. М. Языкова, VII, 264.

2) VII, 283; 296.

3) VII, 467 — 8; Анненковъ, Общ. идеалы Пушкина.

4) И въ то же время не переставалъ думать о новой газетѣ. См. письмо къ кн. П. А. Вяземскому изъ Москвы въ Петербургъ отъ 2 мая 1830 г. — Соч., VII, 342 — 343.

задумалъ хлопотать о разрѣшеніи и осуществленіи политической и литературной газеты. Эти хлопоты о газетѣ имѣли свою исторію, довольно длинную (полутора-годичную), которая, однако, совсѣмъ не разработана въ пушкинской литературѣ. Правда, уже оглашены нѣкоторые матеріалы, относящіеся сюда, но они не были сведены во-едино. Въ нижеслѣдующемъ изложеніи мы постараемся заполнить этотъ пробѣлъ, привлекая и новыя данныя, почерпнутыя изъ неизданныхъ писемъ Н. И. Греча и изъ пушкинскихъ бумагъ Публичной Библіотеки.

Еще 26 марта 1831 г. въ письмѣ къ П. А. Плетневу Пушкинъ упоминаетъ: „Я не прочь издавать съ тобой послѣдніе Сѣверные Цвѣты. *Но затѣваю и другое, о которомъ также переговоримъ*“ [1]). 11 апрѣля къ тому же Плетневу онъ пишетъ: „Мнѣ кажется, что если всѣ мы будемъ въ кучкѣ, то литература не можетъ не согрѣться и чего нибудь да не произвести: альманаха, журнала, чего добраго и газеты“! [2])

25 мая Пушкинъ переѣхалъ въ Царское Село, а 27 числа уже писалъ А. Х. Бенкендорфу: „Maintenant permettez moi de vous importuner pour chose qui m'est personel. Jusqu'à present j'ai beaucoup négligé mes moyens de fortune. Actuellement que je ne puis être insouciant sans manquer à mes devoirs, il faut que je songe à m'enrichir et j'en demande la permission à Sa Majesté, mon service auquel Elle a daigné m'attacher, mes occupations littéraires m'obligent à demeurer à Petersbourg, et je n'ai de revenu que ce, que me procure mon travail. L'entreprise littéraire dont je sollicite l'autorisation et qui assurerait mon sort, serait d'être à la tête du journal dont M-r Joukovsky m'a dit vous avoir parlé“ [3]).

---

1) VII, 399.
2) VII, 401.
3) VII, 404—5.

Какъ видно изъ этого частнаго письма къ Бенкендорфу, Пушкинъ мотивомъ своего ходатайства о разрѣшеніи на журналъ (какъ и своей просьбы о причисленіи на службу) выставляетъ свои стѣсненныя финансовыя обстоятельства. При письмѣ Пушкинъ представилъ Бенкендорфу также полуоффиціальную записку объ изданіи газеты, гдѣ мотивы новаго литературнаго предпріятія представлены полнѣе и сложнѣе[1]). Аргументація записки сводится къ слѣдующему. Прежде литературой въ Россіи занимались только немногіе любители, не извлекавшіе изъ этого матеріальныхъ выгодъ. Теперь литература оживилась и „составляетъ отрасль промышленности", доходной для профессіональныхъ писателей. Всего доходнѣе періодическія изданія, помѣщающія политическія извѣстія. Такія изданія привлекаютъ большее число читателей и оказываютъ на нихъ большее вліяніе. Сужденія этихъ изданій, поэтому, имѣютъ большое значеніе въ книжной торговлѣ. Произвольно осужденная ими книга можетъ потерять сбытъ. Изъ русскихъ журналовъ привиллегіей помѣщать политическія извѣстія пользуется „Сѣверная Пчела". „Такимъ образомъ, литературная торговля находится въ рукахъ издателей Сѣв. Пчелы, и критика, какъ и политика, сдѣлалась ихъ монополіей. Отъ сего терпятъ вещественный ущербъ всѣ литераторы, которые не находятся въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ издателями Сѣверной Пчелы". „Для возстановленія равновѣсія въ литературѣ намъ необходимъ журналъ, коего средства могли бы равняться средствамъ Сѣв. Пчелы, т. е. журналъ, въ коемъ бы печатались политическія и заграничныя ново-

1) Эта записка представляетъ собою воспроизведеніе записки 1828 г., о которой упомянуто выше, — съ нѣкоторыми дополненіями и отмѣнами. Полностью, съ подлинника, напечатана въ т. VII, 405 (съ варіантами 1828 г.).

сти“[1]). Такимъ образомъ, Пушкинъ выдвигаетъ впередъ меркантильную цѣль своего предпріятія и настаиваетъ на уравненіи правъ журнальныхъ предпринимателей. Политическую же физіономію проектируемаго журнала онъ опредѣляетъ такъ: „Направленіе политическихъ статей зависитъ и должно зависѣть отъ правительства, и въ семъ случаѣ я полагаю священною обязанностью ему повиноваться и не только соображаться съ рѣшеніемъ цензора, но и самъ обязуюсь строго смотрѣть за каждой строкою моего журнала. Злонамѣренность была бы съ моей стороны столь же безразсудна, какъ и не благодарна“. Какой результатъ имѣло это представленіе Пушкина, неизвѣстно. На письмѣ къ Беккендорфу 27 мая сохранилась помѣтка карандашомъ: „Завтра въ 12 часовъ къ Генералу“, но что̀ отвѣчалъ Пушкину шефъ жандармовъ, — объ этомъ свѣдѣній нѣтъ. Пушкинъ мало вѣрилъ въ успѣхъ своего ходатайства. Онъ зналъ, что монополія политическихъ извѣстій, полученная Булгаринымъ-Гречемъ, досталась имъ не случайно; онъ понималъ, что правительству удобнѣе имѣть дѣло съ однимъ единственнымъ политическимъ журналомъ, къ тому же такимъ исключительно послушнымъ и воспріимчивымъ. 13 апрѣля 1832 г. кн. П. А. Вяземскій иронически писалъ И. И. Дмитріеву: „Извѣстно, что въ числѣ коренныхъ государственныхъ узаконеній есть и то, хотя не объявленное Правительствующимъ Сенатомъ, что никто не можетъ въ Россіи издавать политическую газету, кромѣ Греча и Булгарина. Они одни—люди надежные и достойные довѣренности правительства; всѣ прочіе, кромѣ единаго Полевого, злоумышленники. — Вы, вѣрно, пожалѣли о прекращеніи „Европейца“, послѣдовавшемъ, вѣроятно, также въ силу выше-

1) VII, 406 — 7.

упомянутаго узаконенія“ [1]). Поэтъ чувствовалъ, что правительство Бенкендорфа отнесется къ его публицистическимъ планамъ всячески подозрительно и будетъ ревниво оберегать privillegia odiosa Булгарина-Греча. Пушкинъ очень осторожно выражался въ своей запискѣ о дѣятельности этихъ двухъ журналистовъ-монополистовъ. Напр., указавъ, что „Сѣверная Пчела“, пользуясь своимъ монопольнымъ положеніемъ, можетъ произвольно опорочивать произведенія несимпатичныхъ ей литераторовъ, Пушкинъ торопится добавить: „Всякій журналистъ имѣетъ право говорить мнѣніе свое о нововышедшей книгѣ столь строго, какъ угодно ему. Сѣверная Пчела пользуется симъ правомъ — и *хорошо дѣлаетъ*. Закономъ требовать отъ журналиста благосклонности или безпристрастія было бы невозможно и несправедливо“ [2]). Пушкинъ боялся, что Булгаринъ и Гречъ узнаютъ о его предпріятіи, пустятъ въ ходъ всякія интриги и, пользуясь расположеніемъ Бенкендорфа, провалятъ его журналъ. Чтобы предупредить эти интриги, Александръ Сергѣевичъ рѣшилъ обратиться за содѣйствіемъ къ Максиму Яковлевичу фонъ-Фоку, близкому сослуживцу и подчиненному Бенкендорфа. Къ нему онъ питалъ довѣріе и въ своей записной книжкѣ отзывался о немъ очень хорошо; „На дняхъ скончался въ Петербургѣ фонъ-Фокъ [3]), начальникъ III Отдѣленія Государевой Канцеляріи (тайной полиціи), человѣкъ добрый, честный и твердый. Смерть его есть бѣдствіе общественное“ [4]). Въ началѣ іюня Пушкинъ обратился къ нему съ письмомъ, къ которому приложилъ и черновую записки

---

1) „Русск. Арх.“ 1868, ст. 616.
2) VII, 406.
3) Ум. 27 августа 1831 г. *Н. П.*
4) V, 577. И далѣе: „Вопросъ: кто будетъ на его мѣстѣ? важнѣе другого вопроса: что сдѣлаемъ съ Польшей“(!).

о газетѣ[1]). Освѣдомляя фонъ-Фока о своемъ планѣ, Пушкинъ, очевидно, жаловался на покровительство, оказываемое высшей полиціей Гречу-Булгарину. 8 іюня фонъ-Фокъ отвѣчалъ Пушкину[2]): „Дозвольте мнѣ, милостивый государь, возвращая при семъ черновую прошенія, которую вы были такъ добры мнѣ сообщить, увѣрить васъ, съ моей всегдашней откровенностію, что я далекъ отъ покровительства какому либо литератору на счетъ его собратовъ.... Издатели „Сѣверной Пчелы" болѣе близко знакомы мнѣ вслѣдствіе прежнихъ, чисто-общественныхъ отношеній... Что касается статей политическаго содержанія, изрѣдка доставляемыхъ мною для помѣщенія въ издаваемой ими газетѣ, то это дѣлается мною по обязанности, по указанію генерала Бенкендорфа, который обыкновенно кладетъ на нихъ свое письменное одобреніе. По этой самой причинѣ, позволяю себѣ думать, что можетъ быть и вы хорошо сдѣлали бы, обратясь, по поводу вашего предпріятія, къ генералу Бенкендорфу, который постоянно оказывалъ вамъ очевидныя доказательства своего особливаго благорасположенія". Фонъ-Фокъ совѣтовалъ Пушкину обратиться съ просьбой о разрѣшеніи газеты къ Бенкендорфу. Забылъ-ли Пушкинъ предупредить фонъ-Фока, что уже писалъ Бенкендорфу еще 27 мая, или тогда письмо не дало никакихъ опредѣленныхъ результатовъ и фонъ-Фокъ настаивалъ на возобновленіи ходатайства, — неизвѣстно. Мы не знаемъ также, что̀ предпринималъ Пушкинъ послѣ отвѣта фонъ-Фока. Въ его письмахъ за іюнь 1831 года мы не находимъ никакихъ упоминаній о дальнѣйшихъ хлопотахъ.

---

1) Ни даты письма Пушкина къ фонъ-Фоку, ни точнаго содержанія его, ни приложенной записки пока въ біографической литературѣ не извѣстно. О нихъ мы узнаёмъ только изъ отвѣтнаго письма фонъ-Фока.

2) „Русск. Арх." 1881, 1, 2 439 — 441 (подлинникъ по-французски).

Въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому отъ 3 іюля Пушкинъ пишетъ: „По газетамъ видѣлъ я, что Тургеневъ отправился къ тебѣ въ Москву; не пріѣдешь ли съ нимъ назадъ? Это было бы славно. Мы бы что нибудь и затѣяли вродѣ „альманаха“ [1]). Быть можетъ, подъ „альманахомъ“ Пушкинъ разумѣлъ газету или журналъ. Мысли добиться разрѣшенія на газету онъ не оставлялъ. Около 21 — 22 іюля [2]) поэтъ подалъ Бенкендорфу заявленіе, въ которомъ просилъ о повышеніи въ чинѣ и о разрѣшеніи заниматься въ архивахъ [3]) и здѣсь же писалъ: „Если Государю Императору угодно будетъ употребить перо мое (*въ черновой*: для политическихъ статей), то буду стараться [4]) съ точностью и усердіемъ исполнить волю Его Величества и готовъ служить Ему по мѣрѣ моихъ способностей. Въ Россіи періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій, которыхъ у насъ не существуетъ, — и правительству нѣтъ надобности имѣть свой офиціальный журналъ. Но тѣмъ не менѣе общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо [5]). Съ радостію взялся бы я за редакцію *Политическаго и Литературнаго журнала*, т. е. такого, въ коемъ печатались бы политическія и заграничныя новости. Около него соединилъ бы я писателей съ дарованіемъ и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его

---

1) VII, 418.

2) День точно не установленъ, такъ какъ на бумагѣ нѣтъ даты. Г. Ефремовъ относитъ ее къ 21 — 22 іюля.

3) VII, 426 — 7. Въ книгѣ И. А. Шляпкина: „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“, СПБ., 1903, стр. 84 — 85, черновая письма воспроизведена полнѣе, чѣмъ у П. А. Ефремова, — со всѣми варіантами, отмѣнами и дополненіями оригинала. Въ дальнѣйшихъ сноскахъ мы отмѣчаемъ изъ нихъ болѣе характерное.

4) *Было*: то почту за щастіе.

5) *Зачеркнуто*: правительствомъ.

непріязненнымъ къ просвѣщенію". Въ черновикѣ еще сказано: „Нынѣ, когда справедливое негодованіе и старая народная вражда, долго растравляемая завистью, соединила всѣхъ насъ противъ Польскихъ мятежниковъ[1]), озлобленная Европа нападаетъ покамѣстъ не оружіемъ, но ежедневной бѣшеной клеветою. Конституціонныя правительства хотятъ мира, а молодыя поколѣнія, волнуемыя журналами, требуютъ войны... Пускай позволятъ намъ, русскимъ писателямъ, отражать безстыдныя и невѣжественныя нападенія иностранныхъ газетъ". И еще: „Правительству легко будетъ извлечь изъ нихъ (т. е. писателей съ дарованіемъ) всевозможную пользу, когда Богъ дастъ миръ и Государю досугъ будетъ заниматься устройствомъ успокоеннаго государства, ибо Россія крѣпко надѣется на Царя и истинные друзья отечества желаютъ ему царствованія долголѣтняго"[2]). Такъ, слогомъ Булгарина, котораго презиралъ за пресмыкательство и продажность, писалъ Пушкинъ шефу жандармовъ просьбу о повышеніи сразу на два чина (титулярнаго совѣтника и коллежскаго ассесора), о допущеніи въ государственные архивы, чтобы по стопамъ „исторіографа" Карамзина составлять исторію русскихъ царей отъ Петра I до Петра III, и о разрѣшеніи періодическаго изданія.

Это прошеніе Бенкендорфу — одно изъ темныхъ пятенъ на памяти поэта. Еще въ запискѣ, поданной Бенкен-

---

1) Писано во время польскаго возстанія 1831 г.

2) На подлинномъ написано карандашомъ, рукою Бенкендорфа: „написать гр. Нессельроде, что Государь велѣлъ его принять въ Иностранную коллегію съ позволеніемъ рыться въ старыхъ архивахъ для написанія исторіи Петра Перваго. Не угодно ли будетъ Графу испросить или самому назначить Пушкину жалованье" (Дѣла III Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи о Пушкинѣ—„Всемірный Вѣстн." 1905, № 4, прилож., 120).

Итакъ: 1) Пушкина обѣщали принять на службу съ жалованьемъ и 2) открывали ему доступъ къ архивамъ. Но о позволеніи издавать газету Бенкендорфъ умалчивалъ.

дорфу 27 мая непріятно поражаютъ такія заявленія: „литература оживилась и приняла обыкновенное свое направленіе, т. е. *торговое*[1]). Нынѣ составляетъ она отрасль промышленности, покровительствуемой законами“; отъ несправедливыхъ критикъ „Сѣверной Пчелы“ „терпятъ вещественный ущербъ всѣ литераторы, которые не находятся въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ издателями Сѣверной Пчелы: ни одно изъ ихъ произведеній не продается, ибо никто не станетъ покупать товара, охужденнаго въ самомъ газетномъ объявленіи“[2]). Но въ этихъ постоянныхъ подчеркиваніяхъ меркантильной стороны литературнаго дѣла еще можно усматривать старый, испытанный методъ оппортюнистической аргументаціи, подбирающей для начальства доводы, единственно ему понятные и пріемлемые. Въ заявленіи же 21—22 іюля Пушкинъ предлагалъ правительству „употребить его перо для политическихъ статей“, при чемъ не ставилъ никакихъ условій и ограниченій и не намѣчалъ своихъ собственныхъ политическихъ взглядовъ, но обѣщалъ „стараться съ точностью и усердіемъ исполнять волю“ правительства. Онъ объявлялъ, что „общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо“ — въ интересахъ начальства; онъ предлагалъ правительству привлечь къ дѣлу „писателей съ дарованіемъ“, увѣряя, что ему „легко будетъ извлечь изъ нихъ всевозможную пользу“. Справедливое негодованіе европейскаго общества на жестокую политику русскаго правительства въ Польшѣ онъ именовалъ „безстыдными и невѣжественными нападеніями иностранныхъ газетъ“.

Мы не будемъ здѣсь касаться эволюціи политическихъ взглядовъ Пушкина и тѣхъ ближайшихъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ складывались его настроенія и

1) Курсивъ Пушкина.
2) VII, 406 — 7.

мысли въ описываемое время[1]). Опубликованные и публикуемые въ послѣднее время богатые архивные матеріалы, изображающіе взаимоотношенія Пушкина съ Николаемъ I, Бенкендорфомъ и вообще съ администраціей и рисующіе ужасную картину насилій надъ личностью поэта, а также — непререкаемое благородство Пушкина, сохраненное имъ, несмотря на всѣ колебанія и паденія, — освобождаютъ насъ здѣсь отъ обязанности входить въ истолкованія или оправданія вышеприведеннаго заявленія Бенкендорфу. Какъ и само заявленіе, — ходъ и исходъ всего новаго литературнаго предпріятія Пушкина зависѣли отъ тяжкихъ „внѣшнихъ условій“ тогдашняго времени. Въ своихъ ходатайствахъ о газетѣ Пушкинъ выступалъ, какъ конкуррентъ монополистовъ Булгарина и Греча. Въ своей тогдашней журнальной полемикѣ, въ частной перепискѣ, въ бесѣдахъ съ друзьями — Пушкинъ заявлялъ себя прямо врагомъ этихъ рептилій. Ниже увидимъ, однако, что Пушкину пришлось и въ этой области личныхъ отношеній сдѣлать большой шагъ назадъ въ интересахъ приспособленія къ „внѣшнимъ условіямъ“.

Поворотъ въ политическихъ взглядахъ Пушкина, его готовность идти на компромиссы и служить „видамъ правительства“ встрѣтили сочувственный откликъ у лицъ, раньше его эволюціонировавшихъ въ томъ же направленіи. Въ іюлѣ или августѣ 1831 г. Ф. Ф. Вигель написалъ изъ Петербурга Александру Сергѣевичу въ Царское Село очень длинное письмо. Вотъ нѣкоторыя выдержки

---

1) Объ этомъ писали П. В. Анненковъ, Обществ. идеалы Пушкина; В. Е. Якушкинъ, Статьи о Пушкинѣ; В. А. Мякотинъ, Изъ Пушкинской эпохи (Изъ исторіи русскаго общества); А. Н. Пыпинъ, Характеристики литературныхъ мнѣній; А. Ѳ. Кони, Общественные взгляды А. С. Пушкина („Чествованіе памяти Пушкина Импер. Академіеи Наукъ“, СПБ., 1900, стр. 34 — 70); А. Л. Слонимскій, Политическіе взгляды Пушкина („Историч. Вѣстникъ“ 1904, VII, 970 — 986); и др.

изъ него: „Проектъ политико-литературнаго журнала восхитителенъ; я имъ очень занятъ; я искалъ и, кажется, нашелъ обезпеченный способъ его исполненія. Вы знакомы съ Уваровымъ, бывшимъ членомъ Арзамаса. Хотя онъ не въ особенно хорошихъ отношеніяхъ съ моимъ начальствомъ; но благорасположенъ ко мнѣ и въ хорошихъ отношеніяхъ съ генераломъ Бенкендорфомъ. Вашъ проектъ сообщенъ ему, — онъ его одобряетъ, онъ имъ увлекается и, если вы хотите, онъ поговоритъ съ Бенкендорфомъ... За мысль вашего проекта онъ ухватился съ жаромъ, съ юношескимъ увлеченіемъ. Онъ обѣщаетъ, онъ клянется помогать его исполненію. Съ того момента, какъ онъ узналъ, что у васъ добрые принципы, онъ готовъ обожать вашъ талантъ, которому до сихъ поръ только удивлялся“. Вигель и Уваровъ были такъ обрадованы благонамѣренностью Пушкина, что торопились немедленно учесть „добрые принципы“ поэта въ пользу его житейской карьеры. „По своему нетерпѣнію, онъ (Уваровъ) хотѣлъ бы васъ видѣть почетнымъ членомъ своей Академіи Наукъ [1]). Первое свободное кресло въ Россійской Академіи Шишкова должно быть вамъ назначено, вамъ оставлено. Какъ поэту, вамъ не нужно служить, но почему бы вамъ не сдѣлаться придворнымъ? Если лавровый вѣнокъ украшаетъ чело сына Аполлона, почему камергерскому ключу не украсить задъ потомка древняго благороднаго рода? Конечно, все это только предначертанія счастья и славы для того, кто не довольствуется только прославленіемъ своей родины, но хочетъ служить ей своимъ перомъ. Отъ васъ только зависитъ имѣть горячихъ и ревностныхъ сторонниковъ. Онъ хочетъ, чтобы вы посѣтили его, но лучше напишите ему просьбу

1) Съ 1818 г. и по смерть (1855) С. С. Уваровъ состоялъ президентомъ Академіи Наукъ.

о свиданіи и назначьте часъ и день; вы тотчасъ получите быстрый, удовлетворительный отвѣтъ“[1]). Извѣстно, что предположенія Вигеля сбылись: членомъ Россійской Академіи Пушкинъ былъ сдѣланъ 7 января 1833 г., а камеръ-юнкеромъ — 30 декабря того же года. За то неизвѣстно, вступалъ ли Пушкинъ, по совѣту Вигеля, въ переговоры съ Уваровымъ, ходатайствовалъ ли послѣдній за Александра Сергѣевича передъ Бенкендорфомъ, и чѣмъ вообще кончилось вмѣшательство двухъ старыхъ арзамасцевъ въ предпріятіе Пушкина.

Опять неизвѣстно, что̀ отвѣчалъ Бенкендорфъ Пушкину на его второе ходатайство о газетѣ. Извѣстно, что и просьба Пушкина о принятіи его на службу не встрѣтила въ начальствѣ большой предупредительности: правда, согласіе на это было дано тотчасъ же, обѣщано было и жалованье, однако дѣло объ опредѣленіи Пушкина въ Иностранную Коллегію затянулось до 14 ноября 1831 г., а жалованье было назначено только 4 іюля 1832 г.[2]) Просьба о разрѣшеніи газеты могла еще менѣе расчитывать на сочувствіе правительства[3]). Въ перепискѣ Пушкина съ друзьями за ближайшіе послѣдующіе мѣсяцы мало упоминаній о ходѣ интересующаго насъ дѣла, хотя онъ постоянно упоминаетъ объ иныхъ своихъ литературныхъ предпріятіяхъ[4]). 22 іюля Пушкинъ писалъ П. А. Плетневу: „Кстати скажу тебѣ новость (но да останется это, по многимъ причинамъ, между нами): царь взялъ

1) И. А. Шляпкинъ, Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина, 1903, стр. 148—149.

2) VII, 427.

3) Пушкинъ, впрочемъ, и самъ это предвидѣлъ; въ черновомъ наброскѣ „заявленія“ 21 іюля стояло: „Если Политическій журналъ покажется предпріятіемъ излишнимъ, то буду просить дозволенія заняться историческими изысканіями въ нашихъ Госуд. Арх. и библіотекахъ“; VII. 428.

4) Между прочимъ, онъ много тогда хлопоталъ объ изданіи „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ въ пользу семьи покойнаго барона А. А. Дельвига.

меня на службу, но не въ канцелярскую, или придворную, или военную — нѣтъ, онъ далъ мнѣ жалованье[1]), открылъ мнѣ архивы, съ тѣмъ, чтобы я рылся тамъ и ничего не дѣлалъ. Это очень мило съ его стороны, не правда ли“?[2]) Однако, о третьей просьбѣ, о разрѣшеніи издавать газету, — въ письмѣ ни слова. Очевидно, просьба тогда была совсѣмъ отклонена или осталась безъ опредѣленнаго отвѣта[3]). Полтора мѣсяца спустя, 3-го сентября, Пушкинъ пишетъ П. В. Нащокину: „Царь (между нами) взялъ меня въ службу, т. е. далъ мнѣ жалованье и позволилъ рыться въ архивахъ для составленія Исторіи Петра I. Дай Богъ здравія царю“[4]). О разрѣшеніи на газету опять ни слова. Въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому отъ того же 3 сентября дѣло разъясняется: разрѣшеніе все еще не было получено, да и надежды на него были плохія: „Ты пишешь о журналѣ: да, черта съ два. Кто намъ разрѣшитъ журналъ? Фонъ-Фокъ умеръ[5]): того

1) Т. е., пока только обѣщалъ взять на службу и дать жалованье, какъ мы знаемъ.

2) VII, 428 — 9.

3) Правда, П. В. Анненковъ, указавъ, что въ іюнѣ Пушкинъ подалъ Бенкендорфу просьбу объ изданіи газеты, говоритъ: „Отвѣтъ не заставилъ себя долго ждать и превзошелъ ожиданія Пушкина. 31 іюля 1831 г. ему обѣщано было разрѣшеніе на изданіе газеты, и тогда-же... дано право на посѣщеніе и изученіе государств. архивовъ“. („Обществ. идеалы Пушкина“, въ „Воспоминаніяхъ и критич. очеркахъ“, III, 248, 249, 250). Это сообщеніе Анненкова неточно и неясно. Просьбу Пушкинъ подавалъ не въ іюнѣ, а въ іюлѣ (или раньше,—въ маѣ); согласіе на занятія въ архивахъ получилъ 22 іюля, а не 31-го. Откуда Анненковымъ взята дата 31 іюля 1831 г., — онъ не указываетъ. У Н. О. Лернера, въ „Трудахъ и дняхъ Пушкина“ она не отмѣчена.

4) VII, 436.

5) Пушкинъ, кажется, сильно ошибался и насчетъ фонъ-Фока. По крайней мѣрѣ хорошо освѣдомленный М. М. Поповъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ: „Государь былъ чрезвычайно милостивъ къ поэту, встрѣчалъ сочиненія его съ величайшимъ одобреніемъ... Бенкендорфъ же и его помощникъ фонъ-Фокъ, не восхищавшіеся ничѣмъ въ литературѣ и не считавшіе поэзію дѣломъ важнымъ, передавали царскую волю

и гляди поступитъ на его мѣсто Н. И. Гречъ. Хороши мы будемъ. О газетѣ политической нечего и думать, но журналъ ежемѣсячный, или четырехмѣсячный, третейской можно бы намъ попробовать — одна бѣда: *безъ модъ* онъ не пойдетъ, а съ модами стать намъ на ряду съ Шаликовымъ, Полевымъ и проч. — совѣстно. Какъ ты? *съ* или *безъ*"?[1]) Спустя еще полтора мѣсяца, въ письмѣ къ Нащокину отъ 24 октября, мы читаемъ: „Плохо. Жду Вяземскаго. Не знаю, не затѣю ли что нибудь литературнаго — журнала, альбома, или тому подобнаго. Лѣнь"[2]). Затѣмъ въ письмахъ Пушкина и въ другихъ источникахъ, какими мы располагаемъ, долго не упоминается о начатомъ предпріятіи.

Къ началу 1832 г. относитъ свои показанія новый свидѣтель, Наркизъ Ивановичъ Тарасенко-Отрѣшковъ, человѣкъ, ставшій въ 1832 г. близко къ предпріятію Пушкина и оставившій о немъ воспоминанія[3]). Къ сожа-

---

Пушкину всегда пополамъ со строгостью, хотя въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ. Они какъ бы безпрестанно ожидали, что вольнодумецъ ихъ предприметъ какой либо вредный замыселъ или сдѣлается коноводомъ возмутителей" („Рус. Стар". 1874, VII, 647).

1) VII, 438. Вяземскій отвѣчалъ на это: „Какимъ же быть модамъ, когда ты помышляешь о четырехмѣсячномъ или третейскомъ журналѣ. Куда же поспѣютъ наши моды, развѣ — въ Камчатку? А о мѣсячномъ журналѣ намъ и думать нечего: мы не довольно правильной жизни" (Собр. соч. кн. П. П. Вяземскаго, СПБ. 1893, стр. 536).

2) VII, 444.

3) Н. И. Тарасенко-Отрѣшковъ литераторствовалъ потомъ въ 40-хъ годахъ. О его литературной освѣдомленности Анненковъ отзывается пренебрежительно: „Н. И. Отрѣшковъ успѣлъ составить себѣ репутацію серьезнаго ученаго и литератора по салонамъ, гостинымъ и кабинетамъ вліятельныхъ лицъ, не имѣя никакого имени и авторитета ни въ ученомъ, ни въ литературномъ мірѣ... Вѣроятно въ одномъ изъ Петербургскихъ салоновъ Пушкину и указали на Н. И. Отрѣшкова, какъ на образцоваго и дѣльнаго сотрудника по журналу. Отрѣшковъ не усумнился взять въ свои руки газету... и вести ее безъ признака редакторской способности, безъ литературныхъ связей въ обществѣ и безъ капитала... Подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Отрѣшкова печаталось посмертное изданіе

лѣнію, воспоминанія эти, писанныя въ 1855 г., т. е. 23 года спустя послѣ событій, не отличаются ни полнотою, ни точностью. Захватывая собою періодъ въ цѣлый годъ, они не даютъ послѣдовательнаго хронологическаго перечня событій, такъ что отдѣльныя сообщенія Отрѣшкова трудно пріурочить къ опредѣленному времени. О многихъ фактахъ, интересующихъ насъ и, конечно, хорошо извѣстныхъ Отрѣшкову, онъ совсѣмъ не упоминаетъ. Но предоставимъ слово ему самому. „Въ 1832 году я лично познакомился съ Пушкинымъ и сейчасъ разскажу, по какому случаю. До того я только встрѣчался съ нимъ. Э. П. Перцовъ, искренно любившій Пушкина[1]), въ то время часто видѣлся съ нимъ, часто говорилъ мнѣ о немъ, такъ что можно сказать, что мы другъ друга достаточно уже знали. По откровенности Пушкина къ г. Перцову, ему было извѣстно состояніе его денежныхъ средствъ. Въ началѣ 1832 года Э. П. Перцовъ, пріѣхавъ ко мнѣ, ска-

---

„Сочиненій Пушкина“, удивившее даже и тогдашнюю, не очень взыскательную, публику своей безпорядочностью“ (Анненковъ, Воспомин. и критич. очерки, III, 258).

Когда въ 1855 г. появились „Матеріалы для біографіи Пушкина“ П. В. Анненкова, Тарасенко-Отрѣшковъ написалъ сочиненіе: „О значеніи Пушкина въ русской словесности“. Этотъ трудъ попалъ въ собраніе рукописей Ѳ. А. Бычкова, который опубликовалъ отрывокъ изъ него, относящійся какъ разъ къ нашей темѣ, въ статьѣ „Неосуществившаяся газета Пушкина“, („Историч. Вѣстн.“, 1886, II, 387 — 391).

1) О Перцовѣ однажды упоминаетъ самъ Пушкинъ, въ письмѣ къ А. А. Фуксъ отъ 19 октября 1834 г. (VII, 579 — 580). Объ этомъ Перцовѣ говоритъ кн. Вяземскій въ своей записной книжкѣ: „Былъ у меня поэтъ, литераторъ, молодой Перцовъ, принесъ свою книжку: „Искусство брать взятки“. Въ шуткѣ его мало перца, но въ стихахъ его шаловливыхъ, которые Александръ Пушкинъ читалъ мнѣ наизусть, много перца, соли и веселости. Онъ теперь, говорятъ, служитъ при „Сѣверной Пчелѣ“. Собр. Соч. П. А. Вяземскаго, т. IX, 119 (записная книжка 1830 г.). Объ Э. Перцовѣ см. также въ ст. проф. Е. А. Боброва: „А. А. Фуксъ и казанскіе литераторы 30 — 40-хъ годовъ“, „Рус. Старина“ 1904, VII, 5 — 8; ст. Б. Л. Модзалевскаго въ Русск. Біографич. Словарѣ, С.-Пб., 1902, 582 — 583; „Пушкинъ и его современники“, вып. III, С.-Пб., 1905, 31, 34, 35, 39, 44, 47, 50, 62, 64, 66.

залъ, что Пушкинъ желаетъ со мною познакомиться и посовѣтываться. Дѣло въ томъ, что оба они находили, что Пушкинъ, какъ знаменитый и любимый писатель, можетъ съ большою для себя выгодою и пользою для словесности издавать газету. Пушкинъ получилъ уже и предварительное дозволеніе отъ правительства издавать въ большомъ видѣ ежедневную газету политики и словесности". Итакъ, Отрѣшковъ относитъ давно жданное Пушкинымъ предварительное разрѣшеніе правительства на изданіе политической и литературной газеты къ началу 1832 г., не указывая точнѣе,—къ какому, именно, мѣсяцу. Онъ не объясняетъ также, почему дано было только „предварительное" разрѣшеніе, и какія условія ставились начальствомъ для разрѣшенія окончательнаго, и потомъ уже нигдѣ не упоминаетъ о томъ, когда дано было это окончательное разрѣшеніе. Еще въ 1826 г. Пушкинъ писалъ кн. Вяземскому: „Мы слишкомъ лѣнивы, чтобы переводить, выписывать, объявлять; вотъ зачѣмъ и издатель существуетъ".[1]) Эти слова объяснятъ намъ, почему Пушкинъ обратился за содѣйствіемъ къ Отрѣшкову. Самъ Тарасенко-Отрѣшковъ объ этомъ говоритъ слѣдующее: „Опытъ предшествовавшихъ занятій Пушкина по изданію „Московскаго Вѣстника" и „Литературной Газеты" заставилъ друзей убѣдиться въ несвойственности природы Пушкина къ трудамъ постояннымъ и къ занятіямъ неизбѣжнымъ при изданіи журнала или газеты. Пушкинъ искалъ себѣ товарища и обратился ко мнѣ, по поводу чего въ томъ же 1832 году я имѣлъ нѣсколько совѣщательныхъ свиданій съ Пушкинымъ". Далѣе Отрѣшковъ передаетъ свои разговоры съ Пушкинымъ въ формѣ непрерывнаго діалога, при чемъ трудно установить, насколько точно записалъ онъ слова Пушкина, и къ какимъ

1) VII, 262 (письмо отъ 9 ноября).

мѣсяцамъ относятся разныя части переговоровъ. По словамъ Отрѣшкова, Пушкинъ въ разговорѣ указывалъ на потребность въ газетѣ, уважающей собственное достоинство, безпристрастно оцѣнивающей литературныя произведенія, устанавливающей правильныя понятія въ словесности и имѣющей полный политическій отдѣлъ. Самъ онъ предполагалъ взять на себя „все, что относится до словесности", въ томъ числѣ разборъ книгъ „по знакомымъ предметамъ", а Отрѣшкову предоставлялъ отдѣлъ политическій и общее завѣдываніе изданіемъ. Отрѣшковъ, будто-бы, не согласился на это. Онъ говорилъ Пушкину: „для того, чтобы отдѣлъ словесности шелъ безостановочно, необходимы срочныя, постоянныя, ежедневныя занятія. Это для васъ будетъ обременительно, затруднитъ ходъ газеты, возьметъ все ваше время, и русская словесность потеряетъ отъ того". Самъ онъ готовъ былъ самонадѣянно взять на себя составленіе программы газеты, всѣхъ смѣтъ[1]) и руководство также и словеснымъ отдѣломъ, такъ что становится непонятно, что же оставлялъ онъ на долю Пушкина. Однако, собесѣдники съумѣли договориться, хотя Отрѣшковъ не выясняетъ—на какихъ же, точно, условіяхъ. „Вслѣдъ за тѣмъ были сдѣланы нѣкоторыя предварительныя распоряженія. Требуемый въ подобныхъ случаяхъ правительствомъ примѣрный нумеръ газеты, подъ заглавіемъ: „Дневникъ. Политическая и Литературная газета", былъ набранъ въ типографіи и представленъ по принадлежности".

Графическая схема нумера воспроизведена у Анненкова и въ Сочиненіяхъ Пушкина, ред. Ефремова, т. VII, 470. Доселѣ сохранился и самый подлинникъ пробнаго нумера „Дневника". „По окончаніи ликвидаціи долговъ и иму-

---

1) Отрѣшковъ предлагалъ даже устроить для газеты собственную типографію и готовъ былъ ссудить на это до 2000 рублей.

щества умершаго поэта, Отрѣшковъ собралъ бумаги, прошедшія черезъ его руки въ теченіи довольно долгаго разбирательства, и принесъ ихъ въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ". (Анненковъ, Воспомин., III, 258). Въ числѣ этихъ, донынѣ неизданныхъ бумагъ, хранящихся въ рукописномъ отдѣленіи Публичной Библіотеки, мы нашли и пробный оттискъ „Дневника". Онъ не представляетъ ничего особенно интереснаго. Была набрана всего одна страница, при томъ—на скорую руку, съ массой корректурныхъ неисправностей. Весь текстъ состоитъ изъ „извѣстій", взятыхъ очевидно изъ послѣднихъ газетъ; напр.: „Санктпетербургъ, 2-го сентября. Въ Среду, 31-го августа, послѣдовало Открытіе Александринскаго Театра. Государь Императоръ и Государыня Императрица, со всею Августѣйшею Фамиліею Своею, благоволили удостоить сіе открытіе Высочайшимъ Своимъ присутствіемъ"; „Португалія. Въ придворной газетѣ отъ 15-го августа напечатано донесеніе генерала Санта-Морты, полученное изъ Балтара отъ 10-го августа... Передовой постъ Дона Педра въ Піо, состоявшій изъ одного унтеръ-офицера и 10 солдатъ, въ сей день перешелъ съ оружіемъ и снарядами. Армія Дона Педра стоитъ въ укрѣпленіяхъ Опорта". Отмѣтимъ здѣсь одно недоумѣніе. Въ своихъ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина" (изд. 1873, стр. 350), говоря очень кратко о газетномъ предпріятіи Александра Сергѣевича, Анненковъ замѣчаетъ: „Откладывая день за день исполненіе своего предпріятія, Пушкинъ, наконецъ, совсѣмъ потерялъ его изъ виду и забылъ о немъ, какъ и слѣдовало ожидать. Нѣкоторое время еще оставались въ рукахъ его друзей статейки, приготовленныя имъ для газеты въ видѣ образчика. Эти послѣдніе свидѣтели намѣренія его теперь сохраняются въ бумагахъ его, какъ примѣры мастерского изложенія событій". Что это за „статейки для газеты" и въ какихъ бумагахъ онѣ сохраняются? Если

Анненковъ разумѣлъ пробный нумеръ „Дневника", сохраняемый въ бумагахъ Н. И. Тарасено-Отрѣшкова, то въ немъ нѣтъ цѣльныхъ статей, и „мастерского изложенія" не замѣтно.

Какъ видимъ, показанія Отрѣшкова не точны и не полны. Онъ не указываетъ, къ какому моменту относится начало переговоровъ съ Пушкинымъ, когда было дано „предварительное дозволеніе" и когда—„окончательное"; когда и кому былъ представленъ „примѣрный нумеръ газеты", и какъ потомъ шло дѣло до конца 1832 г.[1]). О хлопотахъ Пушкина по изданію и о сношеніяхъ его съ Отрѣшковымъ сохранилось еще показаніе сестры поэта; но и оно не разъясняетъ хронологическихъ вопросовъ. 28-го апрѣля 1832 г. Ольга Сергѣевна писала своему мужу, Николаю Ивановичу Павлищеву, что Александръ Сергѣевичъ задумалъ приступить къ изданію ежедневной политической газеты. „Мой бѣдный братъ готовъ осквернить свой поэтическій геній и осквернить его единственно для того, чтобы удовлетворить насущнымъ матеріальнымъ потребностямъ; но судя по тому, что онъ мнѣ разсказывалъ, описывая свое ненадежное положеніе, Александръ иначе и поступить не можетъ. Но куда ему съ его высокой созерцательной, идеальной душой окунуться въ самую обыденную прозу, возиться съ будничнымъ вздоромъ, прочитывать всякій день полицейскія извѣстія, кто пріѣхалъ, кто уѣхалъ, кто на улицѣ невзначай разбилъ себѣ носъ, кого потащили за уличныя безпорядки въ часть, сколько публики было въ театрахъ, какая актриса

---

1) Пробный нумеръ набранъ былъ, во всякомъ случаѣ, не раньше первыхъ чиселъ сентября 1832 года. Объ этомъ свидѣтельствуютъ хронологическія даты помѣщенныхъ въ немъ „извѣстій". Открытіе Александринскаго театра въ 1832 г., дѣйствительно, послѣдовало 31 августа (А. Вольфъ, Хроника петербургскихъ театровъ, ч. I, стр. 30). Извѣстіе изъ Португаліи относится къ эпизоду междоусобной войны, имѣвшему мѣсто именно въ августѣ 1832 г.

или актеръ тамъ восторгался (вобуждалъ восторгъ? *Н. П.*), болтать всякій день о дождѣ и солнцѣ, а что всего хуже, печатать да разбирать безчисленныя побасенки иностранныхъ лгуновъ, претендующихъ на политическія свѣдѣнія, чортъ съ ними! Гораздо лучше предоставить всѣ эти пошлости Булгарину и Гречу". Тамъ же Ольга Сергѣевна упоминаетъ, что Пушкинъ имѣетъ въ виду взять къ себѣ въ помощь, въ качествѣ распорядителя по изданію газеты, Н. И. Отрѣшкова, и кстати разсказываетъ, какъ смѣшно и плохо говоритъ Отрѣшковъ по-французски[1]).

Слухи о предпринимаемомъ изданіи „распространялись по городу въ большомъ размѣрѣ", скоро перенеслись въ Москву и даже за границу.

Кн. П. А. Вяземскій писалъ 3-го іюня И. И. Дмитріеву изъ Петербурга: „Въ литературномъ мірѣ, за исключеніемъ обѣщаннаго позволенія, даннаго Пушкину издавать газету и съ политическими извѣстіями, нѣтъ ничего новаго. Но и это — важное событіе, ибо подрывается журнальный откупъ, снятый Гречемъ и Булгаринымъ"[2]). 6-го іюня А. И. Тургеневъ, посылая Пушкину изъ Любека въ подарокъ „Album littéraire", сдѣлалъ на книгѣ надпись: „Журналисту Пушкину"[3]). 19-го іюля же Вяземскій сообщалъ Дмитріеву „Молодой или будущій газетчикъ занятъ своею беременностію. Тяжелый подвигъ, особенно при недостаткѣ сотрудниковъ. Пришлите что нибудь новорожденному на зубокъ"[4]). Дмитріевъ отвѣчалъ 31 іюля: „При случаѣ прошу васъ сказать мой поклонъ В. А. Жуковскому, Д. Н. Блудову, С. С. Уварову и А. С.

---

1) Л. Павлищевъ. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ, С.-Пб. 1890, стр. 283 — 284.

2) „Русскій Арх.", 1868, 619.

3) Сообщено Н. О. Лернеромъ (по матеріаламъ Б. Л. Модзалевскаго).

4) „Рус. Арх.", 1868, 622.

Пушкину и подписаться за меня на его газету. Съ нетерпѣніемъ жду ее“ [1]).

Извѣстіе, что прославленный и любимый поэтъ станетъ во главѣ новаго періодическаго изданія, обрадовало, конечно, многихъ почитателей Пушкина. Любимовъ горячо писалъ изъ Петербурга Погодину: „Вѣрно, слышали вы о предположеніи Пушкина издавать ежедневную газету. Отъ души желаю всякаго успѣха. Авось тогда нѣсколько поумолкнутъ Полевые, Булгарины, Гречи и вся нечистая и нерусская ихъ братія... Вы не будете Погодинъ, если не будете съ своей стороны помогать столь доброму подвигу“ [2]). Однако, это же извѣстіе должно было сильно встревожить монополистовъ Булгарина-Греча. Новая газета Пушкина, вокругъ которой объединились бы лучшія литературныя силы Россіи, грозила серьезнымъ подрывомъ ихъ собственнымъ изданіямъ. При первомъ же извѣстіи объ изданіи Пушкина Гречъ и Булгаринъ заторопились учитывать свой возможный рискъ и готовы были принять рѣшительныя мѣры къ борьбѣ съ новымъ соперникомъ. Какъ вдругъ, неожиданно для нихъ, а также и для историковъ литературы, самъ соперникъ пошелъ въ грече-булгаринскую Каноссу, на примиренье и союзъ.

Этотъ любопытный эпизодъ, доселѣ бывшій почти совершенно неизвѣстнымъ въ біографической литературѣ о Пушкинѣ, въ подробностяхъ раскрываютъ намъ неизданныя письма Н. И. Греча изъ Петербурга къ Ѳ. В. Булгарину въ Дерптъ, въ 1832 г. [3]) Правда, въ своихъ

---

1) „Старина и Новизна“, т. II (1898), стр. 168.

2) Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, IV (1891), 95.

3) Въ фамильномъ архивѣ Булгариныхъ, въ имѣніи Карлово близъ Дерпта (Юрьева), въ числѣ другихъ неизданныхъ документовъ, имѣющихъ историко-литературный интересъ, хранится огромная пачка писемъ Н. И. Греча къ Булгарину (до 150 писемъ, за все время ихъ совмѣстной журнальной дѣятельности). Въ этихъ письмахъ, помимо публи-

позднѣйшихъ „Запискахъ“ Гречъ упоминаетъ объ этомъ эпизодѣ, но очень кратко, не безъ прикрасъ и неточно. „Въ концѣ 1831 года, вознамѣрившись издавать „Современникъ“, Пушкинъ пріѣзжалъ ко мнѣ и предлагалъ мнѣ участіе въ новомъ журналѣ. Я отвѣчалъ, что принялъ бы его предложеніе съ величайшимъ удовольствіемъ, но не знаю, какъ освободиться отъ моего „польскаго пса“. Пушкинъ самъ сознался, что это невозможно, и прибавилъ, смѣючись: „Да нельзя ли какъ-нибудь убить его?“ У меня стало бы довольно досуга на это занятіе, но Булгаринъ преогорчилъ бы жизнь мою, если бы увидѣлъ, что журналъ Пушкина, при моемъ содѣйствіи, идетъ не худо, а „Пчелу“ я не могъ оставить безъ совершеннаго себѣ разоренія“ [1]).

Въ неизданныхъ письмахъ Греча первое, неясное, извѣстіе о сношеніяхъ съ Пушкинымъ находимъ подъ 1-мъ іюня 1832 г.: „...Съ Пушкинымъ мы сходимся довольно дружно, и я надѣюсь, что сойдемся въ дѣлѣ. Но, ради Бога, не думай, чтобъ я тобою пожертвовалъ. Улажу все къ общему удовольствію“... Не извѣстно, о какомъ „дѣлѣ“ упоминаетъ здѣсь Гречъ, и въ чемъ могъ онъ „пожертвовать“ Булгаринымъ. Второе письмо, отъ 22 іюня, говоритъ уже прямо о газетѣ Пушкина: „...Смирдинъ пріѣхалъ на сихъ дняхъ изъ Москвы, объявилъ мнѣ вчера, что онъ не можетъ начать предполагаемаго союза съ Новаго года, [2]) но въ то же время далъ честное

куемыхъ ниже свѣдѣній о Пушкинѣ, имѣются и другія интересныя данныя, напр. о цензурныхъ притѣсненіяхъ. Къ сожалѣнію отвѣтныя письма Булгарина къ Гречу не были въ нашемъ распоряженіи и черновиковъ ихъ не имѣется въ Карловскомъ архивѣ, хотя возможно, что бѣловыя гдѣ нибудь сохранились донынѣ. Нѣкоторые документы изъ Карловскаго архива обнародованы нами въ „Русской Старинѣ“ 1903, XII, 601—609; 1905, IV, 200—216; XII, 706—718.

1) Записки Н. И. Греча, С.-Пб. 1886, стр. 457.

2) 13-го апрѣля 1832 г. П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Смирдинъ, сказываютъ, снимаетъ „Сѣверную Пчелу“ и „Сынъ Отечества“

слово, что онъ ни съ кѣмъ не вступитъ въ сношенія для изданія какого-либо журнала, надѣясь, что таки со временемъ успѣетъ сладить съ нами. Главною причиною невозможности его приступить къ дѣлу есть то, что Пушкинъ получилъ уже позволеніе на изданіе политическаго журнала и начнетъ оный съ сентября мѣсяца. Какъ это сдѣлалось и когда, не знаю. Никто здѣсь не предсказываетъ добра Пушкину, ибо ему даже трудно, по деньгамъ, взять и Сомова въ сотрудники. Журналъ его, подъ какимъ титуломъ не знаю, будетъ выходить три раза въ недѣлю. Слишкомъ рѣдко для свѣжести извѣстій и слишкомъ часто для лѣнтяя. По-нѣмецки у него никто не знаетъ. Едва ли онъ дотянетъ до Новаго года. Мое мнѣніе такое: оставить его въ совершенномъ покоѣ, не трогать его, даже не говорить о немъ, какъ будто бы его вовсе не было. Самъ свалится, какъ Литературная газета.—Но каковы наши покровители и благодѣтели? Нѣтъ Марена, и все сгибло. Остались для себя мы сами, и этого для насъ довольно. Пушкинъ не отниметъ у насъ ни одного подписчика, ибо всякъ тотъ, кто возьметъ его журналъ, непремѣнно имѣетъ и будетъ имѣть Пчелу“. Изъ этого письма мы узнаемъ, что Пушкинъ ранѣе 22 іюня получилъ разрѣшеніе на изданіе политической газеты. О томъ же разрѣшеніи упоминаетъ и самъ Пушкинъ въ письмѣ къ М. П. Погодину отъ 11 іюля: „Знаете ли вы, что государь разрѣшилъ *мнѣ политическую газету?* Дѣло важное, ибо монополія пала. Вы чувствуете, что дѣло безъ васъ не обойдется. Но журналъ будучи торговымъ предпріятіемъ, я ни къ чему приступить не дерзаю, ни къ предложеніямъ, ни къ условіямъ, покамѣстъ порядкомъ не осмотрюсь; не хочу продать вамъ кожу мед-

---

и даетъ за право прежнимъ откупщикамъ по 60 или 50 тысячъ ежегодно.“ „Рус. Арх.“, 1868, ст. 616.

вѣдя еще живого, или собрать подписку на Исторію русскаго народа, существующую только въ нелѣпой башкѣ моей“ [1]). Согласно съ этимъ сообщеніемъ Пушкина, признававшагося Погодину, что онъ еще не готовъ приступить къ изданію, писалъ и Гречъ въ Карлово Булгарину отъ 16-го іюля: „Журналъ Пушкина вѣроятно не состоится: сказываютъ, онъ расчелъ, что не изъ чего биться“. А 30-го іюля Гречъ докладывалъ Булгарину: „О журналѣ Пушкина извѣстія затихли“. Однако — не надолго. Въ концѣ августа Пушкинъ сдѣлалъ Гречу „важное“ предложеніе. Вотъ какъ повѣствуетъ объ этомъ во всѣхъ подробностяхъ Гречъ въ письмѣ отъ 3-го сентября: „Теперь о важномъ дѣлѣ. За нѣсколько дней передъ симъ встрѣчается со мною на улицѣ Пушкинъ и объявляетъ, что вступаетъ на поприще журналиста. Я его поздравляю и желаю терпѣнія. Пушкинъ. Ахъ, если бы издавать съ вами, то было бы славно. Я. „А почему нѣтъ? Я не прочь— вы знаете.“ — Тутъ онъ началъ жаловаться, что его разобидѣли въ Сѣверной Пчелѣ, и что онъ желалъ бы сладить дѣло, но не знаетъ, какъ согласовать разныя требованія, и наконецъ обѣщалъ прійти ко мнѣ и поговорить.

Вчера онъ былъ у меня и сдѣлалъ слѣдующее предложеніе.

С. Пчела остается, какъ есть. Сына Отечества передаю я (или мы съ тобою) ему, то есть: онъ будетъ главный издатель, а я редакторъ. Такъ какъ первоначальная цѣль С. О. 1812 года измѣнилась, то Пушкинъ полагаетъ превратить оный въ Revue и постараться поставить на ногу, достойную Россіи и Европы. Со мною намѣренъ онъ дѣлиться прибылью. Я отвѣчалъ, что соглашусь на его предложеніе, спросясь у тебя.

Мое мнѣніе вотъ.

---

1) VII, 466.

Симъ средствомъ мы избавимся жестокой rivalité. И *еженедѣльная* Revue отнюдь не повредитъ *ежедневной* Пчелѣ. Сынъ Отечества давно уже не соотвѣтствуетъ своему заглавію. Къ Пчелѣ прибавить подписчиковъ трудно, ибо едва ли есть 3000 грамотныхъ людей въ Россіи, но къ 800 экз. Сына Отечества — можно. Вступая въ сотоварищество съ Пушкинымъ, я устраню всѣ гадости, какія могли бы надѣлать Воейковъ, Сомовъ и проч., и первымъ условіемъ моимъ Пушкину было, чтобъ ты былъ неприкосновененъ въ сей Revue. За право, которое ты имѣешь въ С. О., буду я платить тебѣ, какъ донынѣ, ибо новые подписчики будутъ привлечены Пушкинымъ. Лучше всего опредѣлить сумму; напримѣръ 5000 руб. въ годъ. Ты не будешь ни въ какой collision съ Пушкинымъ. — На случай разрушенія нашего союза съ Пушкинымъ, я не теряю права продолжать С. О. и Сѣв. Арх. по прежнему, съ тобою.

Какъ ты думаешь объ этомъ? Дай мнѣ знать. Я сказалъ только свое мнѣніе, но ничѣмъ не обязался. Отвѣчай поскорѣе. Я буду согласенъ на все, что ты рѣшишь. Ни за что на свѣтѣ не сдѣлаю ничего противнаго твоей пользѣ или образу мыслей".

Повидимому, въ тѣ времена Пушкинъ очень колебался въ своихъ издательскихъ планахъ. Техническая обстановка „торговаго предпріятія" — журнала — затрудняла его, и онъ, дѣйствительно, „не дерзалъ приступить" къ окончательнымъ предложеніямъ и условіямъ. 7 сентября Гречъ писалъ своему сотоварищу: „Любезнѣйшій Булгаринъ. Сообщаю тебѣ дальнѣйшія послѣдствія Лондонской конференціи.

„На другой день по отправленіи къ тебѣ письма, видѣлся я съ Пушкинымъ. Онъ сказалъ мнѣ, что перемѣнилъ мысли свои на счетъ Revue, хочетъ издавать газету три раза въ недѣлю и проситъ меня войти съ нимъ въ

половину и печатать ее у меня въ типографіи. Онъ обязуется доставлять статьи. Мое дѣло было-бы только смотрѣть за редакціею и за переводомъ статей газетныхъ. Я отвѣчалъ на сіе, что по условію нашему съ тобою не имѣю права участвовать ни въ какомъ другомъ журналѣ, равно какъ и ты, безъ обоюднаго согласія; что напишу къ тебѣ объ этомъ и потомъ дамъ ему отвѣтъ. — Итакъ, спрашиваю у тебя: *могу ли и долженъ ли я принять это предложеніе?* Отвѣчай мнѣ, какъ другъ, но рѣшительно и откровенно. Я исполню все, какъ ты скажешь.

Мое мнѣніе: зачѣмъ выпускать изъ рукъ П. и его партію? Мы уничтожимъ всякое дурацкое совмѣстительство[1]), и къ 1834 году навѣрное соединимся въ *одной* газетѣ. Если мнѣ нельзя будетъ за это взяться, возмется другой и напакоститъ и намъ, и Пушкину. Объ интересахъ денежныхъ не говорю: они будутъ ничтожны, ибо и самъ Пушкинъ надѣется имѣть не болѣе 1000 подписчиковъ.

— Но повторяю: это только мое мнѣніе, и на твое рѣшеніе оно вліянія имѣть не должно.

— Сомовъ нагадилъ Пушкину въ Сѣв. Цвѣтахъ, и они размолвили".

Булгаринъ, повидимому, не сдѣлалъ возраженій на предложеніе, изложенное въ письмѣ Греча отъ 3-го сентября. Онъ только смущался, кажется, сотрудничествомъ въ изданіи Пушкина О. М. Сомова, съ которымъ былъ во враждѣ, да еще вопросомъ о личныхъ своихъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ, противъ котораго еще такъ недавно допустилъ неприличную журнальную выходку. 10 сентября Н. И. Гречъ корреспондировалъ въ Карлово: „Благодарю тебя за отвѣтъ на мое письмо о предложеніяхъ Пушкина. Ты теперь имѣешь другое письмо, на которое жду отвѣта. — Повторяю: Сомовъ совершенно

1) По тогдашнему — соперничество.

отринутъ Пушкинымъ и никакого участія ни въ чемъ съ нимъ не имѣетъ [1]). Я виноватъ, что *во время оно* не облилъ тебя холодною водою и не убѣдилъ не печатать статьи на П. Ничего бы не было. Ты былъ въ азартѣ, а я полѣнился. Пушкина эта статья (будто изъ Анг. газетъ) такъ огорчила, что онъ понынѣ забыть не можетъ. [2]) А

---

1) Упоминаемый не однажды въ письмахъ Греча Орестъ Михайловичъ Сомовъ — небезызвѣстный журналистъ 20 — 30 годовъ, едва ли не первый русскій писатель, жившій только литературнымъ трудомъ. Онъ былъ близкимъ знакомымъ А. С. Грибоѣдова, А. А. Бестужева, К. Ѳ. Рылѣева, бар. А. А. Дельвига, вращался въ передовыхъ политическихъ и литературныхъ кругахъ, сотрудничалъ въ „Литературной Газетѣ", „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" и другихъ альманахахъ; долго и много работалъ въ изданіяхъ Греча и Булгарина (перечень его статей въ „Сынѣ Отечества" см. въ „Указателѣ статей серьезнаго содержанія" Бенардаки и Богушевича, СПБ, 1858, вып. I). Невозможный характеръ Булгарина заставилъ Сомова бросить работу въ „Сѣверной Пчелѣ". Вотъ что пишетъ объ этомъ Гречъ: „Булгаринъ бралъ и отставлялъ, привлекалъ и выгонялъ своихъ сотрудниковъ безпрерывно и обыкновенно оканчивалъ дѣло съ ними громкимъ разрывомъ, сопровождавшимся непримиримою враждою... Въ числѣ этихъ несчастныхъ илотовъ былъ Орестъ Михайловичъ Сомовъ, учившійся въ Харьковскомъ Университетѣ. Онъ зналъ французскій и итальянскій языки и очень хорошо писалъ по-русски, переводилъ умно и толково и рачительно исполнялъ всю мелкую работу по газетѣ... Вдругъ, въ концѣ 1829 г., Булгаринъ за что-то прогнѣвался на него и завопилъ: „Вонъ Сомыча, вонъ его" (Записки Н. И. Греча, стр. 454). Вражда продолжалась, очевидно, и въ 1832 г., такъ что Гречу (тоже терпѣвшему немало отъ грубости и самодурства Булгарина) приходилось увѣрять „шальнего" компаніона, что въ предполагаемомъ изданіи Пушкина Сомовъ участвовать не будетъ. О столкновеніи Сомова съ Пушкинымъ Комовскій писалъ Языкову: „Онъ (Пушкинъ) разладилъ съ Сомовымъ за благоразумное присвоеніе почтеннымъ Орестомъ Михайловичемъ денегъ, которыя выручилъ отъ изданія „Сѣверныхъ Цвѣтовъ", вслѣдствіе чего должность повѣреннаго и хлопотуна отнята у Ореста и въ оную облеченъ Наркизъ Отрѣшковъ" („Историч. Вѣстникъ" 1883, XII, 535, ст. Д. Н. Садовникова).

2) Столкновеніе Пушкина съ Булгаринымъ, о которомъ упоминаетъ здѣсь Гречъ, относится къ 1830 г. Въ „Литерат. Газетѣ" (№ 14, 7-го марта) былъ помѣщенъ неблагопріятный отзывъ о романѣ Булгарина „Дмитрій Самозванецъ". Статья принадлежала барону Дельвигу, но не была подписана. Уязвленный Булгаринъ приписалъ ее Пушкину и отвѣтилъ грязной выходкой. Въ № 30 „Сѣв. Пчелы" (11 марта) онъ помѣстилъ въ Смѣси „Анекдотъ (изъ англійсихъ газетъ)", гдѣ вывелъ Пушкина подъ видомъ французскаго писателя, „служащаго болѣе усердно Бахусу и Плутусу, нежели музамъ, который въ своихъ сочиненіяхъ не обнару-

мнѣ хотѣлось бы непремѣнно прекратить эти глупые раздоры въ литературѣ, которые не ведутъ ни къ чему хорошему. Adieu.“

Въ письмѣ отъ 3-го сентября Гречъ указывалъ Булгарину, что проектируемая Пушкинымъ еженедѣльная Revue не повредитъ ежедневной „Сѣверной Пчелѣ“, и этимъ хотѣлъ склонить къ согласію строптиваго сотоварища. Однако, Пушкинъ потомъ передумалъ и теперь собирался издавать газету три раза въ недѣлю, что̀ уже грозило монопольной „Пчелѣ“ значительной конкурренціей. Письмо Греча отъ 7-го сентября, содержащее извѣстіе объ этой перемѣнѣ условій, написано очень неувѣреннымъ и заискивающимъ тономъ. Повидимому, Гречу очень хотѣлось вступить съ Пушкинымъ въ соиздательство, но онъ боялся, что Булгаринъ, отъ котораго Гречъ весьма зависѣлъ въ финансовыхъ дѣлахъ, помѣшаетъ этому. Что̀ отвѣчалъ на два послѣднихъ письма Греча Карловскій помѣщикъ, мы не знаемъ. Но надо полагать, что новая комбинація уже не встрѣтила его сочувствія. Съ 10-го сентября извѣстія о предпріятіи Пушкина исчезаютъ изъ писемъ Греча—до 28-го сентября. Повидимому, оборвались и переговоры Пушкина съ Гречемъ. Можно думать, что пока для Пушкина казалось осуществимой возможность повести дѣло съ такимъ опытнымъ и свѣдущимъ журналистомъ, какъ Гречъ,—конъюнктура съ Тарасенко-Отрѣшковымъ была на время отложена. По крайней мѣрѣ, во всѣхъ вышеприведенныхъ письмахъ Греча совсѣмъ не

жилъ ни одной высокой мысли, ни одного возвышеннаго чувства...; который... бросаетъ риѳмами во все священное, чванится передъ чернью вольнодумствомъ, а тишкомъ ползаетъ у ногъ сильныхъ, чтобы позволили ему нарядиться въ шитый кафтанъ“, и т. д. Пушкинъ отвѣчалъ въ „Литературной Газетѣ“ замѣткой о запискахъ сыщика Видока и эпиграммами о Видокѣ Фиглеринѣ. Подробности этой исторіи изложены въ статьѣ В. Гиппіуса: „Пушкинъ и журнальная полемика его времени“, стр. 253 — 267.

упоминается этотъ соиздатель Пушкина. Теперь Отрѣшковъ снова появляется — и въ весьма рѣшительной позиціи. Пушкинъ выдаетъ ему довѣренность на принятіе званія редактора политической и литературной газеты. Вотъ ея текстъ, писанный на гербовой бумагѣ рукою самого Александра Сергѣевича:

„Милостивый Государь, Наркизъ Ивановичъ! Получивъ отъ Правительства позволеніе на изданіе Политической и Литературной Газеты и имѣя нынѣ Ваше, Милостивый Государь, согласіе быть Редакторомъ оной, — я довѣряю и покорнѣйше прошу Васъ принять на себя всѣ нужныя для того распоряженія; дѣлать, съ кѣмъ признаете выгоднымъ, условія на заготовленіе бумаги для печатанія; устроить собственную типографію Редакціи на два станка, съ необходимыми принадлежностями и наймомъ нужныхъ людей; нанять квартиру для помѣщенія Редакціи; равно какъ и занять, по оказавшейся надобности, до двухъ тысячъ рублей (*дальше не разобранное слово*: сѣр.? Ас.?); — словомъ производить все то, что клонится къ устроенію и приведенію въ дѣйствіе сего предпріятія, съ сохраненіемъ общихъ нашихъ пользъ. — Въ томъ же, что Вы по сему учините, я спорить и прекословить не буду. Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч. Александръ Пушкинъ, титулярный совѣтникъ. 16 сентября 1832 года“ [1]).

16-го сентября эта довѣренность явлена законнымъ

1) На оборотѣ бумаги другою рукой написано: „По 11-й Книгѣ № 202-й. 1832-го года сентября 16 дня сіе письмо Санктпетербургской Палаты Гражданскаго Суда въ 1-мъ департаментѣ титулярный совѣтникъ Александръ Пушкинъ явилъ и на основаніи указа 1765-го года сентября 5 дня объявилъ, что оное собственноручно имъ подписано и дано титулярному совѣтнику Наркизу Ивановичу Отрѣшкову“. Подписи: Засѣдатель Ф. Садовниковъ. Секретарь (неразборчиво). Коллеж. Секретарь Соловьевъ. (Печать). (Рукописное отдѣленіе Публичной Библіотеки, бумаги Н. И. Тарасенко-Отрѣшкова).

порядкомъ въ 1-мъ департаментѣ С.-Петербургской Гражд. Палаты. А 17-го сентября Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву. Между прочимъ, онъ везъ съ собою письмо кн. П. А. Вяземскаго къ И. И. Дмитріеву, гдѣ тотъ писалъ: „При мертвой буквѣ посылаю вамъ живую грамоту — поэта Пушкина и будущаго газетчика. Благословите его на новое поприще. Авось, съ легкой руки вашей одержитъ онъ побѣду надъ вратами ада, т. е. Телеграфомъ, зажметъ ротъ Пчелѣ и прочиститъ стекла Телескопу“ [1]). Въ Москву Пушкинъ прибылъ 21-го сентября, въ среду, и вскорѣ въ „Молвѣ“ появилось слѣдующее сообщеніе: „А. С. Пушкинъ въ Москвѣ. Если мы получимъ достовѣрныя свѣдѣнія объ его предположеніяхъ относительно изданія журнала или газеты, съ такимъ участіемъ ожидаемой всѣми, то постараемся удовлетворить любопытству публики“ [2]). Есть основанія думать, что въ Москвѣ Пушкинъ усердно вербовалъ сотрудниковъ и статьи въ свою газету. 30-го сентября онъ пишетъ женѣ изъ Москвы: „Сейчасъ отъ меня альманашникъ. Насилу отговорился отъ него. Онъ сталъ просить *стиховъ для альманаха, а я статьи для газеты*, такъ и разошлись... Мнѣ пришелъ въ голову романъ, и я вѣроятно, за него примусь; но покамѣсть голова моя кругомъ идетъ при мысли о газетѣ. Какъ-то слажу съ нею? Дай Богъ здоровья Отрыжкову [3]); авось вывезетъ“ [4]).

Но дѣло какъ то не спорилось. Московскія хлопоты врядъ-ли дали хорошіе результаты. Незавидное положеніе Пушкинскаго предпріятія скоро выяснилось для „совмѣстниковъ“-монополистовъ: они стали постепенно успокаиваться. Еще 28-го сентября Гречъ писалъ Булгарину:

---

1) „Русск. Арх.“ 1868, стр. 622 — 3, письмо отъ 17-го сентября.
2) „Молва“ 1832 г., № 79.
3) Т. е. Н. И. Тарасенко-Отрѣшкову.
4) VII, 475, 476.

„Журнала Пушкина я не боюсь нимало: это будетъ хуже Сѣвернаго Меркурія. Но на дураковъ надѣйся, а самъ не плошай. Я согласенъ на всякую благоразумную перемѣну, согласенъ даже и на модныя картинки, хотя издержка тысячь въ шесть, въ восемь въ годъ едва ли вознаградится подписчиками. Я подговорилъ сборщика Смѣси и начну съ сей же недѣли пробовать. Кругликовъ лѣнится ужасно. Еще нужно подсолить критику; для сего буду посылать тебѣ книги и начинаю съ препровождаемыхъ сегодня. Разругай скотовъ. Только съ журналистами заводить брань никакъ не хочу — это гадко, припишутъ зависти и трусости. Если ты возьмешься дѣлать ежемѣсячные обзоры въ С. О., будетъ прекрасно — и тамъ можно солить порядочно". И 1-го октября: „Пушкина журнала боюсь, какъ Бабочки или Литературной газеты". Пушкинъ вернулся въ Петербургъ около 15-го октября. А 19-го октября Гречъ пишетъ: „Все обстоитъ благополучно. Пушкинъ пріѣхалъ изъ Москвы, видно съ пустыми руками. Еще Пчелка не згинѣла".

Въ Петербургѣ Пушкинъ узналъ, что въ его отсутствіи Бенкендорфъ извѣщалъ, 1-го октября, Наталью Николаевну Пушкину, что готовъ принять Отрѣшкова. Письмо это, или, вѣрнѣе, записка, также сохранилась въ бумагахъ Отрѣшкова: „L'aide de Camp le Général Benkendorff, en présentant ses respects à Madame Poushkine, a l'honneur de la prevenir, qu'il se fera un plaisir de recevoir M-r Atreshkoff demain matin à 10 heures. — Ce 1 Octobre 1832".

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Пушкинъ снова запрашивалъ начальство о судьбѣ своего предпріятія. 21-го октября д. с. с. Мордвиновъ[1]) писалъ Пушкину: „Милости-

1) Управляющій III Отдѣленіемъ, назначенный, по представленію гр. Бенкендорфа, членомъ Главнаго Управленія цензуры (А. Скабичевскій, Очерки по истор. рус. цензуры, 223).

вый Государь, Александръ Сергѣевичъ! На письмо Ваше ко мнѣ[1]) спѣшу Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить, что я представилъ Г. Генералъ-адютанту Бенкендорфу полученные мною отъ Васъ образцы Вашего журнала; и, сколько извѣстно мнѣ, Его Высокопревосходительство располагалъ представить оные Государю Императору по возвращеніи своемъ изъ Ревельской губерніи. — До воспослѣдованія же Высочайшаго по сему предмету разрѣшенія, не полагаю я благонадежнымъ для Васъ приступать къ какимъ-либо распоряженіямъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч. А. Мордвиновъ. 21-го октября 1832 г.“ [2]).

Дѣло, такимъ образомъ, вновь затягивалось на неопредѣленное время. Предпріятіе Пушкина продолжало интересовать тѣсный кружокъ его друзей-литераторовъ. Объ этомъ сохранилось свидѣтельство одного молодого современника, князя П. П. Вяземскаго: „Семейство наше переѣхало въ Петербургъ въ октябрѣ 1832 года. Я живо помню прощальный литературный вечеръ отца моего съ его холостой петербургской жизнью, на квартирѣ въ домѣ Межуева у Симеоновскаго моста. Въ этотъ вечеръ происходилъ самый оживленный разговоръ о необходимости положить предѣлъ монополіи Греча и Булгарина и защитить честь русской литературы, униженной подъ гнетомъ Булгарина, возбуждавшаго ненависть всего Пушкинскаго кружка болѣе, чѣмъ его пріятель. За Греча прорывались изрѣдка и сочувственные отзывы. И въ этотъ вечеръ рѣчь шла о серьезномъ литературномъ предпріятіи, а не о ежедневной политической газетѣ.“ [3])

---

1) Письмо это доселѣ неизвѣстно въ Пушкинской литературѣ.

2) Анненковъ (Воспоминанія, III, 260) относитъ письмо Мордвинова ко 2-му октября, но въ оригиналѣ письма (въ бумагахъ Отрѣшкова) поставлено 21-ое.

3) Кн. П. П. Вяземскій, А. С. Пушкинъ по документамъ Остафь-

Но дать практическое осуществленіе своимъ планамъ кружокъ оказался не въ состояніи. Затѣя Пушкина была обречена на неудачу. 16-го ноября Гречъ съ удовольствіемъ извѣщалъ Булгарина: „Все обстоитъ благополучно. Пушкинъ образумился и журнала, ни газеты издавать не будетъ“.

Это — послѣднее извѣстіе объ изданіи Пушкина, какое мы находимъ въ письмахъ Греча. Такія же вѣсти шли и изъ другихъ источниковъ. 24-го ноября 1832 г. кн. Вяземскій пишетъ А. И. Тургеневу изъ Петербурга: „Пушкинъ единогласно избранъ членомъ Академіи, но чтобы не слишкомъ возгордился сею честью — вмѣстѣ съ нимъ избранъ и Загоскинъ. Журналъ его рѣшительно не состоится, по крайней мѣрѣ на будущій годъ. Жаль. Литературная канальская шайка Грече-Булгаринская останется въ прежней силѣ“.[1]) П. А. Плетневъ писалъ изъ Петербурга въ Швейцарію Жуковскому: „Изданіе газеты, о которой такъ хлопоталъ Пушкинъ еще при васъ, едва ли приведется въ исполненіе, хотя ему и дано на то право. Онъ болѣе роется теперь по своему главному труду, т. е. по исторіи, да кажется въ его головѣ и романъ копышется“.[2])

Такъ угасало предпріятіе Пушкина.

Издавна онъ лелѣялъ мысль пріобрѣсти собственный литературный органъ, чтобы въ немъ, собравъ вокругъ себя дружный кружокъ лучшихъ литераторовъ, планомѣрно и настойчиво воздѣйствовать на русское общество въ смыслѣ оздоровленія литературныхъ нравовъ, углубленія литературной критики, а также пропаганды сво-

---

евскаго архива и по личнымъ воспоминаніямъ — Собраніе Сочиненій кн. П. П. Вяземскаго, С.-Пб., 1893, стр. 534.

1) Собр. сочиненій кн. П. П. Вяземскаго, С.-Пб., 1893, стр. 537.

2) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 521.

ихъ политическихъ взглядовъ, слагавшихся послѣ 1825 г. въ новомъ направленіи.

Но осуществить мысль оказалось очень трудно.

Для этого не хватало, во-первыхъ, практической опытности и навыковъ и достаточной житейской устойчивости. Пушкинъ самъ признавался: „мы слишкомъ лѣнивы, чтобы переводить, выписывать, объявлять etc. Это черная работа журнала; вотъ зачѣмъ и издатель существуетъ“.[1]) Его близкій пріятель и первый кандидатъ въ члены редакціи, князь П. А. Вяземскій, тоже не надѣялся, что имъ удастся аккуратно издавать, не то что ежедневную газету, — даже ежемѣсячникъ: „А о мѣсячномъ журнилѣ намъ и думать нечего: мы не довольно правильной жизни.“[2]) Затрудняло Пушкина также и хроническое безденежье. Въ отвѣтъ на извѣстія о Пушкинскомъ предпріятіи опытный литераторъ, С. Т. Аксаковъ, писалъ Погодину: „Пушкина газета съ большими замыслами выдается, но успѣха никто не надѣется; онъ еще не нашелъ себѣ хозяина по финансовой части“[3]). Потому то Пушкинъ съ такой поспѣшностью и неразборчивостью вошелъ въ соглашеніе съ Тарасенко-Отрѣшковымъ, когда тотъ обѣщалъ дать ссуду въ 2000 р. и принять на себя завѣдываніе хозяйственной стороной дѣла, а потомъ съ той же наразборчивостью велъ переговоры съ Гречемъ. Гречъ сразу оцѣнилъ практическую несостоятельность Пушкина, какъ журналиста, въ письмѣ къ Булгарину отъ 22-го іюня; когда переговоры съ Пушкинымъ растроились, онъ пренебрежительно писалъ: „Журнала Пушкина я не боюсь нимало: это будетъ хуже Сѣвернаго Меркурія“. Самъ Пушкинъ сознавалъ свою неподготовленность и,

1) VII, 262.

2) Собр. сочиненій кн. П. П. Вяземскаго, С.-Пб., 1893, стр. 536.

3) Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. IV, стр. 96—97; дата письма не отмѣчена.

прежде чѣмъ приступать къ дѣлу, считалъ необходимымъ предварительно „осмотрѣться". Въ теченіе полутора года онъ все колебался[1]), въ какіе сроки выпускать свое изданіе, да такъ, кажется, и не рѣшилъ этого вопроса. То собирался онъ издавать ежедневную газету, то еженедѣльную Revue, то ежемѣсячный журналъ, то снова газету—по три раза въ недѣлю—, то „третейскій" журналъ-четырехмѣсячникъ, то опять возвращался къ ежедневной газетѣ.

Но эти препятствія не были труднѣйшими. Важнѣйшія затрудненія шли изъ другой области—правительственной. П. В. Анненковъ, излагая обстоятельства жизни Пушкина въ 1831—32 гг., утверждаетъ, что „Дворъ смотрѣлъ на Пушкина съ участіемъ и при всякомъ важномъ случаѣ его жизни доказывалъ это участіе несомнѣннымъ образомъ," и что обѣщаніе разрѣшить газету и, особенно, позволеніе работать въ архивахъ—даны были „съ явной охотой и благорасположеніемъ"[2]). Врядъ ли все это было такъ. Не вдаваясь здѣсь въ подробности отношеній Николая I и Бенкендорфа къ Пушкину[3]), отмѣтимъ, что начальство очень медлило съ зачисленіемъ Пушкина на службу и съ назначеніемъ ему жалованья, такъ что объ этомъ Пушкину приходилось осторожно—и, конечно, съ тяжелымъ чувствомъ—напоминать[4]).

Разрѣшеніе на газету также сопровождалось большой волокитой. До 27-го мая 1831 г. о разрѣшеніи Пушкину издавать газету говорилъ съ Бенкендорфомъ вліятельный при дворѣ Жуковскій; 27-го о томъ же письменно просилъ самъ поэтъ. Однако, удовлетворительнаго отвѣта не

---

1) VII, 466.

2) Анненковъ, Воспом. и очерки, III, 249, 250.

3) О нихъ въ записной книжкѣ Н. В. Путяты сказано: „Покровительство и опека И. Н. П. тяготили и душили" Пушкина („Русск. Арх." 1896, VI).

4) VII, 445; 465.

послѣдовало. Пришлось забѣгать за протекціей къ фонъ-Фоку, а потомъ снова ходатайствовать передъ шефомъ жандармовъ 22 — 23-го іюля. На этомъ мотивированномъ и столь благонамѣренномъ ходатайствѣ Бенкендорфъ положилъ резолюцію: „принять въ иностранную коллегію и позволить рыться въ архивахъ". Но просьба разрѣшить періодическое изданіе осталась безъ отвѣта.

По смерти фонъ-Фока Пушкинъ очень сомнѣвался, что, вообще, можно получить такое разрѣшеніе[1]). Дѣло застыло надолго, до 1832 г. Въ этомъ году Пушкину удалось какъ то — и неожиданно для многихъ — получить „предварительное" разрѣшеніе; пришлось представлять по начальству образцы газетнаго листа, образцы програмы и газетныхъ статей — образцы благонамѣренности; послѣдовало утвержденіе Отрѣшкова въ званіи редактора. Но тотчасъ же дѣло опять затормозилось: надо было дожидаться Бенкендорфа изъ Ревеля и представленія образцовъ журнала самому Государю...

Политическіе взгляды Пушкина, какъ они сложились къ 1831 — 32 гг., были сами по себѣ достаточно, если не слишкомъ, „благонамѣренны"; на словахъ, въ своихъ оффиціальныхъ представленіяхъ, Пушкинъ шелъ еще дальше, обѣщая полную готовность писать все, что ни прикажетъ начальство. Однако, общій цензурный гнетъ того времени и личная хроническая заподозрѣнность Пушкина дѣлали недостаточными даже и эти великія жертвы. Въ бумагахъ поэта сохранился набросокъ програмы и замѣтокъ по изданію газеты. Вотъ ихъ текстъ[2]): „Что есть журналъ Европейскій. Что есть журналъ рус-

1) VII, 438.

2) VII, 469. Впервые опубликованъ П. И. Бартеневымъ: „Программа журнала, набросанная Пушкинымъ около 1832 г." въ газ. „День" 1861, № 2. Г. Бартеневъ замѣчаетъ, что Пушкинъ набросалъ программу на лоскуткѣ бумаги у С. А. Соболевскаго, съ которымъ совѣтовался объ изданіи, и отъ котораго набросокъ попалъ потомъ къ Бартеневу.

скій. Нынѣшніе русскіе журналы. Каковъ можетъ быть русскій журналъ.

Часть политическая. Внѣшняя политика. Происшествія политическія. Полемика.

Предварительное изъявленіе мнѣній правительства. Внутреннія происшествія и указы. О мѣрахъ правительства. Матеріалы отъ правительства. Корренспонденція.

Литература. *Внѣшняя* литература. Лучшія статьи изъ журналовъ. Критика иностранныхъ книгъ. Внутренняя. Истор. матеріалы. Текущая литература. Feuilleton. Théâtre. Библіографія. Объявленія.

Пособія: Повелѣнія министровъ.

Журналъ мой предлагаю Правительству — какъ орудіе его дѣйствія на общее мнѣніе.

Оффиціальность".

Мы видимъ, какъ неопредѣленна и тускла эта „программа", какъ избѣгаетъ Пушкинъ намѣчать свои взгляды и какъ торопливо и настойчиво подчеркиваетъ онъ „оффиціальность" своей газеты и свою готовность служить правительству „орудіемъ его дѣйствія на общее мнѣніе". Такое политическое самосожженіе не дешево стоило Пушкину. Въ его бумагахъ сохранилось черновое письмо (М. П. Погодину?), въ Москву[1]). Здѣсь Пушкинъ говоритъ о своемъ литературномъ предпріятіи съ горькой ироніей. „Какую программу хотите вы видѣть? Часть политическая: иностранныя извѣстія, переводимыя изъ Journal de St.-Pétersbourg, безъ правительственныхъ примѣчаній и размышленій, елико возможно безцвѣтно, безъ движенія, безъ цѣли; внутреннія извѣстія — о курсѣ, о пріѣзжихъ и уѣзжихъ, о спектаклѣ и проч. — Литературная часть: критика иностранныхъ и русскихъ книгъ, мелкія

1) VII, 468. Письмо не имѣетъ хронологической даты; П. А. Ефремовъ относитъ его къ іюлю 1832 г.

статьи, удобо-помѣщаемыя на двухъ столбцахъ,—и выйдетъ газета немного хуже Сѣверной Пчелы. Вотъ Вамъ и вся программа. Я хотѣлъ уничтожить монополію — и успѣлъ. Остальное мало меня интересуетъ. Шутки въ сторону; отъ моей газеты я многаго не ожидаю: часть политическая будетъ офиціально ничтожна, литературная—существенно ничтожна, ибо что прикажете говорить о вещахъ, которыя никого не интересуютъ, начиная съ литераторовъ? Браниться съ журналами я буду всего разъ въ годъ. Угождать публикѣ, восхищающейся пошлымъ балагурствомъ Булгарина и безсмыслицей Полевого, — было бы слишкомъ низко. Печатать стихотворенія я въ ней не буду; и Богъ запретилъ метать бисеръ передъ публикой, — на то проза-мякина“ ...

Такъ низко расцѣнивалъ Пушкинъ свое пріобрѣтеніе, за которое заплатилъ дорогою цѣною. Въ письмѣ онъ еще утѣшаетъ себя тѣмъ, что хотѣлъ „уничтожить монополію“ Греча-Булгарина и „успѣлъ“ въ томъ. Но это былъ только „насъ возвышающій обманъ“. Напротивъ, Пушкину пришлось не бороться съ монополіей, а идти къ ней на поклонъ. Здѣсь стоитъ нѣсколько остановиться на эпизодѣ переговоровъ Пушкина съ Гречемъ. Относительно Греча въ литературной традиціи установился нѣкоторый предразсудокъ: его считаютъ лучше, чѣмъ онъ того заслуживаетъ; полагаютъ, что въ его совмѣстной дѣятельности съ Булгаринымъ отвѣтственность за темныя продѣлки должна падать на Булгарина, а Гречъ былъ только невольнымъ свидѣтелемъ, зависѣвшимъ экономически отъ Булгарина. Такой предразсудокъ слагался въ литературныхъ кружкахъ еще при жизни Греча[1]) и не

---

1) Напр., въ 1832 г., на литературномъ вечерѣ у кн. П. А. Вяземскаго, обсуждался вопросъ, какъ „защитить честь русской литературы, униженной подъ гнетомъ Булгарина, возбуждавшаго ненависть всего Пушкинскаго кружка болѣе, чѣмъ его пріятель. За Греча прорывались

безъ его личнаго дѣятельнаго участія. Въ отсутствіи Булгарина и когда можно было надѣяться, что это не дойдетъ до его ушей, Гречъ охотно разсказывалъ въ обществѣ анекдоты о Булгаринѣ, не жалѣя для него грязи и выставляя свое собственное нарочитое благородство. [1]) Однако, разница между двумя „разбойниками пера“ была невелика. Булгаринъ имѣлъ невозможный, „шальной“ характеръ, легко приходилъ въ свирѣпое раздраженіе (отъ коего бывалъ принужденъ избавляться ветеринарными мѣрами—кровопусканіемъ), въ такіе моменты допускалъ и въ литературѣ, и въ жизни невѣроятныя грубости; былъ чрезвычайно самолюбивъ и въ своихъ антикритикахъ не стѣснялся въ выраженіяхъ, разъ его авторское самолюбіе было уязвлено. Гречъ былъ всегда уравновѣшенъ, политиченъ, не любилъ ввязываться въ литературную полемику, да и рѣдко выступалъ какъ авторъ, предпочитая редакторскую работу. Онъ, дѣйствительно, весьма зави-

---

изрѣдка и сочувственные отзывы“ (Собраніе сочиненій кн. П. П. Вяземскаго, С.-Пб., 1893, стр. 534).

1) Это подмѣтилъ своевременно кн. П. А. Вяземскій и занесъ въ свои записныя книжки. Впослѣдствіи, переживъ своихъ современниковъ, Гречъ въ „Запискахъ“ своихъ не постѣснился забросать грязью одинаково какъ Булгарина, такъ и декабристовъ, самого себя выставляя въ особо благородномъ видѣ. Его измышленія, ошибки и наговоры не разъ были изобличаемы въ исторической литературѣ. См. рецензію на „Записки“ Греча А. Н. Пыпина („Вѣст. Европы“ 1886, VII, Литерат. Обозрѣніе, 408—413); также „Общественное движеніе при Александрѣ I“; В. Богучарскій, Изъ прошлаго рус. общества, ст. „Семейство Бестужевыхъ“; ст. Кропотова, — „Рус. Вѣстникъ“ 1869, III, 229—245; „Рус. Старина“ 1875, VII, 333—334, 352. Однако, легенда о сравнительномъ благородствѣ Греча предъ Булгаринымъ не исчезла до послѣдняго времени. У В. Гиппіуса читаемъ: „Извѣстно, что Гречъ былъ въ союзѣ съ Булгаринымъ по своей сердечной слабости, нуждаясь въ средствахъ для своей большой семьи, и не всегда былъ согласенъ съ нимъ, хотя и поддерживалъ его въ полемическихъ обстоятельствахъ; ни по душевнымъ своимъ свойствамъ, ни по литературнымъ пріемамъ онъ ничуть не походилъ на своего друга, отличаясь скорѣй благородствомъ и нѣкоторой серьезностью своей журнальной дѣятельности“ (Сборникъ „Памяти А. С. Пушкина“, С.-Пб. 1900, стр. 264).

сѣлъ отъ Булгарина въ денежныхъ дѣлахъ, и изъ его неизданныхъ писемъ къ Булгарину видно, что ему часто приходилось бывать въ положеніи булгаринскихъ „илотовъ“, вродѣ Сомова, и просить извиненія тамъ, гдѣ онъ не чувствовалъ за собою вины. Впослѣдствіи онъ излилъ накопленную противъ Булгарина злобу въ своихъ „Запискахъ“, гдѣ не пожалѣлъ красокъ для изображенія „польскаго пса“, съ которымъ свѣковалъ свой литераторскій вѣкъ. Въ вопросахъ же литературной и общественной этики Гречъ былъ вполнѣ солидаренъ съ Булгаринымъ. Онъ такъ же цинически смотрѣлъ на журналистику, какъ на „дойную корову“, такъ же ревниво оберегалъ „монополію“, такъ же охотно сносился съ полиціей, и „сколько бы Гречъ ни открещивался отъ Булгарина, онъ вынужденъ сознаться, что — „по товариществу“ — долженъ былъ поддерживать Булгарина въ его полемическихъ предпріятіяхъ“ [1]). Отъ Пушкина, разумѣется, не укрылось это тѣсное единеніе двухъ монополистовъ, и онъ отмѣчалъ его не однажды въ своихъ полемическихъ статьяхъ. Вотъ образчикъ изъ „Торжества дружбы“ (1831): „Посреди полемики, раздирающей бѣдную нашу словесность, Николай Ивановичъ Гречъ и Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ болѣе десяти лѣтъ подаютъ утѣшительный примѣръ согласія, основаннаго на взаимномъ уваженіи, *сходствѣ душъ* и занятій *гражданскихъ* и литературныхъ... Единодушіе истинно трогательное“ [2]). А черезъ годъ послѣ этой утонченно-презрительной и злой статьи Пушкинъ уже искалъ согласія Греча на соиздательство.

Что побудило Пушкина къ этому?

Гречъ былъ образованный, опытный и дѣловитый

---

1) А. Н. Пыпинъ — „Вѣст. Евр.“ 1886, VII, Литерат. Обозр.

2) V, 559; курсивы наши.

старый журналистъ; у него было много литературныхъ и общественныхъ связей; онъ, наконецъ, владѣлъ собственной типографіей. Такой человѣкъ былъ бы, конечно, весьма полезенъ технически въ предпріятіи Пушкина.

Но, можетъ быть, у Пушкина былъ и другой разсчетъ. Онъ очень боялся, что его начинаніе не осуществится именно въ силу энергичнаго противодѣйствія „монополіи“. Переманивъ на свою сторону одного изъ монополистовъ, Пушкинъ могъ надѣяться ослабить это противодѣйствіе и, быть можетъ, подорвать совсѣмъ булгаринскія изданія. Однако, расчетъ не удался. Гречъ соглашался на предложеніе Пушкина. Соиздательство съ Пушнымъ подняло бы его собственный престижъ въ литературномъ мірѣ, бросило бы и на его имя отблескъ Пушкинской славы. Но Гречъ вовсе не думалъ порывать съ Булгаринымъ. Онъ не очень надѣялся на прочность и доходность пушкинскаго изданія и не рисковалъ потерять солидные доходы въ прежнихъ изданіяхъ. Съ первыхъ же словъ онъ поставилъ Пушкину условіемъ „неприкосновенность“ Булгарина и потомъ надѣялся, прибравъ къ рукамъ Пушкина и „его партію“, черезъ годъ соединиться съ Пушкинымъ и Булгаринымъ въ одной газетѣ. Предъ Пушкинымъ онъ, вѣроятно, изливался въ комплиментахъ, а за спиной цинически писалъ про него Булгарину: „На дураковъ надѣйся, а самъ не плошай“.

Въ своей погонѣ за „собственнымъ“ органомъ Пушкинъ, какъ мы видимъ, готовъ былъ идти на всякія сдѣлки съ правительствомъ и даже съ его рептиліями. Но тамъ и здѣсь онъ потерпѣлъ неудачу. При всей своей готовности къ компромиссамъ, Пушкинъ все же былъ для обѣихъ сторонъ человѣкомъ неблагонадежнымъ, неподходящимъ. Въ концѣ концовъ онъ и самъ понялъ это. Гоненіе на „Литературную Газету“, разгромъ „Европейца“, исторія съ „Анчаромъ“ и десятки другихъ фак-

товъ настойчиво свидѣтельствовали о томъ, что въ атмосферѣ, насыщенной страхами іюльской революціи и польскаго возстанія, трудно было издавать журналъ комулибо иному, кромѣ прирожденныхъ Булгариныхъ,

Со стороны это было очевидно. Когда стало извѣстно, что изданіе Пушкина не состоится, Гоголь писалъ: „Газеты Пушкинъ не будетъ издавать, и лучше. Въ нынѣшнее время приняться за опозоренное ремесло журналиста не слишкомъ лестно и для неизвѣстнаго человѣка; но генію этимъ заняться — значитъ помрачить чистоту и непорочность души своей и сдѣлаться обыкновеннымъ человѣкомъ“ [1]).

---

1) „Рус. Арх.“ 1866, стр. 1728; перепечат. въ Письмахъ Гоголя, ред. В. И. Шенрока, т. I, 228. (Письмо изъ Петербурга къ И. И. Дмитріеву, отъ 30 ноября 1832 г.).

Очеркъ былъ уже совершенно законченъ, когда автору пришлось познакомиться со статьей Д. Н. Садовникова: „Отзывы современниковъ о Пушкинѣ. Къ матеріаламъ для его біографіи“ („Историч. Вѣстникъ“ 1883, № 12, стр. 520—542). Г. Садовниковъ располагалъ цѣнными документами изъ архива поэта Н. М. Языкова, но использовалъ ихъ въ статьѣ весьма неудовлетворительно. Часто онъ пересказываетъ документы „своими словами“ или, воспроизводя текстъ писемъ, опускаетъ даты мѣста и времени написанія и т. д. Вслѣдствіе такой манеры многіе детальные вопросы остаются безъ отвѣта. Въ бумагахъ Языкова сохранилось нѣсколько писемъ русскихъ литераторовъ, 1832 года, гдѣ мелькаютъ интересныя сообщенія о газетѣ Пушкина. Вотъ они въ пересказахъ и цитатахъ Д. Н. Садовникова. „Лѣтомъ 1832 года распространился слухъ о томъ, что Пушкинъ хочетъ издавать газету. Н. М. Языковъ сообщаетъ брату, что Государь велѣлъ Нессельроде доставлять Пушкину извѣстія, что газета будетъ политико-литературная, что она разрѣшена, и Пушкинъ приглашаетъ въ нее его и П. Кирѣевскаго. Газета, по словамъ послѣдняго, должна была выходить ежедневно и быть величиною съ „Journal des Débats“. Братъ Языкова, Александръ Михайловичъ, радуется, что за изданіе газеты берется Пушкинъ, а не кто другой. „Она все же будетъ, пишетъ онъ Комовскому 13 сентября 1832 года, лучше „Молвы“ и „Пчелы“; а у насъ на Руси и за это слава Богу!“ 16 ноября Комовскій пишетъ, что Пушкинъ разладилъ съ Сомовымъ, и теперь „въ должность повѣреннаго облеченъ Наркизъ Отрѣшковъ“. „Для Пушкинскаго изданія вербуетъ онъ всѣхъ и каждаго, заводитъ типографію и въ то же время фабрику для немедленнаго перевода и издаванія лучшихъ иностранныхъ книгъ“. „Получилъ и я вызовъ сдѣлаться фабричнымъ на заводѣ Отрѣш-

Но потребность воздѣйствовать на общество посредствомъ повременнаго изданія, такъ была сильна въ поэтѣ что мы черезъ четыре года видимъ Пушкина редакторомъ „Современника".

А смерть уже стояла у порога.

кова. За симъ слѣдуетъ заключеніе такое: Пушкинъ и журналъ его, или газета его не иное что, какъ вздоръ! Но вотъ что было бы не вздоромъ, по крайней мѣрѣ для кармана Пушкина: Гречъ предлагаетъ ему по 1000 или по 1200 руб. въ мѣсяцъ, если онъ вступитъ въ „Сѣверную Пчелу" и „Сынъ Отечества" и слѣдовательно введетъ за собою и всю знаменитую ватагу. Не смотря на то Пушкинъ отказался, дабы не ѣсть изъ одной чашки съ Ѳ. Булгаринымъ. Это въ немъ похвально".

Въ этихъ отрывкахъ любопытно сообщеніе Н. М. Языкова, что Государь велѣлъ Нессельроде доставлять Пушкину извѣстія. Другіе источники совершенно замалчиваютъ этотъ фактъ (если только это фактъ, а не слухъ). Интересенъ также скептическій отзывъ Комовскаго, товарища Пушкина по Лицею, о литературномъ предпріятіи поэта. Можно думать, что въ бумагахъ Языкова, бывшихъ въ рукахъ Садовникова, были и другія цѣнныя свѣдѣнія по интересующему насъ вопросу.

Н. Пиксановъ.

Шесть упраздненныхъ мѣстъ.

Прославленный именемъ Пушкина первый курсъ Царскосельскаго Лицея (1811—1817 г.г.) установилъ собираться товарищамъ ежегодно въ день основанія Лицея, 19-го октября.

Этотъ обычай приняли и послѣдующіе курсы, при чемъ каждый изъ нихъ собирался отдѣльно. Правило это соблюдалось столь строго, что когда бывшій директоръ Лицея, Е. А. Энгельгардтъ, въ 1836 году предложилъ воспитанникамъ первыхъ трехъ курсовъ, покинувшимъ при немъ Лицей, сойтись вмѣстѣ для празднованія дня двадцатипятилѣтняго юбилея, то осуществить эту мысль ему не удалось, несмотря на авторитетъ, которымъ онъ пользовался среди своихъ питомцевъ.

Порядокъ этотъ продолжался до начала шестидесятыхъ годовъ, когда ряды старыхъ лицеистовъ замѣтно порѣдѣли, и оставшіеся въ живыхъ воспитанники первыхъ VII курсовъ стали праздновать день 19-го октября, совмѣстно. Эти курсы имѣли то между собою общее, что въ ихъ время первоначальное устройство, данное Лицею, еще сохранялось. Онъ дѣлился на два класса (по три года въ каждомъ), начиная же съ VIII курса переформированъ былъ въ четырехклассное учебное заведеніе по полтора года въ каждомъ классѣ.

Годовымъ собраніямъ I курса, посвященнымъ, большею частью, воспоминаніямъ о времени пребыванія въ Лицеѣ, такъ называемымъ лѣтамъ или годамъ соединенія[1]), велись записи. Нѣкоторыя изъ нихъ сохранились до настоящаго времени и частью извѣстны въ печати[2]).

Пушкинъ былъ желаннымъ участникомъ этихъ годовщинъ. Къ сожалѣнію, ему не часто удавалось проводить съ товарищами день 19-го октября: съ 1820 по 1826 онъ былъ удаленъ изъ Петербурга, а въ слѣдующіе годы нерѣдко уединялся на осень въ деревню, утверждая, что въ это время года ему легче работается.

Въ относящемся къ 19-му октября 1831 года стихотвореніи его читаются слѣдующія строки:

Мы возмужали; рокъ судилъ
И намъ житейски испытанья,
И смерти духъ средь насъ ходилъ
И назначалъ свои закланья.
Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ,
Шести друзей не узримъ болѣ,
Они, разбросанные, спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ,
Кто дома, кто въ землѣ чужой,
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой, —
И всѣхъ мы братски поминали.
И мнится, очередь за мной, —
Зоветъ меня мой Дельвигъ милый...

Кто же были эти шесть умершихъ товарищей Пушкина?

Первымъ изъ нихъ сошелъ въ могилу Павелъ Николаевичъ Ржевскій. Выпущенный изъ Лицея съ правомъ

1) Ср. посланія Пушкина къ Кюхельбекеру и Пущину 1817 года и заключительную строфу стихотворенія „19-е октября 1825 года“.

2) В. П. Гаевскій. Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ Пушкинское время — „Отечественныя записки“ 1861 г., № 11, стр. 29 — 41, и Я. К. Гротъ. Пушкинъ. Его лицейскіе товарищи и наставники, изд. 2-ое., С.-Пб. 1899.

на чинъ офицера арміи, онъ не дождался производства и умеръ въ концѣ 1817 года.

„Военные наши, писалъ 20-го декабря Е. А. Энгельгардтъ, послѣ пятимѣсячнаго фрунтоваго курса, наконецъ попали въ офицеры, а бѣдный Ржевскій и до того не дожилъ; онъ умеръ отъ гнилой нервической горячки. Гробъ его понесли шесть изъ бывшихъ его товарищей[1])“.

Ржевскій, по примѣру товарищей, писывалъ иногда кое-какіе стишонки. На него сочинена была въ Лицеѣ, заживо, эпитафія-акростихъ, кончавшаяся такъ:

И онъ писалъ стихи, къ несчастію, безъ прока[2]).

Вслѣдъ за нимъ умеръ Николай Александровичъ Корсаковъ.

Еще въ Лицеѣ носилъ онъ въ груди зачатки сгубившей его болѣзни.

„Ѣду въ Римъ, почтенный и любезный Егоръ Антоновичъ, — записалъ онъ 20-го ноября 1819 г. въ альбомъ Энгельгардта, — Богъ знаетъ, вернусь ли, Богъ знаетъ, увижу ль мѣста, гдѣ провелъ много счастливыхъ и пріятныхъ дней подъ вашимъ начальствомъ. Теперь могу сказать, не боясь, чтобы слова мои были приписаны какимъ-нибудь личнымъ видамъ, что истинныя отческія попеченія и милости ваши ко мнѣ будутъ записаны по гробъ въ душѣ моей, и что до послѣдней минуты будетъ помнить васъ вамъ сердцемъ преданный Н. К.“ [3]).

Но и пребываніе въ Италіи не спасло юношу: онъ скончался 26-го сентября 1820 года во Флоренціи.

„Корсаковъ, — говоритъ его товарищъ, баронъ М. А. Корфъ, былъ однимъ изъ самыхъ даровитыхъ, блестя-

---

1) См. мою статью: „Директоръ Царскосельскаго Лицея Энгельгардтъ и его питомцы“ — „Вѣстникъ всемірной исторіи“ 1900 г., № 1, стр. 94.

2) Гротъ, указ. соч., стр. 227; Дневникъ барона Корфа — „Русск. Старина“ 1894 г., № 6, стр. 555.

3) Изъ альбома Энгельгардта — Отдѣленіе рукописей Имп. Публичной Библіотеки.

щихъ молодыхъ людей нашего выпуска. Прекрасный музыкантъ, пріятный и острый собесѣдникъ, напитанный ученіемъ, которое давалось ему очень легко, съ даромъ слова и пера, онъ угасъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, находясь при тосканской миссіи. Это одна изъ самыхъ чувствительныхъ потерь, которую понесъ нашъ выпускъ, и имя Корсакова, если бы Провидѣніе продлило его жизнь, было бы вѣрно однимъ изъ лучшихъ нашихъ перловъ“ [1]).

Памяти Корсакова Пушкинъ посвятилъ стихотвореніе „Гробъ юноши“ и одну изъ задушевныхъ строфъ въ своемъ „19-мъ октября 1825 г.“

Другой его товарищъ, несчастный В. К. Кюхельбекеръ, въ письмѣ къ Жуковскому отъ 10-го ноября 1840 г., говорилъ, что и въ ссылкѣ „хранилъ онъ послѣднее письмо и манишную застежку, наслѣдіе Пушкина, и померанцевый листокъ, сорванный для него его сестрицей во Флоренціи съ гроба Корсакова“ [2]).

Въ концѣ 1830 года скончался Константинъ Дмитріевичъ Костенскій.

„Старика Костенскаго мы нынѣшнею осенью похоронили, — писалъ Е. А. Энгельгардтъ 22-го января 1831 г.; это былъ человѣкъ не блистательный, но добрый и въ своемъ родѣ почтенный“ [3]).

1831-ый годъ нанесъ первому лицейскому курсу три тяжкихъ удара.

14-го января этого года умеръ самый близкій Пушкину товарищъ, баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ.

Вѣсть о смерти друга Пушкинъ получилъ въ Москвѣ. „Ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресенье, писалъ онъ П. А. Плетневу 21-го января, — на другой день оно

1) Указ. дневникъ, стр. 552.
2) „Русскій Архивъ“ 1871 г., № 2, стр. 0178.
3) Указ. моя статья, стр. 96.

подтвердилось. Вчера ѣздилъ къ Салтыкову[1]) объявить ему все — и не имѣлъ духу. Вечеромъ получилъ твое письмо. Грустно, тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная. Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ; я глубоко сожалѣлъ о немъ, какъ русскій, но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изъ всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду; — около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Вчера провелъ я день съ Нащокинымъ, который сильно пораженъ его смертію. Говорили о немъ, называя его покойникъ Дельвигъ, и этотъ эпитетъ былъ столь же страненъ, какъ и страшенъ. Нечего дѣлать! согласимся: покойникъ Дельвигъ — быть такъ".

Въ другомъ письмѣ къ тому же лицу, отъ 31-го января, Пушкинъ говорилъ: „Баратынскій собирается написать жизнь Дельвига. Мы всѣ поможемъ ему нашими воспоминаніями. Не правда ли? Я узналъ его въ Лицеѣ, — былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣченнаго развитія его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. Съ нимъ читалъ я Державина и Жуковскаго, съ нимъ толковалъ обо всемъ „что душу волнуетъ, что сердце томитъ". Я хорошо знаю, однимъ словомъ, его первую молодость, но ты и Баратынскій знаете лучше его раннюю зрѣлость. Вы были свидѣтелями возмужалости его души. Напишемъ же втроемъ жизнь нашего друга, жизнь, богатую не романическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами".

Не суждено было осуществиться этому благому намѣренію. Гораздо позднѣе біографія Дельвига написана была лицеистомъ XIV курса В. П. Гаевскимъ въ рядѣ прекрасныхъ статей, помѣщенныхъ имъ въ „Современникѣ" за 1859—1860 г.г.

---

1) Тесть барона Дельвига.

Въ апрѣлѣ того же 1831 года кончилъ жизнь самоубійствомъ Семенъ Семеновичъ Есаковъ. Біографическая о немъ замѣтка Б. Л. Модзалевскаго помѣщена въ изданіи „Пушкинъ и его современники“ (С.-Пб. 1904, II, 27—31). Къ ней приложены два портрета Есакова, изъ которыхъ одинъ изображаетъ его въ лицейской формѣ[1]).

Наконецъ, въ томъ же году умеръ шестой товарищъ Пушкина, Петръ Ѳедоровичъ Саврасовъ, прекрасный, по словамъ барона Корфа[2]), съ чистѣйшею душою, благороднѣйшій человѣкъ. Служивъ съ отличіемъ въ гвардейской артиллеріи и достигнувъ полковничьяго чина, онъ, который въ Лицеѣ и послѣ пользовался самымъ цвѣтущимъ здоровьемъ, вдругъ впалъ въ жестокую чахотку и скончался за границею, куда поѣхалъ на воды[3]).

При поминѣ этихъ шести, вѣчнымъ сномъ почившихъ товарищей, не обмануло Пушкина предчувствіе. Очередь, дѣйствительно, была за нимъ: скончался онъ седьмымъ лицеистомъ I курса, 29-го января 1837 года.

Послѣднимъ изъ 29 питомцевъ перваго курса умеръ, 27-го февраля 1883 г., князь А. М. Горчаковъ, которому Пушкинъ еще въ лицейскихъ своихъ стихотвореніяхъ предрекъ блестящую будущность. Ему выпало на долю исполнить завѣтъ Пушкина: подъ старость торжествовать одному день Лицея.

Князю Горчакову, проведшему большую часть своей дипломатической дѣятельности за границею, рѣдко удавалось участвовать въ товарищескомъ праздновапіи го-

1) Работы какого то барона Корфа, какъ сказано въ этой статьѣ.

2) Указанный дневникъ его, стр. 554.

3) Онъ умеръ въ Гамбургѣ, гдѣ и похороненъ. Товарищъ Пушкина, графъ Сильверій Францовичъ Брогліо, уѣхавшій по выпускѣ изъ Лицея во Францію, сдѣлался, по словамъ И. И. Пущина, филэллиномъ, участвовалъ въ борьбѣ за освобожденіе Греціи и былъ убитъ тамъ въ 1829 году. Показаніе это, кажется, ошибочно. Въ войнѣ за независимость Греціи принялъ участіе и былъ въ 1827 г. убитъ графъ Андрей—Максимиліанъ Брогліо: Hoefer, Nouvelle biographie générale. Paris. 1863, VII, 481.

довщины. Но онъ помнилъ и чтилъ этотъ день. Извѣстно, что знаменитыя въ исторіи русскихъ международныхъ сношеній депеши князя, которыми Россія сложила съ себя обязательства, ограничивавшія ея морскія силы на Черномъ морѣ, подписаны имъ были въ Царскомъ Селѣ, въ 1870 году, 19-го октября[1]).

Д. Кобеко.

1) На это указано въ письмѣ Совѣта Лицея кн. Горчакову отъ 30 апрѣля 1877. См. книжку: „Стипендія Е. А. Энгельгардта въ Лицеѣ", изд. барона Ѳ. Р. Остенъ-Сакена, С.-Пб. 1905, стр. 6.

А. И. Полежаевъ объ А. С. Пушкинѣ.

I.

Вопросъ объ отношеніи къ Пушкину его современниковъ, особенно современныхъ ему русскихъ поэтовъ, остается до сихъ поръ недостаточно разработаннымъ. Такъ, напримѣръ, еще недавно былъ поднятъ и дебатировался въ печати вопросъ объ отношеніи къ Пушкину одного изъ ближайшихъ его друзей — поэта *Е. А. Баратынскаго.* Небезынтересно будетъ, поэтому, разсмотрѣть отношеніе къ Пушкину еще одного поэта пушкинской эпохи, а именно *Полежаева.*

А. И. Полежаевъ, *столѣтняя годовщина рожденія*[1]) котораго приходилась въ 1905 году, былъ на шесть лѣтъ моложе Пушкина и пережилъ его всего на годъ, скончавшись 16 января 1838 года. Онъ началъ печататься одиннадцатью годами позже, чѣмъ Пушкинъ, былъ очевидцемъ появленія всѣхъ великихъ твореній своего геніальнаго современника и свидѣтелемъ того впечатлѣнія, которое они производили.

Оба поэта, Пушкинъ и Полежаевъ, вѣроятно, лично никогда не встрѣчались. Полежаевъ только одинъ разъ,

1) День и мѣсяцъ рожденія А. И. Полежаева остаются неизвѣстными.

еще будучи въ университетѣ, пріѣзжалъ въ Петербургъ къ своему дядѣ, Александру Николаевичу *Струйскому*, и пробылъ тамъ всего нѣсколько мѣсяцевъ. Пушкинъ неоднократно наѣзжалъ въ Москву, но, надо думать, ни разу не встрѣтился съ Полежаевымъ въ какомъ-либо обществѣ. Нельзя не отмѣтить, къ сожалѣнію, и того обстоятельства, что Пушкинъ, повидимому, не былъ знакомъ со стихотвореніями Полежаева, или, по крайней мѣрѣ, не счелъ нужнымъ о нихъ высказаться. Не упоминаетъ о Полежаевѣ ни разу Пушкинъ и въ своихъ письмахъ....

За то Полежаевъ всю жизнь оставался вѣрнымъ поклонникомъ пушкинской музы.

Мнѣнія Полежаева о Пушкинѣ тѣмъ любопытнѣе, что Полежаевъ по воспитанію, образу жизни и общественной своей средѣ совершенно отличался отъ Пушкина; вдобавокъ, Полежаевъ никогда не принадлежалъ ни къ какому опредѣленному литературному кружку; въ своихъ сужденіяхъ онъ не былъ простымъ эхо другихъ какихъ-либо лицъ, тѣхъ или иныхъ вожаковъ кружка; онъ высказывался самостоятельно. На Полежаевѣ, стоявшемъ „въ сторонѣ отъ большого свѣта“, можемъ мы съ удобствомъ изучать, какъ отражалась поэзія Пушкина не въ ближайшихъ къ нему литературныхъ кругахъ, но на интеллигентной Россіи того времени вообще.

II.

Симпатій и интереса къ Пушкину Полежаевъ не могъ получить ни въ пансіонѣ, ни въ университетѣ, гдѣ дѣйствовали на каѳедрахъ враги новаго литературнаго направленія. Съ Пушкинымъ Полежаевъ, по всей вѣроятности, ознакомился рано, еще въ пансіонѣ Визара, не въ преподаваніи, конечно, а, такъ сказать, помимо школы,

контрабандой, и Пушкинъ несравненною легкостью своего стиха, вѣроятно, пробудилъ въ мальчикѣ 14—15 лѣтъ первое желаніе писать стихи, подбирать риѳмы, что давалось Полежаеву безъ большого труда. Его первый же опытъ, появившійся въ печати, „Морни" показываетъ большое мастерство и характерную для Полежаева твердую легкость стиха.

Въ то время, когда Полежаевъ былъ по одиннадцатому году привезенъ въ Москву и помѣщенъ у Визара, Пушкинъ уже началъ печататься. Пока Полежаевъ учился въ своемъ пансіонѣ — и даже за первые его годы въ университетѣ, Пушкинъ успѣлъ уже много напечатать, пріобрѣсти большую популярность своими печатными пьесами — и еще бо̀льшую и громкую извѣстность эпиграммами и другими стихотвореніями, распространявшимися въ *рукописи*, вслѣдствіе ихъ неудобства для печати, пьесами, носившими либо *эротическій*, либо *атеистическій*, либо *политическій* характеръ.

Эротическія, политическія и антирелигіозныя рукописныя пьесы Пушкина, запретный плодъ, контрабанда, должны были имѣть особенно притягательную силу для школьниковъ, для учащейся молодежи. Такъ, вѣроятно, впервые ознакомился съ Пушкинымъ и Полежаевъ. Знакомое уже имя поэта не могло не привлекать интереса и къ печатнымъ его произведеніямъ. До вступленія Полежаева въ университетъ появился уже Пушкинскій „Русланъ и Людмила". Потомъ появляются „Кавказскій плѣнникъ" и „Бахчисарайскій фонтанъ", очень нравившіеся, какъ увидимъ ниже, Полежаеву. Далѣе появляются первыя главы „Евгенія Онѣгина", вызвавшія уже со стороны Полежаева и подражаніе въ видѣ поэмы „Сашка".

Весьма любопытнымъ вопросомъ, который мы, къ сожалѣнію, не въ силахъ разрѣшить, является слѣдующій: какъ познакомился Полежаевъ съ *Байрономъ*: черезъ Пуш-

кина или же самостоятельно, безъ его посредства? Но во всякомъ случаѣ, *благодаря* ли Пушкину, или же *вмѣстѣ* съ нимъ, хотя и независимо отъ него, Полежаевъ сталъ поклонникомъ Байрона, скорбѣлъ объ его смерти и завидовалъ его генію. Въ этомъ отношеніи Полежаевъ вполнѣ сходился еще съ однимъ своимъ современникомъ, землякомъ, московскимъ же поэтомъ и университетскимъ же вольнослушателемъ, Дмитріемъ Владимировичемъ *Веневитиновымъ*, который оплакалъ кончину Байрона въ особомъ циклѣ стихотвореній [1]).

Въ стихотвореніи „Арестантъ" 1828 г. Полежаевъ говоритъ о себѣ:

„Солдатскій шлемъ пріосѣнилъ
Главу достойную вѣнка,
И *Чайльдъ-Гарольдова* тоска
Лежитъ на сердцѣ у того,
Кто не боялся никого" [2]).

Въ 1830 г., на Кавказѣ, въ поэмѣ „Эрпели", п. VI, Полежаевъ, приступая къ описанію батальныхъ картинъ, заявляетъ: [3])

„Я долженъ здѣсь, какъ *Вальтеръ Скоттъ*
Или *Байронъ*, представить списокъ
Съ живыхъ, разительныхъ картинъ".

Въ 1832 г., на Кавказѣ, же Полежаевъ пишетъ еще одну батальную поэму „Чиръ-Юртъ", гдѣ во второй пѣснѣ онъ вспоминаетъ о Байронѣ и объ утратѣ, понесенной въ его лицѣ европейскою поэзіею [4]).

---

1) См. въ I томѣ моего сочиненія „Литература и Просвѣщеніе".

2) Стр. 59. Цитаты приводятся по Ефремовскому изданію.

3) Стр. 274.

4) Къ Байрону же относятся еще у Полежаева: переводное стихотвореніе — отъ 1825 г. — изъ *Лямартина* „Человѣкъ. Къ Байрону" (стр. 383—393) и одно мѣсто въ „Вѣнкѣ на гробъ Пушкина", ч. II, стр. 437, котораго мы коснемся ниже. Спеціально объ отношеніи Полежаева къ байронизму мы трактовали въ особой брошюрѣ.

Пѣвецъ Гюльнары [1])! Для чего
Въ избыткѣ сердца моего,
Въ порывахъ сильныхъ впечатлѣній,
На зло природѣ и судьбѣ, —
Зачѣмъ *не равенъ* я тебѣ
Волшебнымъ даромъ пѣснопѣній?
Тогда бы кистію твоей,
Всегда живой и благородной,
Я *тронулъ* съ гордостью свободной
Сердца холодныя людей......
. . . .
Но ты, *пѣвецъ души и чувства*,
Умѣя смертныхъ презирать,
Ты намъ не передалъ искусства
Умы и души волновать!
Какъ непонятное явленье,
Исчезло міра изумленье —
Великій геній и поэтъ...
Осиротѣвшая природа
И новой Греціи свобода
Вѣщаютъ намъ: *Байрона нѣтъ!*"

Великое умѣнье рисовать батальные сюжеты, вѣроятно, Полежаевъ приписываетъ Байрону за его „Донъ-Жуана", гдѣ въ пѣсняхъ VII и VIII много говорится объ Измаилѣ и взятіи его *Суворовымъ*. Полежаевъ изображаетъ байроновскую манеру такъ:

„Тогда, владыка величавый
Перуна, гибели и зла,
Изобразилъ бы я дѣла
Войны жестокой и кровавой:
Отважный *приступъ христіанъ*,
Злодѣевъ яростную встрѣчу,
Орудій громъ, пальбу и сѣчу,
И смерть, и кровь, и трепетъ ранъ...
Изобразилъ бы я страданье

1) Стр. 316 — 317.

Полуживого мертвеца,
И жилъ, и членовъ содраганье,
Его послѣднее дыханье
И чувства мертваго лица".

Полежаевъ называетъ здѣсь Байрона „пѣвцомъ Гюльнары". *Гюльнара* изображена у Байрона въ поэмѣ „Корсаръ". Но любопытно намъ, не заимствовалъ ли этотъ эпитетъ Байрона Полежаевъ опять-таки у Пушкина. Въ IV главѣ „Евгенія Онѣгина", строфа 37-я, Пушкинъ сообщаетъ, что

„Онѣгинъ жилъ анахоретомъ:
Въ седьмомъ часу вставалъ онъ лѣтомъ
И отправлялся налегкѣ
Къ бѣгущей подъ горой рѣкѣ;
Пѣвцу Гюльнары подражая,
Сей Геллеспонтъ переплывалъ".....

III.

Самымъ вѣрнымъ ученикомъ и послѣдователемъ Пушкина показалъ себя Полежаевъ въ своей поэмѣ „Сашка" въ двухъ частяхъ, писанной въ 1825—1826 гг. наканунѣ окончанія университетскаго курса и неожиданно обрушившейся на его голову грозной Царевой опалы. По формѣ эта поэма есть подражаніе „Евгенію Онѣгину". Каждый поэтъ изображалъ своего героя по своему. У Пушкина герой — „москвичъ въ Чайльдъ-Гарольдовомъ плащѣ;" Полежаевскій герой—забулдыга-московскій студентъ, неутомимо прокучивающій въ трактирахъ и веселыхъ домахъ, въ соотвѣтствующей компаніи, и дядины деньги, и собственное здоровье. Мы должны здѣсь подчеркнуть *двойственный* характеръ Полежаевской поэмы „Сашка". Съ одной стороны это — *пародія*, порой даже каррикатура на „Евгенія Онѣгина". Полежаевъ, какъ увидимъ ниже, иногда умышленно пародируетъ Пушкина, дѣлаетъ то, что̀ у Пушкина прилично, — неприличнымъ,

что̀ у того возвышенно, — забавнымъ и циничнымъ. Съ другой же стороны, „Сашка“ есть искреннее подражаніе, послѣдованіе *въ серьезъ духу* Пушкина, духу, выразившемуся какъ въ его „Евгеніи Онѣгинѣ“, такъ и вообще въ его рукописныхъ стихотвореніяхъ. Послѣднее касается всѣхъ неуважительныхъ замѣчаній Полежаева о предметахъ религіозныхъ, политическихъ, и объ явленіяхъ русской современной ему дѣйствительности. Самая циничность и безцеремонность картинъ въ „Сашкѣ“ есть отголосокъ цинизма юнаго шалуна Пушкина, обильно почерпавшаго въ свою очередь изъ французскихъ и итальянскихъ писателей — „сказочника“ *Ляфонтена*, *Аріоста* и т. д.

Нѣкоторое сходство сюжета между „Онѣгинымъ“ и „Сашкой“ заключается въ томъ, что у Пушкина герой ѣдетъ *изъ* Петербурга въ деревню къ больному *дядѣ*, похоронивъ котораго, онъ затѣмъ поселяется въ унаслѣдованномъ, дядиномъ имѣніи; у Полежаева же „Сашка“ ѣдетъ *въ* Петербургъ къ *дядѣ* послѣ безплодно проведенныхъ студенческихъ лѣтъ на судъ, остается у него на нѣкоторое время, а затѣмъ возвращается докучивать къ себѣ въ Москву. Съ „дяди“ начинается и та и другая поэма.

У Пушкина:

Мой дядя — самыхъ честныхъ правилъ.

У Полежаева:

Мой дядя — человѣкъ сердитый.

Мы не станемъ здѣсь производить полнаго анализа и подробнаго сравненія всѣхъ похожихъ мѣстъ въ обѣихъ поэмахъ. Ограничимся весьма забавнымъ, но не совсѣмъ удобнымъ для печати пародированіемъ у Полежаева поэтическаго воспоминанія Пушкина о петербургскомъ балетѣ. У Пушкина изображается вдохновенный танецъ знаменитой балерины *Истоминой*, у Полежаева выведена дѣвка *Танька*.

Пушкинъ.	*Полежаевъ.*
(„Евгеній Онѣгинъ“, гл. I, строфа XX).	(„Сашка“, ч. I, строфа XXVII).
Блистательна, *полувоздушна*,	......*Полувоздушна*, Калипсо юная лежитъ,
Смычку волшебному *послушна*,	.....грозному *послушна*,
Толпою нимфъ окружена,	Она и млѣетъ, и дрожитъ.
Стоитъ Истомина; она,	
Одной ногой касаясь пола,	*Одна нога коснулась полу*,
Другою медленно кружитъ...	*Другая* нѣжно на отлетъ.
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ!	....
	....
Летитъ, какъ пухъ отъ устъ Эола,	
То станъ *совьетъ*, то *разовьетъ*	И вьется..
И быстро ножкой ножку бьетъ.	....

Впрочемъ, какъ ни циничны многія картины Полежаева, нельзя все-таки не признать генетической связи между „Сашкой“ и какою-нибудь „Вишнею“ Пушкина, съ любовью культивировавшаго въ своей поэзіи и соблазнительные образы, и національное сквернословіе. Если Полежаевъ въ концѣ первой части „Сашки“ приглашаетъ „грусти и печали“ „летѣть“ къ...., то еще ранѣе его Пушкинъ отзывался объ Аракчеевѣ, что онъ достоинъ „смерти нѣмца Коцебу, а впрочемъ“..... и т. д.

Полежаевъ не послѣдовалъ благоразумному рѣшенію Пушкина (котораго тотъ, впрочемъ, и самъ не сдержалъ), въ „Городкѣ“, 1814 года, когда, обращаясь къ тѣни *И. С. Баркова* (Свистова), „дѣтины, который наполнилъ лишь собой тетради половину“, Пушкинъ восклицалъ:

„Твой даръ цѣнить умѣю,
Но здѣсь тебѣ не смѣю

Хвалы сплетать вѣнокъ:
Баркова должно слогомъ
Барковскимъ воспѣвать...
Но убирайся съ Богомъ!
Какъ ты, въ томъ клясться радъ,
Не стану я писать!" [1])

„Евгенія Онѣгина" Полежаевъ вспоминаетъ еще разъ въ своемъ кавказскомъ стихотвореніи „Къ друзьямъ", писанномъ въ деревнѣ „Лысая гора" [2]).

„Я пережилъ *мои* желанья",
Я долженъ съ *Пушкинымъ* сказать:
„Минувшихъ дней очарованья"
Я долженъ вѣчно вспоминать.
. . . .
Я вѣчно помнить буду радъ:
„Люблю я бѣшеную младость,
И тѣсноту, и блескъ, и радость,
И дамъ обдуманный нарядъ".

Три послѣднихъ цитированныхъ стиха находятся въ „Евгеніи Онѣгинѣ", гл. I, строфа 30-я. Стихъ „я пережилъ мои желанья" взятъ изъ „Элегіи" 1820 года [3]), писанной

---

1) Вмѣстѣ съ *П. О. Морозовымъ* („Вѣстникъ Европы" 1899 г., № 8, стр. 865 — 866) и *Б. В. Никольскимъ* („Историческій Вѣстникъ", т. 77, стр. 204) я отношу эти стихи къ *И. С. Баркову*. *Л. Н. Майковъ* въ своихъ примѣчаніяхъ (стр. 84 второго изданія сочиненій Пушкина, т. I) попытался указать подъ Свистовымъ не Баркова, а графа *Д. И. Хвостова*, потому что далѣе, въ „Городкѣ", въ стихахъ 382 — 386, говорится опять о Свистовѣ и *утомительномъ* его чтеніи. Но Л. Н. Майковъ какъ бы забываетъ, что дѣло идетъ о содержаніи „*потаенной* сафьянной тетради, гдѣ были собраны „сочиненья, *презрѣвшія печать*", т.-е. нецензурныя: политическія и эротическія, а именно, ненапечатанныя сатиры князя *Д. П. Горчакова*, „Видѣніе на берегахъ Леты" *К. Н. Батюшкова*, „Опасный сосѣдъ" *В. Л. Пушкина*, „Трумфъ" *И. А. Крылова* и, наконецъ, барковщина. Какъ же въ эту компанію могъ попасть благонамѣренный Д. И. Хвостовъ, не занимавшійся ни эротикой, ни политикой?

2) Стр. 76 — 77.

3) Морозовскаго (перваго) изданія, т. I, стр. 238. У Пушкина: „*свои* желанья".

за окончаніемъ „Кавказскаго плѣнника" и носящей подзаголовокъ „Изъ поэмы „Кавказъ".

Поэму Пушкина „Кавказскій Плѣнникъ" Полежаевъ вспоминаетъ въ поэмѣ „Эрпели", глава II[1]), разсуждая о разницѣ между Кавказомъ въ поэзіи и Кавказомъ въ неподкрашенной дѣйствительности.

„Не восхищался ли, какъ прежде,
Однимъ названіемъ: „Кавказъ"?
Не далъ ли крылышекъ надеждѣ
За чертовщиною летѣть,
Какъ то: черкешенокъ смотрѣть,
Плѣняться день и ночь горами,
О коихъ съ многими глупцами
По географіи я зналъ,
Эльбрусомъ, борзыми конями,
Которыхъ *Пушкинъ* описалъ,
И прочая...."

IV.

Въ особенное волненіе привела Полежаева неожиданная смерть великаго поэта. Вѣроятно, подъ вліяніемъ непосредственнаго чувства создалъ онъ интересное седмистишіе: „На смерть Пушкина". Начало его съ союза „И" какъ будто указываетъ, что сохранившееся есть только заключеніе цѣлаго большого стихотворенія. Эти стихи были отлитографированы съ автографа Полежаева подъ его собственнымъ портретомъ, изданнымъ въ 1838 году литографіею *Ф. Сиверса.* Здѣсь уже и самъ Полежаевъ изображенъ въ гробу: сказанное имъ о Пушкинѣ черезъ годъ пригодилось и для него самого. Основная мысль седмистишія та, что смерть поэта неожиданна, что она преждевременна, ибо поэтъ былъ бы еще въ состояніи исполнить многое, и многое обѣщалъ. Самое стихотвореніе читается такъ:

---

1) Стр. 256.

На смерть Пушкина.

И поэтическія вѣжды
Сомкнула грозная стрѣла
Тогда, какъ свѣтлыя надежды
Вились вокругъ его чела;
Когда рука его сулила
Намъ *тьму надеждъ*, — тогда сразила
Его судьба.....[1])

Въ сборникѣ стихотвореній Полежаева, вышедшемъ черезъ четыре года послѣ его смерти подъ заглавіемъ „Часы выздоровленія“, куда вошло нѣсколько его неизданныхъ пьесъ, и представлявшемъ чью-то спекуляцію на имя поэта, было напечатано еще одно произведеніе Полежаева на смерть Пушкина подъ заглавіемъ „Вѣнокъ на гробъ Пушкина“, одно изъ самыхъ послѣднихъ стихотвореній Полежаева, писанное имъ, вѣроятно, незадолго до собственной смерти. Здѣсь Полежаевъ пытается не только выразить свою скорбь въ сильныхъ стихахъ и пышныхъ образахъ, но и дать нѣкоторую оцѣнку литературной дѣятельности Пушкина, показать его значеніе для Россіи. Обратимся къ подробному обзору этого стихотворенія Полежаева.

„Вѣнокъ на гробъ Пушкина“[2]) состоитъ изъ шести отдѣльныхъ разнаго объема стихотвореній, написанныхъ различными размѣрами и, быть можетъ, даже въ различное время[3]).

Въ *первомъ* стихотвореніи изображается развитіе русской поэзіи до Пушкина.

„Давно ль тебя, о Русь“,
спрашиваетъ поэтъ,

---

1) Стр. 211; ср. стр. 534 и 540. Впрочемъ, замѣтимъ, что принадлежность этого стихотворенія Полежаеву не совсѣмъ установлена.

2) Стр. 435 — 442.

3) См. примѣчаніе г. Ефремова, на стр. 542.

„— изъ нѣдръ пустыни дикой
Возвелъ для бытія и славы Петръ Великій“?

Заслуга Петра заключается въ томъ, что „подъ знаменемъ *наукъ*, подъ знаменемъ *свободы* онъ новые создалъ великіе народы“. Тогда и „засіялъ ярко русской младой поэзіи вѣнокъ“

Услыша зовъ Петра, возникли первые писатели, и *Кантемиръ*, и *Ѳеофанъ Прокоповичъ*. Наконецъ, взгремѣла торжественная лира „холмогорскаго великана“, *Ломоносова*. Ея значеніе для русской литературы Полежаевъ характеризуетъ такъ:

И что за лира! *жизнь!* Ея златыя струны
Подъ смѣлой дланью рыбаря
Воспоминали вдругъ и битвы, и перуны
Стократъ Великаго Царя,
И кроткія твои дѣла, *Елизавета!*

Въ дальнѣйшемъ развитіи исторіи окрѣпъ „полміра властелинъ“ — Русь. Появились и новые пѣвцы, которые обрекли Русь

„Безсмертію вѣковъ и незакатной славѣ“.

То были великіе писатели: *Петровъ*, *Державинъ*, *Карамзинъ*.

Перечисливъ важнѣйшихъ, по его мнѣнію, предшественниковъ Пушкина, Полежаевъ во *второй* части своего „Вѣнка“ переходитъ къ изображенію тѣхъ политическихъ обстоятельствъ, при которыхъ выступилъ „юный русскій соловей“, и того впечатлѣнія, какое его первые стихи произвели на современниковъ.

Появленіе Пушкина совпадаетъ съ дѣятельностью *Наполеона* и пѣснями *Байрона*.

Робко склонились подъ сѣнь эгиды „неодолимаго сына революцій“ — и пирамиды, и золотой куполъ Рима; смущенная Европа въ волнахъ кроваваго потопа страдала подъ пятой Бонапарта. Отважный, внѣ законовъ, украсилъ онъ дерзкое свое чело діадимою *Бурбоновъ*......

Его дѣятельность встрѣчала себѣ въ литературѣ различную оцѣнку. Гимны звучные пѣвцовъ читали ему и приговоры, и одобренія вѣковъ. Всѣхъ замѣтнѣе выдѣлился въ эту эпоху одинъ поэтъ.

„И въ этомъ гулѣ осужденій,
Хулы, вражды, благословеній,
Гремѣлъ, гремѣлъ, какъ дикій стонъ,
Неукротимый и избранный,
Подъ небомъ Англіи туманной,
Твой дивный голосъ, о *Байронъ!*

Тогда въ садахъ Лицея расцвѣлъ и нашъ дивный корифей. Его младенческія руки умѣли рано исторгать гармоническіе звуки. Писалъ онъ, *шутя перомъ, играя лирой.* Его поэтическій ростъ Полежаевъ сравниваетъ съ ростомъ молодой пальмы на Іорданскихъ берегахъ, скрывающей высокую главу свою въ облакахъ. Пушкинъ сталъ могучъ, славенъ, великъ и возсоздалъ русскій языкъ.

„И другъ волшебныхъ сновидѣній,
Онъ понялъ тайну вдохновеній.
....
И изумленная Россія
Узнала гордый свой языкъ“.

Третья часть полежаевскаго „Вѣнка“ изображаетъ расцвѣтъ дѣятельности Пушкина. И сталъ онъ пѣть, и все ему внимало. Поэзія Пушкина называется у Полежаева довольно мѣтко „нагою“, т.-е. реалистическою. Муза сопутствовала поэту во дворцы Царя, князей и вельможъ, входила вмѣстѣ съ нимъ и въ кабинеты ученыхъ и артистовъ, и въ залы, гдѣ софисты шумятъ, мѣняя истину на ложь. Поэзія нигдѣ и никогда не покидала Пушкина, смягчала ему гоненія судьбы, то славной, то коварной; она была въ тоскѣ съ нимъ и на пирахъ—и въ тѣ времена, когда онъ, унылый и печальный, прощался иногда съ Музой, ища

„Покоя, тишины“ —

и тогда, когда,

„какъ духъ, приникнувъ къ изголовью,
Она ему съ своей небесною любовью
Дарила неземные сны.

Когда же его *Муза*, утомясь минутнымъ упоеньемъ, смыкала очи, въ эти времена къ поэту слетала невидимая *Клiо*, богиня исторiи, съ правдивой повѣстью вѣковъ.

„И пѣлъ великiй мужъ великiя побѣды,
И громко вызывалъ, о праотцы и дѣды,
Онъ ваши тѣни изъ гробовъ“.

V.

Охарактеризовавъ и поэтическую дѣятельность Пушкина, и его исторически-научныя занятiя, Полежаевъ въ *четвертой* части, въ прекрасныхъ стихахъ, переходитъ къ обрисовкѣ чувствъ, пробужденныхъ утратою великаго народнаго поэта.

„Гдѣ же ты, поэтъ народный“,

спрашиваетъ авторъ,

„Величавый, благородный,
Какъ широкiй океанъ,
И могучiй, и свободный,
Какъ суровый ураганъ?!“

Почитателямъ поэтическаго таланта Пушкина *не хватаетъ* тѣхъ наслажденiй, къ какимъ они уже привыкли.

„Отчего же голосъ звучный, —
Голосъ, съ славой неразлучный,
Своенравный и живой,
Ужъ не царствуетъ надъ *скучной*,
Охладѣлою душой,
Не владѣетъ нашей думой,
То *отрадной*, то *угрюмой*
По *внушенью* твоему?

Не всегда ли безотчетно,
Добровольно и охотно
Покорялись мы ему?“

Поклонники Пушкина, превратясь въ безмолвное вниманіе, долго прислушивались къ рокотанью его стиховъ. Здѣсь Полежаевъ перечисляетъ тѣ произведенія Пушкина, которыя, повидимому, произвели на него особенное впечатлѣніе и казались ему наиболѣе великими: онъ называетъ Пушкина „пѣвцомъ *любви*, *тоски*, *страданій неизбѣжныхъ*“, пѣвцомъ „Людмилы и Руслана“, *Земфиры* (т.-е. „Цыганъ“), *Невскихъ береговъ* (т.-е. „Евгенія Онѣгина“) и *единственнымъ* пѣвцомъ волшебнаго („Бахчисарайскаго“) Фонтана“. Очевидно, послѣдняя поэма очень нравилась Полежаеву......

Пушкинъ мчалъ, уносилъ по лону водъ мятежныхъ своихъ плѣнительныхъ стиховъ; его слушали томимые пріятнымъ содроганьемъ. Но вдругъ наступила катастрофа:

И Пушкинъ — трупъ! и Пушкинъ — прахъ!

Надъ его головой вознесся не вѣнокъ, но факелъ погребальный. Пушкинъ — прахъ, и прахъ непробудимый! Современники были вдругъ поражены невольнымъ ужасомъ: угасъ и навсегда Державы Сѣверной баянъ, милльонами (!) любимый!

Послѣднее утвержденіе Полежаева, несомнѣнно, гиперболично: Пушкинъ въ то время не могъ имѣть *милліоны* почитателей.

Пятая часть „Вѣнка“ озаглавлена, какъ „Гимнъ смерти“.

„*Совершилось*: дивный геній —
Совершилось — славный мужъ
Незабвенныхъ пѣснопѣній
Отлетѣлъ въ страну видѣній,
Съ лона жизни въ царство душъ“.

Хотя для Пушкина все — и преждевременно! — окончено на землѣ, но на его челѣ *побѣдный* вѣнокъ.

„О, взгляните“, восторгается нашъ авторъ, „какъ свободно

Это *гордое* чело,
Какъ оно въ толпѣ народной
Величаво, *благородно*
Новой жизнью расцвѣло!

Пушкинъ палъ на землѣ, смерть уравняла его съ прахомъ, но за то въ небесахъ, подъ сѣнію Милосерднаго Творца, безъ печальнаго покрова встрѣтя его, жителя земного, знаменитаго пѣвца, —

„И Святое Провидѣнье
Слово *мира* изречетъ“.

Ему тамъ не поставятъ въ вину его смерть на поединкѣ, которую здѣсь, на землѣ, считаютъ за преступленіе, —

„И небесное прощенье,
Какъ земли благословенье
(за его стихи),
На главу его сойдетъ!“

Пушкинъ, какъ духъ безплотный, величавый, будетъ жить безсумеречною славой. онъ увидитъ яркій, свѣтлый день. Его торжественная тѣнь пробѣжитъ неугасимымъ окомъ милліонъ міровъ. Надъ облаками окружитъ его необозримый легіонъ *родственныхъ* ему тѣней поэтовъ, давно прославленныхъ вѣками; тамъ подойдутъ къ Пушкину и *Петрарка*, и *Тассо*, и, добыча казни, *А. Шенье*, котораго такъ любилъ Пушкинъ, и, наконецъ, съ улыбкою пріязни подастъ ему руку задумчивый *Байронъ*.

Послѣ этого Полежаевъ рисуетъ свои собственныя чувства къ Пушкину.

Всѣ въ изумленной Россіи, и старъ и младъ, предавъ великаго поэта холодной и нѣмой землѣ, оплакали его.

Невѣдомый пѣвецъ, но смѣлый, славы[1]) жадный, преклонилъ колѣно предъ урною Пушкина. Правда, для Пушкина, *второго Анакреона*, готовятъ душистые вѣнки *великіе* поэты. Но Полежаеву вѣрится, что и его скромный „*вѣнокъ*“, благодаря глубокому и искреннему чувству, съ какимъ онъ сплетенъ, не будетъ поглощенъ волнами Леты съ самаго момента рожденія его:

„На пеплѣ золотомъ угаснувшей кометы
Несмѣлою рукой онъ съ чувствомъ положонъ“.

Послѣдняя часть, *шестая*[2]), озаглавлена „Утѣшеніе“ и представляетъ собою четверостишіе, краткую, но очень сильную похвалу Государю Императору Николаю Павловичу.

„Надъ лирою твоей, разбитою, но славной“,

обращается поэтъ къ Пушкину:

„Зажглася и горитъ *прекрасная звѣзда!*“

Что же это за звѣзда? Полежаевъ мощно отмѣчаетъ то великодушное участіе, съ какимъ отнесся Царь и къ бѣдному Пушкину на одрѣ его смерти, и къ осиротѣвшей семьѣ его:

„Она (звѣзда) облечена щедротою державной
Великодушнаго царя!“

Благородное движеніе въ душѣ Монарха нашло себѣ благородный отзвукъ въ душѣ солдата-поэта!

VI.

А. Н. Пыпинъ, давая суммарную оцѣнку[3]) Полежаева, говоритъ, между прочимъ, объ отношеніи его къ Пушкину слѣдующее:

---

1) Любопытно, что въ эпиграфѣ къ „Сашкѣ“ Полежаевъ, однако, начинаетъ именно съ того, что онъ пишетъ „*не* для славы — для *забавы*“.

2) По предположенію г. Ефремова, позднѣе приписанная.

3) Въ статьѣ „Забытый поэтъ“, „Вѣстн. Европы“ мартъ 1889 г. стр. 196.

„Задатки *сильнаго* и *оригинальнаго* дарованія въ этомъ поэтѣ не подлежатъ сомнѣнію. *Бѣлинскій* вѣрно понялъ *самобытность* этого дарованія, которая у него, младшаго современника Пушкина, развивалась, однако, *независимо отъ вліяній великаго поэта*, овладѣвшаго *безраздѣльно* умами молодыхъ поколѣній. Недостатокъ или почти полное отсутствіе свѣдѣній не даетъ намъ возможности судить о ходѣ развитія Полежаева, но на самыхъ его стихотвореніяхъ мы видимъ, что онъ начинаетъ въ *старомодномъ стилѣ до-пушкинскихъ* временъ, но быстро переходитъ къ совершенно иному стилю содержанія и формы. Для своей шутливой поэмы, такъ печально рѣшившей всю его жизнь, онъ взялъ сюжетъ, выходившій за предѣлы литературы; но въ пріемахъ ея любопытенъ поэтическій реализмъ и легкій стихъ, какіе въ то время не были частымъ явленіемъ въ нашей литературѣ. Полежаевъ былъ, конечно, великимъ поклонникомъ Пушкина, но *онъ не былъ его ученикомъ*; его стихъ *не пушкинскій* и иными чертами скорѣе какъ бы приготовляетъ къ *Лермонтову*, а также и къ *Кольцову*. Тотъ же Бѣлинскій, отмѣчая примѣры этого смѣлаго, энергическаго, *своеобразнаго* стиха, видѣлъ въ немъ свидѣтельство сильнаго таланта“....

Мы никакъ не можемъ здѣсь согласиться съ почтеннымъ историкомъ. Ничуть не умаляя самобытности и дарованія Полежаева, мы, однако, не можемъ не назвать его именно *ученикомъ* Пушкина, а не только его великимъ поклонникомъ. Напрасно считать начальными опытами поэзіи Полежаева — составленныя имъ въ „старомодномъ“ стилѣ до-пушкинскихъ временъ — оды для университетскихъ актовъ. Эти оды были имъ писаны на заказъ отъ тогдашняго ректора университета, *А. А. Антонскаго-Прокоповича*[1]); писались онѣ по извѣстному, уже издревле устано-

1) См. въ нашей книгѣ „Изъ исторіи жизни и поэзіи Полежаева“, стр. 28 — 31.

вившемуся шаблону, съ опредѣленною цѣлью, и подвергались просмотру, а быть можетъ и поправкамъ начальства. Да если бы Полежаевъ и точно началъ въ старомодномъ, до-пушкинскомъ стилѣ, то подъ *чьимъ* же вліяніемъ онъ „быстро перешелъ къ *совершенно иному* стилю содержанія и формы“, какъ говоритъ Пыпинъ? Это вліяніе могло быть и было только однимъ: то было вліяніе новаго стиля, созданнаго Пушкинымъ. Именно поэма „Сашка“ была, какъ мы выше (стр. 87) говорили, сразу и подражаніемъ Пушкинскому „Евгенію Онѣгину“, и пародіею-карикатурою на него. По духу же своему эта шутливая поэма была полнымъ отголоскомъ эротическихъ, политическихъ, антирелигіозныхъ и сквернословныхъ эпиграммъ, поэмъ, посланій и одъ молодого Пушкина. И если *точно* (?) поэма „Сашка“ именно послужила причиною гибели Полежаева[1]), то значительная доля вины лежала въ данномъ случаѣ на совѣсти самого учителя. Не забудемъ, что вредное вліяніе стиховъ Пушкина сказалось въ Московскомъ Университетѣ еще тогда же въ одномъ случаѣ, а именно въ политическомъ дѣлѣ кружка братьевъ *Критскихъ* (1827 года), при чемъ основатель кружка, старшій братъ, *Петръ Критскій*, на слѣдствіи прямо показалъ, что къ мысли образовать кружокъ съ цѣлью борьбы противъ правительства онъ былъ приведенъ чтеніемъ *запрещенныхъ* стихотвореній Пушкина.

VII.

А. Н. Пыпинъ затрогиваетъ въ приведенной выше цитатѣ весьма любопытный вопросъ по исторіи русскаго стиха; онъ, повидимому, полагаетъ, что стихъ Поле-

---

1) См. на этотъ счетъ нашу книгу „Къ столѣтію годовщины рожденія А. И. Полежаева“, Варшава, 1905 г.

жаева, — знаменитый двустопный, короткій, *риѳмованный* полежаевскій стихъ, — *совершенно* самобытенъ, не зависитъ въ своемъ возникновеніи отъ Пушкина и является предшественникомъ стиха Лермонтова и Кольцова.

Чтобы провѣрить такое мнѣніе, мы дали себѣ трудъ съ этой спеціально цѣлью просмотрѣть всѣ стихотворенія *Пушкина* (по первому изданію *П. О. Морозова*, томы I и II), *Лермонтова* (по изданію *П. А. Висковатова*, т. I) и *Кольцова* (по изданію *А. И. Введенскаго*) и позволимъ себѣ здѣсь привести результаты, которые намъ показались небезынтересными.

Нѣсколько великолѣпнѣйшихъ произведеній Кольцова писаны стихомъ на манеръ полежаевскаго, какъ напр.,

«*Размоловка*».

Теперь яснѣй
Ужъ вижу я:
Любви огонь
Давно потухъ
Въ груди твоей.
Бывало, ты —
Сестра и другъ!

и т. д. (1828 г., стр. 18).

Молитва.

Спаситель, Спаситель,
Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы!
Но, Боже, и вѣрѣ
Могила темна!
. . . .

(1836 г., стр. 95).

Пѣснь русалки.

Давайте, подруги,
Веселой толпой
Мы выйдемъ сегодня
На берегъ крутой

Веселый часъ.

Дайте бокалы,
Дайте вина!
Радость—мгновенье:
Пейте до дна!

(стр. 123).

Поминки.

(Памяти *Н. В. Станкевича*).

Подъ тѣнью роскошной
Кудрявыхъ березъ
Гуляютъ, пируютъ
Младые друзья.

(1840 г., стр. 140).

Такихъ примѣровъ можно набрать изъ Кольцова еще много; но дѣло въ томъ, что всѣ эти стихотворенія (за исключеніемъ „Веселаго часа“, правда риѳмованнаго, но съ риѳмами бѣдными, въ родѣ „заря“ и „друзья“) писаны *бѣлыми,* нериѳмованными стихами, тогда какъ Полежаевскій стихъ именно поражаетъ неистощимымъ богатствомъ *риѳмъ.* Слѣдовательно, Кольцовскій стихъ совсѣмъ не относится къ нашему вопросу.

Обращаясь къ Лермонтову, мы находимъ у него всего только *пять* пьесъ, писанныхъ Полежаевскимъ короткимъ стихомъ:

Въ верху одна
Горитъ звѣзда;
Мой взоръ она
Манитъ всегда.

(1830 г., стр. 136).

Прощанье.

Прости, прости!
О сколько мукъ
Произвести
Сей можетъ звукъ!

Въ далекій край
Уносишь ты
Мой адъ, мой рай,
Мои мечты!

(1830 г., стр. 149).

Къ другу.

Забудь опять
Свои надежды:
Объ нихъ вздыхать —
Судьба невѣжды.
Она — дитя!
Не вѣрь на слово:
Она шутя
Полюбитъ снова.

(1831 г., стр. 202).

Юнкерская молитва.

Царю Небесный,
Спаси меня
Отъ куртки тѣсной,
Какъ отъ огня!

(1833 — 1834 г., стр. 242).

Волшебные звуки.

Есть рѣчи: значенье
Темно иль ничтожно, —
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.

(1841 г., стр. 323).

Вотъ и всѣ примѣры.

Говорить о спеціальномъ вліяніи Полежаевскаго стиха на соотвѣтствующій Лермонтовскій стихъ тоже едва ли приходится.

Теперь обратимся къ Пушкину. Мы можемъ убѣдиться, что Пушкинъ писалъ короткимъ Полежаевскимъ стихомъ

до Полежаева[1]), и притомъ, что̀ интересно, — охотнѣе въ дни своей молодости — до 1824 г. Послѣ этого года имѣется только одинъ примѣръ отъ 1830 года.

Измѣны.

Все миновалось!
Мимо промчалось
Время любви.
Страсти мученья,
Въ мракѣ забвенья
Скрылися вы!

(1812 г., стр. 2 — 4, т. I, напеч. въ 1815 г.).

Вишня.

Румяной зарею
Покрылся востокъ;
Въ селѣ за рѣкою
Потухъ огонекъ.

(1815 г., стр. 60—61).

Роза.

Гдѣ наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари!

(1815 г., стр. 95, напечатано въ 1826 г.).

Пуншевая пѣсня.

(изъ *Шиллера*).

Силы четыре,
Соединясь,
Жизнь образуютъ,
Міръ создаютъ.

(1816 г., стр. 118).

---

1) Если поискать, то интересующій насъ размѣръ, конечно, отыщется у поэтовъ даже и до Пушкина!

Заздравный кубокъ.

Кубокъ янтарный
Полонъ давно,
Пѣною парной
Блещетъ вино.
(1816 г., стр. 119, напечатано въ 1827 г.).

Пробужденіе.

Мечты, мечты,
Гдѣ ваша сладость?
Гдѣ ты, гдѣ ты,
Ночная радость?
(1816 г., стр. 152 — 153, напечатано въ 1817 г.).

Адели.

Играй, Адель,
Не знай печали!
Хариты, Лель
Тебя вѣнчали
И колыбель
Твою качали.
(1822 г., стр. 281, напечатано въ 1824 г.).

Испанскій романсъ.

Ночной зефиръ
Струитъ эфиръ.
Шумитъ,
Бѣжитъ,
Гвадалквивиръ.
(1824 г., стр. 307 — 308, напечатано въ 1827 г.).

Подражанія корану.

VII.

Возстань, боязливый:
Въ пещерѣ твоей

Святая лампада
До утра горитъ.
(1824 г., стр. 326, напеч. въ 1826 г.).

Я — здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ, и сномъ!
(1830 г., стр. 117 — 118 тома II-го).

Слѣдовательно, и въ исторіи специфическаго, короткаго двустопнаго Полежаевскаго риѳмованнаго стиха нельзя не признать Пушкина предшественникомъ и учителемъ московскаго пансіонера, Полежаева.

VIII.

Въ заключеніе нашего сопоставленія мы считаемъ необходимымъ указать на то, что, по нашему мнѣнію, Полежаева влекла къ Пушкину не одна слѣпая, инстинктивная *переимчивость*. Подражаніе Пушкину коренилось, на нашъ взглядъ, у Полежаева гораздо глубже, въ самой его *натурѣ*: Полежаевъ по силѣ поэтическаго вдохновенья и мастерству языка уступалъ Пушкину, но онъ былъ ему *конгеніаленъ*, онъ обладалъ натурою, схожею и родственною натурѣ Пушкина.

На Полежаева у насъ издавна установился совершенно неправильный и очень односторонній взглядъ: въ его стихотвореніяхъ хотятъ видѣть во что бы то ни стало исключительно либо *протестъ*, либо *плачъ* о своей погубленной долѣ. Если мы взглянемъ на дѣло шире, если примемъ въ расчетъ не нѣсколько, а *всѣ* его стихотворенія, отмѣтимъ не одну-двѣ, а и прочія струны его лиры, то должны будемъ придти къ инымъ заключеніямъ. Элементы плача и протеста попадаютъ въ поэзію Полежаева

извнѣ, благодаря внѣшнимъ вліяніямъ, въ силу неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій и происшествій. Тамъ, гдѣ протестъ (какъ въ „Сашкѣ“) высказывается еще ранѣе постигшихъ Полежаева несчастій, этотъ протестъ есть чужое вліяніе, — и именно вліяніе *молодого* Пушкина. Тамъ же, гдѣ Полежаевъ высказывается независимо отъ внѣшнихъ вліяній и отдается вполнѣ внушеніямъ своей натуры, тамъ мы наблюдаемъ чрезвычайно любопытное явленіе: несмотря на болѣзненность своего физическаго организма, разрушеннаго раннимъ разгуломъ, въ душѣ своей поэтъ до конца дней остается свѣжимъ, *здоровымъ* и сильнымъ *реалистомъ*, объективно воспринимающимъ и точно воспроизводящимъ окружающую его дѣйствительность — вдобавокъ, съ большою наклонностью къ здоровому, безобидному, незатѣйливому *юмору*, безъ всякихъ претенціозныхъ „невидимыхъ“ слезъ за видимымъ міру смѣхомъ.

Юмористическія пьесы поэтъ нашъ писалъ до послѣднихъ дней. Ослѣпляемые неправильною тенденціею и при полномъ непониманіи основныхъ чертъ натуры Полежаева, критики либо молчатъ объ юмористическихъ стихотвореніяхъ, либо отзываются о нихъ презрительно, а редакторы изданій сочиненій Полежаева запрятываютъ эти пьесы въ самый конецъ*).

Эти же самыя черты — здоровый, мощный реализмъ въ соединеніи съ безобиднымъ здоровымъ юморомъ представляютъ собою именно наиболѣе характерныя черты *зрѣлаго*, мужественнаго Пушкина — онѣ то именно привлекаютъ насъ въ позднѣйшихъ твореніяхъ геніальнаго поэта, — и быть можетъ, мы среди русскихъ поэтовъ не найдемъ никого, кто бы по свойствамъ своей натуры

---

1) Такъ поступилъ и г. *Ефремовъ*. Впрочемъ, раздѣленіе стихотвореній Полежаева на отдѣлы въ его изданіи вообще лишено какого-нибудь руководящаго принципа и совершенно хаотично.

подходилъ къ Пушкину такъ близко, какъ именно Полежаевъ.

Этою конгеніальностью натуръ обоихъ поэтовъ всего лучше и объясняется тотъ фактъ, что внѣ всякаго знакомства, внѣ личнаго общенія съ Пушкинымъ и съ его ближайшимъ кружкомъ, одиноко стоявшій юный поэтъ Полежаевъ, къ сожалѣнію, чрезмѣрно поддался фатальному для него вліянію пушкинской музы ранняго періода — и въ этомъ отношеніи нельзя не пожалѣть, что Полежаевъ не родился *позднѣе*, и что онъ со своею конгеніальностію Пушкину встрѣтилъ образцами — произведенія Пушкина — не зрѣлыя, а еще раннія, отъ которыхъ тотъ самъ потомъ нерѣдко открещивался. Отражая въ себѣ, съ одной стороны, вліянія иноземныхъ писателей и обветшалой русской словесности XVIII в., Полежаевъ, съ другой стороны, какъ въ фокусѣ собралъ и разрозненныя черты міровоззрѣнія молодого Пушкина, отрицателя-„аѳея“, въ своемъ первомъ крупномъ и очень оригинальномъ, но писанномъ небрежными стихами произведеніи „Сашка“. Но это весьма сильное пушкинское вліяніе ничуть не помѣшало Полежаеву отпечатлѣть въ той же поэмѣ индивидуальныя черты своего собственнаго таланта. Послѣ перелома въ судьбѣ Полежаева, послѣ 1826 года, дороги обоихъ поэтовъ расходятся, и Полежаевъ, оставивъ подражаніе, идетъ своимъ путемъ, поскольку вообще онъ продолжаетъ заниматься поэзіею, — хотя въ отношеніи формы и стиха остается все-таки ученикомъ Пушкина. Полежаевъ все время сохраняетъ добрыя и восторженныя чувства по отношенію къ своему прежнему образцу. Смерть Пушкина пробудила въ Полежаевѣ съ новою силою чувства преданности и поклоненія, и онъ, нося уже смерть въ собственной груди, излилъ свою скорбь въ рядѣ возвышенныхъ стихотвореній, объединенныхъ подъ общимъ заглавіемъ „Вѣнка на гробъ

Пушкина“. Таковы отношенія Полежаева къ Пушкину, поскольку мы можемъ опредѣлить ихъ на основаніи внимательнаго изученія сочиненій Полежаева и біографическаго о немъ матеріала.

Проф. *Е. А. Бобровъ.*

Замѣтки о Пушкинѣ.

I.

Къ литературной исторіи двухъ мнимыхъ стихотвореній Пушкина.

Тяжелыя цензурныя условія, которыя болѣе вѣка свинцовою тучей висѣли надъ русскою литературой, всегда вызывали у насъ массовое появленіе „сочиненій, презрѣвшихъ печать“. Усиленное развитіе рукописной литературы, въ которой только и могло найти себѣ выраженіе свободное русское слово, обыкновенно совпадало съ періодами нароставшаго общественнаго возбужденія. Такъ было, напримѣръ, въ первую четверть прошлаго вѣка, когда въ рукописяхъ, въ безконечномъ количествѣ списковъ, расходятся по рукамъ и цѣлыя піесы, — какъ „Горе отъ Ума“ и „Трумфъ“, и большіе политическіе трактаты, какъ записки Мордвинова и Карамзина, и совершенно невинныя литературныя сатиры, какъ „Видѣніе на берегахъ Леты“ Батюшкова, и первыя, робкія еще попытки политической сатиры, какъ „Ночь“ князя Горчакова, и свободолюбивыя стихотворенія Пушкина и будущихъ декабристовъ. Среди этой запретной литературы произведенія чисто-скабрезныя, несомнѣнно, были въ значительномъ меньшинствѣ. Въ этомъ отношеніи очень ха-

рактерно показаніе самого Пушкина въ стихотвореніи „Городокъ", въ которомъ онъ вкратцѣ перечисляетъ составъ завѣтной тетради, полученной отъ „двоюроднаго брата, драгунскаго солдата". Въ ней были „Святки" князя Горчакова, „Видѣніе" Батюшкова, „Опасный сосѣдъ" В. Л. Пушкина, „Трумфъ" Крылова и — Барковъ, котораго Пушкинъ, для приличія, но вопреки требованіямъ риѳмы, называетъ Свистовымъ.

Многое въ этой литературѣ ходило безъ подписи и совершенно произвольно приписывалось тому или другому писателю. Пушкину не разъ приходилось открещиваться отъ такихъ литературныхъ „подкидышей", какъ вольнолюбивыхъ, такъ и скабрезныхъ, но даже прямыя опроверженія поэта часто не приводили ни къ какому результату, и цѣлые сборники не принадлежащихъ ему произведеній продолжали ходить съ его именемъ по Россіи.

Въ настоящей замѣткѣ мы хотимъ обратить вниманіе на любопытную литературную исторію одного изъ такихъ мнимыхъ произведеній Пушкина.

Въ 1803 году Д. В. Давыдовъ написалъ басню „Рѣка и Зеркало" [1]). Она обыкновенно признается подражаніемъ баснѣ Лафонтена, но мы нашли болѣе близкій ея источникъ. На самомъ дѣлѣ, это — почти дословный переводъ басни Сегюра „Дитя, Зеркало и Рѣка". Въ „Новостяхъ русской литературы на 1802 годъ" (IV, стр. 65 — 66) помѣщенъ такой ея прозаическій переводъ.

„Одинъ Калифъ вздумалъ наказать Мудреца за то, что онъ осмѣлился въ поучительномъ своемъ словѣ живо изобразить картину его легкомыслія, тщеславія и чуднаго нрава. При всемъ томъ, осужденному дозволено предъ казнію принесть оправданіе. И вотъ въ чемъ оное заклю-

1) См. „Русская Старина" 1872 г., т. V, и „Сочиненія" Давыдова, С.-Пб., 1893, т. I, стр. 14.

чалось: „Ребенку дурному, глупому и сердитому случилось однажды взглянуть на себя въ зеркало, и нелживое стекло точь въ точь показало ему безобразіе его. Дитя взбѣленилось, разбило зеркало въ мелкіе куски и думало, что такимъ удовлетвореніемъ сердца своего могло оно, истребя изображеніе, изгладить и свою отвратительную дурноту. Но зеркалу подобная поверхность чистыхъ струй вскорѣ показала ему то же самое безобразіе, тѣ же самыя черты; не въ силахъ будучи истребить цѣлой рѣки, оно растерзано было стыдомъ и горестію. — О вы, владыки народовъ! вы, коимъ дитя сіе служитъ въ образецъ! если токмо одинъ я былъ неложнымъ вашимъ зеркаломъ, такъ вѣдайте, что, наказавъ меня за вѣрность, остается потомство пространною для васъ рѣкою“. — Говорятъ, будто эта притча столь усовѣстила Повелителя, что онъ простилъ Мудреца и даже наградилъ его; но мнѣ сдается, что онъ по крайней мѣрѣ хотя сослалъ его: а то бы и сущая правда походила на сказку“.

Давыдовъ почему-то не смогъ или не захотѣлъ напечатать своей стихотворной передѣлки этой басни, и она была напечатана съ его именемъ только въ 1872 году. До этого времени она распространялась въ рукописи — и упорно приписывалась Пушкину.

В. А. Гольцевъ передалъ намъ старинный рукописный сборникъ со стихотвореніями Жуковскаго, Рылѣева, Пушкина и др. Одно изъ нихъ носитъ названіе „Деспотъ“ и подписано именемъ Пушкина.

На самомъ дѣлѣ это — „Рѣка и Зеркало“ Давыдова. Сравнительно съ текстомъ „Сочиненій“ Давыдова нашъ сборникъ даетъ такіе варіанты:

1. Полною.
3. Любимца.
4. Взнести.
5. Сей предъ смертію не могъ, чтобъ не добиться.

6. Предстать передъ него.
7. Не милости просить, не плакать, не крушиться...
8. Правды онъ боится.
9. Хоть басню выслушать его.
10. Позволилъ — философъ садится.
11. И басню эту говоритъ.
13. Увидя.
14. И въ злобѣ веселился.
15. Могъ онъ.
16. Но завтра же.
17. Въ рѣкѣ свой гнусный видъ.
19. Былъ въ душѣ и стыдъ, и страхъ скрывать.

После 19-го.
Сіе прилично сходство.

20—24. „Монархъ! Гнушайся! Для тебя
Я зеркало: разбей меня!
Рѣка — твое потомство!
Ты въ ней найдешь всегда себя!"
25. Эта рѣчь.
26. Ему велѣлъ и жизнь, и волю дать.
27. Позвольте! Виноватъ! Велѣлъ въ Сибирь сослать.

Эти варіанты, вѣроятно, восходятъ къ первоначальной редакціи перевода Давыдова.

Въ 1827 году возникло дѣло Леопольдова, которое грозило Пушкину большими непріятностями. У Леопольдова были захвачены рукописныя стихотворенія и среди нихъ — отрывокъ изъ „Андрэ Шенье" съ особенно перепугавшею тогдашнія власти надписью: „На 14 декабря 1825 года".

Въ сборникѣ Леопольдова Пушкину было приписано нѣсколько не принадлежащихъ ему стихотвореній, въ томъ числѣ „Бичь, басня" — все та же басня Давыдова „Рѣка и Зеркало" [1]).

---

1) См. „Всемірный Вѣстникъ" 1905 г., сентябрь—октябрь, приложеніе („Дѣло о Пушкинѣ", стр. 288 — 289).

Сравнительно съ текстомъ „Сочиненій“ Давыдова у Леопольдова встрѣчаются такіе варіанты:

3. Любимца.
5. Сей предъ смертію умѣлъ.
8. Правды онъ боится.
9. Хотя бы басню.
13. Увидя.
14. Веселиться.
15. Могъ онъ.
16. На утро же одинъ.
17. Въ рѣкѣ свой гнусный видъ.
19. Въ душѣ и страхъ, и срамъ питать.
20. Ахъ, это сходство.
21—22. Прилично ль для царя? Я — зеркало, меня разбей.
25. Такъ убѣдила.
28. Баснь.

Насколько сильна была въ литературныхъ кругахъ того времени увѣренность въ принадлежности этой басни Пушкину, можно видѣть изъ того, что въ своей рѣчи, произнесенной въ Брюсселѣ въ 1834 году[1]), знаменитый польскій историкъ и эмигрантъ Лелевель приписалъ Пушкину „сказочку“, которую будто бы великій поэтъ прислалъ царю „изъ глубины изгнанія“. Излагаетъ онъ ее по памяти, съ большими искаженіями, но въ ней легко можно узнать все ту же басню Давыдова.

„У одного короля былъ другъ, который давалъ ему добрые совѣты и говорилъ правду. Это такъ надоѣло королю, что онъ отдалилъ друга отъ себя. Отдѣленный отъ короля огромнымъ разстояніемъ, другъ уже не могъ подавать ему вò-время совѣты, и вотъ онъ прислалъ ему зеркало, которое показывало пороки тѣхъ, кто въ него глядѣлся. Король, скорѣе изъ любопытства, чѣмъ изъ желанія исправиться, взглянулъ какъ-то въ зеркало. Но вмѣсто того, чтобы измѣниться къ лучшему, онъ тутъ же

1) См. „Историческій Вѣстникъ“ 1905 г., августъ, стр. 622.

такъ разсердился, что разбилъ зеркало. Оно разлетѣлось въ кусочки, и съ той поры каждый изъ этихъ осколковъ носитъ въ себѣ отдѣльное отраженіе пороковъ короля".

Издатели сочиненій Пушкина много разъ приписывали ему эпиграмму на брата, Льва Сергѣевича: „Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ"...

Въ своихъ рукописныхъ примѣчаніяхъ на одномъ изъ заграничныхъ изданій стихотвореній Пушкина князь П. А. Вяземскій[1]) усомнился въ принадлежности ея великому поэту: „Не должно быть Пушкина. Про брата не сказалъ бы онъ: „Нашъ пріятель"...

Въ своемъ послѣднемъ (Суворинскомъ) изданіи сочиненій Пушкина г. Ефремовъ (т. VII, стр. 199) прямо приписываетъ ее С. А. Соболевскому, хотя и не указываетъ своихъ основаній.

Мы разыскали ее въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1842 года (январь, стр. 22), безъ подписи, въ такомъ видѣ:

Нашъ пріятель Пустяковъ
Не лишенъ разсудка,
Но съ шампанскимъ жирный пловъ
И съ груздями утка
Вамъ докажутъ лучше словъ,
Что онъ болѣе здоровъ
Силою желудка!

Сопоставленіе обычной редакціи этой эпиграммы съ разысканною нами можетъ привести къ двумъ выводамъ: или „Пустяковъ" было подставлено вмѣсто рукописнаго „Пушкинъ Левъ", или кто-нибудь (можетъ быть, тотъ же Соболевскій), ради шутки, замѣнилъ первоначальнаго „Пустякова" именемъ своего пріятеля. На первое врядъ-ли рѣшился бы тогдашній редакторъ „Русскаго Вѣстника",

1) См. „Старина и Новизна", кн. VIII, стр. 38.

Н. А. Полевой: въ то время онъ слишкомъ былъ вообще запуганъ, да подобная шутка съ Л. С. Пушкинымъ, при его извѣстной горячности, могла быть прямо опасна. Поэтому второе предположеніе кажется намъ болѣе вѣроятнымъ. Когда вмѣсто „Пустякова" было вставлено имя брата поэта, — легко было приписать ему и самую эпиграмму.

II.

Поэтическіе отголоски дружескихъ отношеній Пушкина.

Въ стихотвореніяхъ современниковъ Пушкина встрѣчается много указаній, интересныхъ для біографіи поэта или освѣщающихъ отдѣльныя мѣста его произведеній. Въ нашихъ сборникахъ: „Русскіе поэты о Пушкинѣ" и „Puschkiniana" (выпускъ I—II) имъ посвящено нѣсколько особыхъ отдѣловъ.

Послѣ напечатанія ихъ, нами найдено еще нѣсколько такихъ стихотвореній. Относящіяся къ Пушкину мѣста ихъ мы и приводимъ ниже.

Въ сборникѣ Григорія Ржевскаго: „Новыя басни и разныя стихотворенія" (С.-Пб. 1827, стр. 43) напечатана „Записка, писанная къ А. С. Пушкину на Кавказѣ, у Горячихъ водъ, прежде, нежели онъ читалъ мнѣ стихи свои":

Скажи ты, Пушкинъ, мнѣ, зачѣмъ тогда, когда насъ
Соединилъ Кавказъ,
И часто у меня бываешь,
Стиховъ своихъ ты не читаешь?
Причины я другой придумать не умѣлъ, —
Что скромность вышняго таланта есть удѣлъ.
Но, любопытствомъ побуждаясь,
Желалъ бы стѣнкою того покоя быть,
Гдѣ будетъ геній твой парить,
Въ разсказѣ громкомъ увлекаясь, —
Лишь могъ бы чувствовать и, слыша, не забыть!

Извѣстная эпиграмма Пушкина „Собраніе насѣко-

мыхъ“ вызвала въ „Сынѣ Отечества“ (1831 г., ч. 142, стр. 246) такую отвѣтную эпиграмму какого-то А. Б.:

Да, да, въ стихахъ моихъ знакомыхъ
Собранье мыслей — насѣкомыхъ!

Въ Москвѣ въ 1833 году какой-то И. И. Т. выпустилъ сборникъ „Уединенная лира, или собраніе различныхъ стихотвореній“. На стр. 240-й въ немъ напечатано стихотвореніе: „М. Л. Б.....вой съ препровожденіемъ третьей части Онѣгина“:

Татьяной стоитъ ли занять Россію?
И что Онѣгина дѣла?
Поэма Пушкина прелестнѣе бъ была,
Когда бы онъ воспѣлъ Марію!

Когда въ 1850 году Ф. П. Калинычъ, учившій Пушкина въ Лицеѣ чистописанію, праздновалъ свой юбилей, Свѣчинъ написалъ ему въ „Сѣверной Пчелѣ“ (№ 44) стихотвореніе, которое начиналось такими словами:

Привѣтъ тебѣ, старикъ! Заботливо взрастилъ
Ты двадцать юныхъ поколѣній;
Писать безсмертнаго ты Пушкина училъ:
Хвала тебѣ!... Онъ геній!

Въ изданномъ за границей сборникѣ „Лютня“ (Лейпцигъ. 1874, II, стр. 215—217) напечатано очень интересное „Посланіе къ друзьямъ“ одного изъ декабристовъ (можетъ быть, В. Ѳ. Раевскаго). Значительная его часть относится къ Пушкину:

....
Быть можетъ... О, молю душой
И силъ, и мужества отъ неба!
Уже судъ мрачнаго Эреба
Мнѣ жизнь, лютѣе смерти злой,
Готовитъ тамъ, гдѣ слышны звуки
Подземныхъ стоновъ и цѣпей
И вздохи безпрерывной муки;
Гдѣ тайно зоркій стражъ дверей

Свои отъ взоровъ кроетъ жертвы.
Полунагіе, полумертвы,
Безъ силъ, безъ памяти, безъ словъ,
Подъ адской ржавчиной оковъ
Сіи живущіе клевреты
Въ гнилой соломѣ тлѣютъ тамъ!
И не различны ихъ очамъ
Темницы мертвые предметы.
Но пусть счастливѣйшій пѣвецъ,
Любимецъ музъ и Аполлона,
Страстей высокихъ пылкій жрецъ,
Сей новый берегъ Ахерона,
Тѣней жилище, воспоетъ.
Сковала грудь мою, какъ ледъ,
Уже темничная зараза;
Холодный узникъ отдаетъ
Тебѣ сей лавръ, пѣвецъ Кавказа!
Грянь по струнамъ, — и Аполлонъ,
Оставя берегъ Альбіона,
Тебя, о юный Амфіонъ,
Украситъ лаврами Байрона!
Оставь другимъ пѣвцамъ любовь —
Любовь ли пѣть, гдѣ брыжжетъ кровь,
Гдѣ племя чуждое, съ улыбкой,
Терзаетъ насъ кровавой пыткой;
Гдѣ слово, мысль, невольный взоръ
Влекутъ, какъ явный заговоръ,
Какъ преступленіе, на плаху,
И гдѣ народъ, подвластный страху,
Не смѣетъ шопотомъ роптать?
Пора, друзья, пора воззвать
Изъ мрака въ вѣкъ прошедшей славы,
Народовъ древнихъ вспомнить нравы
И тѣ священны времена,
Когда гремѣло наше вѣче
И сокрушало издалече
Царямъ кичливымъ рамена.....

Вл. Каллашъ.

Замѣтка о Пушкинѣ изъ дневника Е. С. Телепневой 1827—28 гг.

Предлагаемая замѣтка о Пушкинѣ извлечена мною изъ рукописи, принадлежащей И. Н. Михайловскому въ г. Нѣжинѣ и носящей названіе: „Ежедневныя записки Русской путешественницы въ 1827 — 28 гг.“.

Записки эти состоятъ изъ 5 частей, каждая въ отдѣльной тетради, въ 4 д. листа. На заглавномъ листѣ первой части карандашомъ сдѣлана надпись: „Телепневой мнѣ отъ нея присланной на память. Н. Клемент.“ (слѣдуетъ росчеркъ). Записки писаны мужскою рукою; разговоры на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а также слова и фразы на этихъ языкахъ — вписаны другою рукою, повидимому, женскою. Авторъ Записокъ въ разныхъ мѣстахъ сообщаетъ немногое о себѣ. Имя автора — Елена (II, 21 об.), отецъ ея назывался Сергѣй Стахѣевичъ (II, 21), мать—Александра Васильевна (тамъ же); отецъ Телепневой служилъ въ Петербургѣ (II, 93 об.), гдѣ Телепнева начала свое образованіе (III, 38). Изъ Петербурга родители Телепневой переѣхали въ деревню Саратовской губ. (II, 74), гдѣ провели 7 лѣтъ (I, 86).

Изъ деревни, когда автору Записокъ исполнилось 18 лѣтъ (тамъ же), Телепневы съ дочерью поѣхали за границу. Цѣлью ихъ поѣздки былъ Карлсбадъ, куда врачи направили отца автора Записокъ. Телепнева начала вести свой дневникъ по совѣту отца (I, 17). Излагая свои заграничныя впечатлѣнія, Телепнева подробно передаетъ, какъ она и родители ея представлены были въ Карлсбадѣ великой княгинѣ Маріи Павловнѣ. По приглашенію великой княгини Телепневы проѣхали въ Веймаръ, гдѣ были приняты при великогерцогскомъ дворѣ. Телепнева записала свои бесѣды и родителей ея съ великою княгинею, которая была недовольна поѣздками русскихъ въ Парижъ: вліяніемъ Франціи великая княгиня объясняла 14-е декабря 1825 г. (IV, 13 об.).

Изъ Записокъ Телепневой видно, что она не имѣла влеченія къ свѣтской жизни, любила знаніе и продолжала свое образованіе за-границею.

Къ послѣдней части Записокъ Телепневой приложено стихотвореніе, посвященное памяти ея, и замѣтка о смерти ея за границею.

Можно думать, что мать Телепневой собрала дневныя записки своей умершей дочери, поручила ихъ переписать и сама вписала разговоры на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Предлагаемое извѣстіе о Пушкинѣ изъ дневника Телепневой записано было ею въ Москвѣ, на пути изъ деревни за границу.

Проф. М. Г. Халанскій высказалъ мнѣ предположеніе, что Телепнева, въ своей замѣткѣ о Пушкинѣ, говоритъ о сестрахъ Ушаковыхъ. Семейство Ушаковыхъ состояло изъ отца, матери, двухъ дочерей — Екатерины и Елизаветы — и трехъ сыновей и занимало довольно видное положеніе въ Московскомъ большомъ свѣтѣ. Въ домѣ Ушаковыхъ Пушкинъ сталъ бывать съ зимы 1826 — 27 гг. и

вскорѣ сдѣлался тамъ своимъ человѣкомъ. Обѣ Ушаковы были красавицы, и къ старшей—Екатеринѣ—Пушкинъ питалъ, по словамъ племянника ея, Н. С. Киселева, нѣжное чувство. Ушаковы имѣли альбомы, въ нихъ вписывалъ Пушкинъ стихи, набрасывалъ рисунки и каррикатуры. Альбомъ младшей дочери, Елизаветы, сохранился съ рисунками Пушкина; альбомы старшей, по свидѣтельству Н. С. Киселева, „сожжены ея мужемъ Д. М. Наумовымъ, ревность котораго не пощадила этого драгоцѣннаго собранія“ [1]).

„Среда, 22 іюня 1827 г. Москва.

„Вчерась мы обѣдали у N****, а сегодня ожидаемъ ихъ къ себѣ; чѣмъ чаще я съ ними вижусь, тѣмъ болѣе онѣ мнѣ нравятся! Меньшая очень, очень хорошенькая, а старшая чрезвычайно интересуетъ меня, потому что, повидимому, нашъ поэтъ, нашъ знаменитый Пушкинъ намѣренъ вручить ей судьбу жизни своей, ибо уже положилъ оружіе свое у ногъ ея, то-есть, сказать просто, влюбленъ въ нее. Это общая молва, а гласъ народа — гласъ Божій. Еще не видавши ихъ, я слышала, что Пушкинъ во все пребываніе свое въ Москвѣ только и занимался, что N****: на балахъ, на гуляньяхъ онъ говорилъ только съ нею, а когда случалось, что въ собраніи N**** нѣтъ, то Пушкинъ сидитъ цѣлый вечеръ въ углу задумавшись, и ничто уже не въ силахъ развлечь его!... Знакомство же съ ними удостовѣрило меня въ справедливости сихъ слуховъ. Въ ихъ домѣ все напоминаетъ о Пушкинѣ: на столѣ найдете его сочиненія, между нотами—„Черную шаль“ и „Цыганскую пѣсню“, на фортопіанахъ—его „Талисманъ“ и „Копѣечку“ [?], въ альбомѣ — нѣсколько листочковъ картинъ, стиховъ и каррикатуръ, а на языкѣ

1) Л. Майковъ. „Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки“, С.-Пб. 1899, стр. 355 — 377.

безпрестанно вертится имя Пушкина. Признаюсь, я отмѣнно сожалѣю, что его теперь нѣтъ въ Москвѣ! Видѣть картину, водопадъ, обломки барельефа — любопытно, видѣть генія — есть счастье, свыше ниспосланное, но нѣкоторымъ лишь дано судьбою умѣть цѣнить это счастье!" („Ежедневныя записки Русской путешественницы въ 1827 — 28 гг.", ч. I, лл. 40 — 41).

В. Савва.

Часть „Ежедневныхъ записокъ Русской путешественницы въ 1827 и 1828 годахъ" была напечатана въ „Сынѣ Отечества" 1831 г. (ч. 139, стр. 3 — 17, 65 — 77, 121 — 138, 241 — 256 и 309 — 334, ч. 142, стр. 197 — 213 и 261 — 281 и ч. 143, стр. 3 — 21) и сопровождалась слѣдующей замѣткой Н. И. Греча: „Начинаемъ нынѣшній годъ Сына Отечества статьею, по справедливости достойною вниманія отечественной публики. Записки Русской путешественницы сочинены дѣвицею Еленою Сергѣевною Т-вою, скончавшеюся въ Прагѣ 18-го Августа 1828 г. Она отправилась въ 1827 году въ чужіе краи съ родителями своими, ѣхавшими туда для поправленія здоровья. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года она занемогла и скончалась на 20 году отъ рожденія. Смерть ея поразила родителей печалію невыразимою, безконечною и въ чужихъ людяхъ, успѣвшихъ съ нею познакомиться, возбудила чувство живѣйшаго сожалѣнія. Знаменитый Славянскій Филологъ Ганка сочинилъ Богемскіе стихи на преждевременную ея кончину [1]). Неутѣшные родители, предавъ чуждой землѣ драгоцѣнные останки, возвратились въ отечество". Далѣе Гречъ говоритъ, что особы, читавшія Записки, убѣдили родителей опубликовать ихъ, и что онѣ печатаются „какъ онѣ были писаны, безъ малѣйшихъ поправокъ въ слогѣ. Исключены однѣ домашнія подробности, неважныя для публики". Однако, при сличеніи любопытнаго мѣста записокъ, которое приводитъ г. Савва, съ тѣмъ, что напечатано въ „Сынѣ Отечества", оказывается, что Гречъ выпустилъ не „однѣ домашнія подробности": такъ, о посѣщеніи Ушаковыхъ находимъ здѣсь только слѣдующее: „Вчера обѣдали мы у Н. Въ этомъ домѣ коротко знакомъ нашъ великій поэтъ А. С. П. — Жаль, что его теперь нѣтъ въ Москвѣ, а въ этомъ домѣ я, конечно, могла бы его увидѣть. Видѣть картину, водопадъ, обломки барельефа — любопытно; видѣть генія — есть счастье, свыше ниспосланное; но нѣкоторымъ лишь дано судьбою умѣть цѣнить это счастье. Я видѣла мель-

---

1) Эти стихи Ганки: „Цвѣтокъ на гробъ Елены Сергѣевны Т...вой, скончавшейся въ Прагѣ 18 Августа 1828" приведены въ переводѣ въ той же 139 части „Сына Отечества", на стр. 51 — 52.

комъ Княгиню Зинаиду Волконскую и считаю это за величайшую благосклонность судьбы“ (ч. 139, стр. 134 — 135). Какъ видимъ, всѣ любопытныя подробности, касающіяся отношеній Пушкина къ семьѣ Ушаковыхъ, Гречемъ выброшены. — На стр. 124—126-й той же части „Сына Отечества“ находимъ еще одно мѣсто Записокъ, относящееся, несомнѣнно, также къ Ушаковымъ: „Вчера, пишетъ Телепнева, мы обѣдали у С. А. Z-вой [1]), старинной пріятельницы маменькиной. У ней большое семейство: пять человѣкъ дѣтей; сынъ служитъ офицеромъ въ какомъ-то гусарскомъ полку; двѣ дочери считаются въ числѣ Московскихъ красавицъ. Онѣ мнѣ понравились, особливо, когда я съ ними ознакомилась. Сначала онѣ обошлись довольно сухо, гордясь, можетъ быть, своею красотой; по этому и я была очень холодна, но послѣ обѣда мы пошли въ садъ, разговорились про наше путешествіе; онѣ желали ѣхать въ Италію, а я говорила съ восхищеніемъ про Францію, про Лондонъ, про Англичанъ .... Потомъ возвратились мы въ горницу, сѣли подъ окошкомъ, стали говорить про Москву, про зимнія увеселенія, про коронацію, про красавицъ Московскихъ, про разныя гулянья, про Прѣсненскіе Пруды, на которыхъ былъ въ тотъ день большой съѣздъ. Тутъ услышали мы музыку. Онѣ предложили мнѣ ѣхать на ихъ гулянье, — такъ называютъ онѣ Прѣсненскіе Пруды, ибо этотъ садъ недалеко отъ нихъ. Входимъ. Садъ былъ наполненъ гуляющими, tout le beau monde de Moscou. Дамы, въ прахъ разряженныя, мужчины, по большей части въ черныхъ фракахъ; военныхъ очень мало. Подходимъ къ кофейному дому; предъ нимъ сдѣланы въ нѣсколько рядовъ скамьи, и наши хозяйки, вмѣсто того, чтобъ идти далѣе, усѣлись тутъ, взяли лорнеты и стали разсматривать какъ гуляющихъ, такъ и сидящихъ. Мнѣ показалось скучно сидѣть на одномъ мѣстѣ и глядѣть на особъ, которыя, будучи мнѣ незнакомы, нисколько меня не интересовали и казались выпускными куклами, ибо, не говоря ни слова, кивали другъ другу головами. Итакъ, простившись съ новыми пріятельницами, мы отправились домой“. — Въ запискахъ, подъ 30-мъ мая 1827 г., занесены слѣдующія строки о свиданіи, въ Тамбовѣ, съ Баратынскимъ: „Сейчасъ у насъ былъ Е. А. Б. Какъ мнѣ пріятно было его видѣть! Онъ Сочинитель, я его знала еще маленькая. Онъ много претерпѣлъ непріятностей, даже, можно назвать, несчастій. Мать его препочтенная женщина. Прежде маменька была съ ней знакома; но несчастіе сына такъ ее убило, что она никуда не выѣзжаетъ. Сестры его, говорятъ, тоже премилыя дѣвушки. Они всѣ теперь проѣздомъ здѣсь и остановились въ томъ же самомъ трактирѣ, гдѣ мы“. —

Отецъ Е. С. Телепневой (родившейся 25-го мая 1809 г.), Сергѣй Стахѣевичъ, былъ сыномъ генералъ-лейтенанта Стахѣя Никитича и жены его Анны Сергѣевны (ум. въ 1831 г.; кн. П. И. Шаликовъ посвятилъ ей посланіе — см. „Сочиненія“ его, изд. 1819 г., ч. II, стр. 49), въ молодости былъ принятъ „какъ родной“ въ домѣ графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, затѣмъ служилъ въ Петербургѣ до чина колл. совѣтника, вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи — Молчановкѣ, Саратовской губер-

---

1) Ушакову - мать звали Софья Андреевна.

ніи. Объ отъѣздѣ его за-границу съ женой—Александрой Васильевной, и дочерью Еленою, дѣв. Августою Людвигъ (дочерью доктора философіи) и 4 крѣпостными людьми мы нашли объявленіе въ „Моск. Вѣдом.“ 1827 г. (15-го іюня), № 48, стр. 1940. Замѣтка Телепневой о Пушкинѣ весьма любопытна по нѣкоторымъ подробностямъ, рисующимъ отношенія поэта къ семейству Ушаковыхъ.

Б. М-ій.

Пушкинъ и Радищевъ.

Въ своемъ „Путешествіи“, въ главѣ „Софія“, Радищевъ высказываетъ замѣчательно вѣрное мнѣніе о характерѣ русскихъ народныхъ напѣвовъ. Это мнѣніе неоднократно повторялось Пушкинымъ.

Радищевъ:

„Лошади меня мчатъ; извощикъ мой затянулъ пѣсню по обыкновенію заунывную. Кто знаетъ голоса русскихъ народныхъ пѣсенъ, тотъ признается, что есть въ нихъ нѣчто скорбь душевную означающее. Всѣ почти голоса таковыхъ пѣсенъ суть тону мягкаго“.

Пушкинъ:

„Фигурно иль буквально: всей семьей,
Отъ ямщика до перваго поэта,
Мы всѣ поемъ уныло. Грустный вой
Пѣснь русская. Извѣстная примѣта!
Начавъ за здравіе, за упокой
Сведемъ какъ разъ. Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ музъ, и дѣвъ,
Но нравится ихъ жалобный напѣвъ!“

Домикъ въ Коломнѣ, стр. XXIX.

„Вообще, несчастіе жизни семейственной есть отличительная черта въ нравахъ русскаго народа. Шлюсь на русскія пѣсни: обыкновенное ихъ содержаніе — или жалобы красавицы, выданной замужъ насильно, или упреки

молодого мужа постылой женѣ. Свадебныя пѣсни наши унылы, какъ вой похоронный".

„*Мысли на дорогѣ*, IV, Черная Грязь".

Извѣстно, какъ поучительно оказалось для Пушкина мнѣніе Радищева о Тредьяковскомъ[1]), который въ стихотвореніяхъ, написанныхъ въ молодые годы, служилъ для нашего поэта исключительно предметомъ порицанія и насмѣшекъ. Въ статьѣ „Мысли на дорогѣ" Пушкинъ уже признаетъ достоинства и заслуги Тредьяковскаго. Очевидно, въ мнѣніяхъ его въ этомъ отношеніи произошолъ полный переворотъ. О „Телемахидѣ" онъ отзывается выраженіемъ, очень близкимъ къ выраженію Радищева.

Радищевъ:

„Въ Телемахидѣ найдутся добрые стихи и будутъ въ примѣръ поставляемы" („Путешествіе"... С.-Пб. 1905, стр. 196).

Пушкинъ:

„Въ Телемахидѣ находится много хорошихъ стиховъ и счастливыхъ оборотовъ. Дельвигъ приводилъ часто слѣдующій стихъ въ примѣръ прекраснаго гекзаметра:

Корабль Одиссеевъ,
Бѣгомъ волны дѣля, изъ очей ушелъ и сокрылся".

(„Мысли на дорогѣ, III, Ломоносовъ").

Между тѣмъ, вотъ какъ, напр., раньше отзывался Пушкинъ о Тредьяковскомъ:

Желѣзное перо скрипитъ въ его перстахъ
И тянетъ за собой гекзаметры сухіе,
Спондеи жесткіе и дактили тугіе...

(„*Къ Жуковскому*").

Мы не вдадимся въ дальнѣйшее сравненіе взглядовъ Пушкина и Радищева (что было бы трудомъ не без-

1) См. *В. Е. Якушкинъ*. Радищевъ и Пушкинъ. М. 1886, стр. 23.

плоднымъ): наша цѣль была лишь обратить вниманіе на мелочи, которыя рѣзко бросаются въ глаза.

В. Чернышевъ.

4. I. 06.

Пѣсня Варлаама.

Немногимъ извѣстна пѣсня:

„Какъ во городѣ было во Казáни,
Молодой чернецъ постригся"...—

которую поетъ Варлаамъ въ „Борисѣ Годуновѣ", въ сценѣ: „Корчма на Литовской границѣ". Да трудно ее и найти. Это „монашеская", „чернеческая" пѣсня, а собранія такихъ пѣсенъ у насъ не имѣется. Поэтому данную пѣсню мы не отыщемъ ни у Соболевскаго въ „Великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ", ни у Шейна, предполагавшаго печатать „чернеческія" пѣсни во II томѣ своего „Великорусса", до изданія котораго онъ не дожилъ.

Даже въ оперѣ Мусоргскаго „Борисъ Годуновъ", составленной, какъ заявлено композиторомъ, „по Пушкину и Карамзину", въ уста Варлаама вложена пѣсня о взятіи Казани вмѣсто той народной, которую долженъ былъ имѣть въ виду Пушкинъ (См. либретто оперы, С.-Пб. 1901, стр. 16).

Предлагаемъ здѣсь два варіанта этой пѣсни: одинъ, извлеченный изъ пѣсенника Новикова 1780 года, другой по современной намъ записи во Владимирской губ.

Какъ во городѣ было во Казанѣ,
Здунинай, най, най во Казань,
Молодой чернецъ пострнгся,
Захотѣлось чернецу погуляти,
Что за тѣ ли за святыя за ворóта,
За ворóтами бесѣдушка сидѣла,
Какъ во той ли во бесѣдѣ стары бабы;

Ужъ какъ тутъ чернецъ не взглянетъ,
Чернечище клабучище принахлупилъ.
Какъ во городѣ было во Казанѣ,
Молодой чернецъ постригся,
Захотѣлось чернецу погуляти,
Что за тѣ ли за святыя за воро́та,
За воро́тами бесѣдушка сидѣла,
Какъ во той ли во бесѣдѣ молодицы;
Ужъ какъ тутъ чернецъ привзглянетъ,
Чернечище коблучища(!) приподниметъ.
Какъ во городѣ было во Казанѣ,
Молодой чернецъ постригся,
Захотѣлось чернецу погуляти,
Что за тѣ ли за святыя за воро́та,
За воро́тами бесѣдушка сидѣла,
Какъ во той ли во бесѣдѣ красны дѣвки;
Ужъ какъ тутъ чернецъ привзглянетъ,
Черночище(!) клабучища долой сброситъ,
Ты сгори моя скучная келья,
Пропади ты мое черное платье,
Ужъ какъ полно мнѣ добру молодцу спасаться
Не пора ль мнѣ добру молодцу жениться,
Что на душечкѣ на красной на дѣвицѣ.

(Новое и полное собраніе россійскихъ пѣсенъ... Ч. IV. Въ Москвѣ... у Н. Новикова, 1780, № 149).

Какъ во славномъ городѣ во Казани,
Середь ярманки на базарѣ
Тута новай монастырь заводился,
Молодой-ли чернечушка подстригся,
Онъ подстригся, подстригся, подстригался.
Захотѣлось чернечищу погуляти,
По заулкамъ, переулкамъ полытати,
Что за тѣ ли за широкіе ворота.
За воротами бесѣдушка сидѣла.
Во бесѣдѣ-то сидѣли стары бабы.
Чернечище каблучище [1]) принахлюпилъ [2]);

1) Вмѣсто: клобучище.
2) Надвинулъ на лицо.

Принахлюпилъ, принахлюпилъ,
Самъ по взглянетъ.
Какъ во славнымъ городи въ Казани....
(Далѣе повторяюся слѣдующія до этой 8 строкъ).
Во беседѣ-то сидѣли красны дѣвки.
Красны дѣвки, раскрасавицы (—).[1]
Черпечище каблучище приподыметъ,
Приподыметъ, самъ онъ взглянетъ.
Онъ пошолъ, подошолъ къ красной дѣвкѣ,
Онъ взялъ-то ее за ручку.
Онъ новелъ да новелъ въ нову келью.
Ты сгори-тко, сгори-тко, нова келья,
Изотлей-ка, черная ряса.

(По записи солдата изъ с. Константиновскаго, Александровскаго у. Владим. губ., сдѣланной для меня въ 1888 году).

Пѣсня эта „хороводная“[2]) и, очевидно, „игровая“,— т.-е., при пѣніи ея на средину круга выходитъ молодецъ, который изображаетъ дѣйствія чернеца. Главныхъ дѣйствій три: 1) при видѣ старыхъ бабъ, 2) при видѣ молодицъ, 3) при видѣ красныхъ дѣвокъ. Лучшіе варіанты этой пѣсни и содержатъ три куплета, какъ приводимый нами Новиковскій. Во второмъ варіантѣ не достаетъ второго куплета[3]).

Удалая пѣсня о монахѣ — любителѣ гулять съ красными дѣвками, конечно, гораздо болѣе идетъ къ Пушкинскому Варлааму, чѣмъ героическая пѣсня о взятіи Казани. Что ему Казань?

В. Чернышевъ.

4. I. 06.

---

1) Какое-то слово пропущено; м. б., „дѣвицы“.

2) Такое указаніе имѣется, напримѣръ, у *Мельникова* (Полное собраніе сочиненій. СПБ. 1897. Т. II. Стр. 326).

3) Пѣсня эта живетъ также и въ Нижегородской губ., гдѣ она записана, вмѣстѣ съ напѣвомъ, для Пѣсенной Коммиссіи И. Р. Географическаго Общества, О. И. Покровскимъ и покойнымъ Н. В. Некрасовымъ.

Замѣтки о знакахъ препинанія у Пушкина.

Покойный профессоръ Новороссійскаго Университета А. И. Маркевичъ въ „Пушкинскихъ“ замѣткахъ позволяетъ себѣ сомнѣваться въ томъ, „правильно ли размѣщаются обычно знаки препинанія въ извѣстномъ разсказѣ Григорія („Борисъ Годуновъ“, Келья въ Чудовомъ монастырѣ) о его снѣ“. Хотя знаки здѣсь разставлены точно такъ же, какъ „и въ томъ изданіи „Бориса Годунова“, которое вышло еще при жизни Пушкина“, но смыслъ текста заставляетъ автора замѣтки находить ошибку у Пушкина, которую и предлагается исправить.

Именно, теперь печатается:

Григорій.

...Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ, и т. д.

А. И. Маркевичъ предлагаетъ иную разстановку знаковъ, при которой, по его мнѣнію, „получается образъ, гораздо болѣе естественный:“

............съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва; что муравейникъ,
Внизу народъ на площади кипѣлъ, и т. д.

(*Пушкинъ и его современники.* Выпускъ III. С.-Пб. 1905. Стр. 105—106).

Не можемъ признать въ данномъ случаѣ поправку общепринятаго чтенія удачной. Всѣ читаютъ: „видѣлась Москва, что муравейникъ“. Москва — городъ, дома, постройки, которые многочисленны, часты, лѣпятся другъ къ другу. Они, будучи наполнены массой движущагося народа, сравниваются съ муравейникомъ, оживленнымъ жилищемъ муравьевъ.

А. И. Маркевичъ предлагаетъ читать: „что муравейникъ, внизу народъ на площади кипѣлъ“, гдѣ получается сравненіе народа съ муравейникомъ. Такое сравненіе будетъ грѣшить своею неестественностью. Народъ, толпу можно сравнивать только съ муравьями, но не съ кучей, представляющей ихъ городъ.

Изъ современныхъ писателей подобное мѣсто мы находимъ у Мамина-Сибиряка: „Скоро весь *мысокъ* (лѣса) запестрѣлъ дѣтьми, *какъ муравейникъ*“. Оно говоритъ противъ предлагаемой поправки.

Въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1827 г., ч. I, стр. 5, находимъ знакъ препинанія (двоеточіе), тоже не оправдывающій поправку:

Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ:
Внизу народъ на площади кипѣлъ...

Въ варіантахъ даннаго мѣста, напечатанныхъ у П. А. Ефремова (Соч. А. С. Пушкина, СПб., 1905. VIII. 407), мы видимъ послѣ слова „муравейникъ“ даже точку, поставленную, вѣроятно, не безъ фактическихъ основаній:

И видѣлъ я Москву, какъ муравейникъ.
Народъ, шумя, на площади кипѣлъ...

Но въ замѣчаніяхъ покойнаго профессора вѣрно то, что самъ поэтъ не всегда хорошо разставлялъ знаки препинанія, и въ современныхъ ему печатныхъ текстахъ его сочиненій кое-гдѣ можно бы было предложить лучшее чтеніе.

Приведемъ нѣсколько любопытныхъ образцовъ того, какъ разставлены иногда знаки въ „Борисѣ Годуновѣ“. по Петербургскому изданію 1831 года.

Старикъ сидитъ, да пишетъ (15 стр.).

Велѣно всѣхъ задерживать, да осматривать (34 стр.).

Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда въ три дни трехъ полушекъ не вымолишь (38 стр.).

Во время чтенія, Григорій стоитъ, потупя голову, съ рукою за пазухой (43 стр.).

Въ современномъ Пушкину изданіи „Кавказскаго Плѣнника“ встрѣчается, напр., такое мѣсто, которое, относительно поставленнаго знака, вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе:

Но мощный конь его — стрѣлой
На берегъ пѣнистый выноситъ.

(*Кавказскій Плѣнникъ*, повѣсть. Соч. А. Пушкина. С.-Пб. 1822. Стр. 22).

Также необычна пунктуація и здѣсь: Уста, безъ словъ, роптали пѣни (Кавк. пл. 35)[1]).

Впрочемъ, издатели сочиненій Пушкина должны обвиняться не въ томъ, что они не исправили кое-какихъ неудачныхъ въ отношеніи пунктуаціи мѣстъ Пушкинскаго текста, но въ томъ, что они производили сплошь и рядомъ исправленія неосторожныя и неудачныя, обнаруживая собственную небрежность, непониманіе Пушкинскаго текста, плохое значеніе правилъ современной и старой, временъ Пушкина, пунктуаціи.

---

1) Конечно, неудачность Пушкинской пунктуаціи во многихъ случаяхъ является лишь кажущеюся. Несомнѣнно, что его знаки препинанія часто обозначаютъ не только раздѣленіе синтактическихъ частей, какъ это принято въ нашемъ письмѣ, но также паузы и интонацію живой рѣчи. Въ этомъ отношеніи пунктуація Пушкина даетъ чрезвычайно важныя показанія особенностей русскаго произношенія и пріемовъ наиболѣе выразительнаго чтенія даннаго текста. Съ этихъ точекъ зрѣнія пунктуація Пушкина нуждается не въ исправленіи, а въ самомъ внимательномъ изученіи.

Такъ, въ Морозовскомъ изданіи 1887 восклицательныя и вопросительныя фразы Пушкина передѣланы, вслѣдствіе перемѣны знаковъ, на повѣствовательныя въ слѣдующихъ примѣрахъ:

. . . Кто просилъ тебя писать на меня доносы? развѣ ты приставленъ ко мнѣ въ шпіоны?

— „Я? писалъ на тебя доносы?" — отвѣчалъ Савельичъ со слезами... (*Современникъ* 1836 г., № 4, стр. 98).

Здѣсь г. Морозовъ (IV. 212) пропустилъ знакъ вопроса послѣ слова „Я"; можетъ быть, счелъ его ошибкой?

Я тебя, стараго пса! пошлю свиней пасти за утайку правды и потворство къ молодому человѣку. (Та же страница).

У Морозова вмѣсто восклицательнаго знака — запятая (IV. 212).

Не приведи Богъ видѣть Русскій бунтъ безсмысленный и безпощадный! (*Современникъ* 1836 г., № 4, стр. 196).

У Морозова на концѣ фразы просто точка (IV. 264).

Въ этихъ случаяхъ испорчены и смыслъ, и выразительность Пушкинскаго текста.

Во многихъ случаяхъ издатели ставятъ неправильно свои запятыя, когда ихъ нѣтъ у Пушкина, или уничтожаютъ поставленныя имъ безусловно вѣрныя запятыя. Напримѣръ, въ *Современникѣ* 1836 г., № 4, стр. 115 [1]):

Комендантъ Нижнеозерной крѣпости, тихій и скромный молодой человѣкъ, былъ мнѣ знакомъ...

Участь Марьи Ивановны живо представилась мнѣ, и сердце у меня такъ и замерло.

У Морозова почему-то уничтожены необходимыя запятыя послѣ словъ „человѣкъ" и „мнѣ". (IV. 221). Это могло быть простымъ недосмотромъ. Гораздо хуже поправки въ родѣ слѣдующихъ:

---

1) Въ текстѣ опечатка: вмѣсто 115 стоитъ 151.

Назвать его въ глаза обманщикомъ — было подвергнуть себя погибели. (*Современникъ* 1836 г., № 4, стр. 137).

У Морозова тире стоитъ послѣ „было“.

Я переплылъ его [желѣзосѣрный источникъ] два раза и вдругъ, почувствовавъ головокруженіе и тошноту, едва имѣлъ силу выдти на каменный край источника. (*Современникъ* 1836 г., № 1, стр. 69).

Въ изданіи Морозова запятая поставлена передъ „вдругъ“, при чемъ измѣнились отношенія словъ и смыслъ фразъ. Пушкинъ говоритъ, что онъ „вдругъ“ потерялъ силу, а по передѣлкѣ издателя выходитъ, что Пушкинъ „вдругъ“ почувствовалъ головокруженіе. Или издателю лучше было извѣстно, что̀ именно „вдругъ“ почувствовалъ Пушкинъ: слабость или головокруженіе?

Пунктуація — дополненіе языка, и знаками препинанія авторъ выражаетъ оттѣнки мысли, не выраженные словами. Въ этомъ отношеніи Пушкинскіе тексты оказываются гораздо болѣе правильными и содержательными, чѣмъ увѣряютъ редакторы, кромсавшіе ихъ собственной произвольной разстановкой знаковъ препинанія.

У насъ есть примѣръ, который довольно хорошо показываетъ, какъ легко иногда не понять и счесть ошибкой знаки препинанія, поставленные съ большимъ изяществомъ. Это—мѣсто „Капитанской дочки“, гдѣ отецъ, благословляя Марью Ивановну и прощаясь съ ней передъ сраженіемъ, говоритъ небольшую рѣчь, конецъ которой и фразу послѣ него мы приведемъ въ ороографіи *Современника* (1836 г., № 4, стр. 122):

. . .„Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же ее поскорѣе“. (Маша кинулась ему на шею, и зарыдала).

На первый взглядъ скобки здѣсь кажутся лишними. Въ изданіи Морозова онѣ, дѣйствительно, выброшены; опущена и запятая полѣ слова „шею“ (IV. 225). Порядокъ,

повидимому, возстановленъ; ороографія стала проще и не заставляетъ задумываться надъ собою. Зато затемнился смыслъ данаго мѣста; у него отнято то толкованіе, которое сообщилъ ему Пушкинъ своей пунктуаціей.

По Морозову выходитъ, что Мироновъ договорилъ свою рѣчь до конца; послѣ послѣдняго слова „Маша кинулась ему на шею“. Но если бы это было такъ, то почему отецъ говоритъ Василисѣ Егоровнѣ, чтобы она „увела“ Машу? Очевидно, Маша бросилась на шею отцу раньше, чѣмъ были произнесены послѣднія его слова, и это заставило его просить ее увести. Такимъ образомъ, предложеніе, поставленное въ скобкахъ, имѣетъ, въ самомъ дѣлѣ, характеръ вводнаго. Оно не изложеніе послѣдовательныхъ событій, но замѣчаніе, объясненіе того, чѣмъ вызвана предыдущая фраза.

Что касается до уничтоженной здѣсь запятой, то, мы думаемъ, она поставлена Пушкинымъ не по ошибкѣ, но для раздѣленія дѣйствій, изъ которыхъ второе слѣдовало не тотчасъ за первымъ, но съ нѣкоторымъ промежуткомъ. „Кинулась на шею и (тотчасъ) зарыдала“ — вульгарное толкованіе фразы, которое не допускается Пушкинымъ. Онъ ставитъ запятую, которая показываетъ внимательному читателю, что между двумя дѣйствіями былъ моментъ ожиданія, не выраженный внѣшними проявленіями, но наполненный внутренней борьбой нѣжной и сдержанной Марьи Ивановны съ тѣми чувствами, которыя были не у мѣста и могли встревожить болѣе твердыхъ по характеру родителей. „Она нѣкоторое время сдерживалась, крѣпилась—и все таки зарыдала“. Вотъ какъ мы выразили бы тотъ смыслъ фразы, который придается ей Пушкинской запятою. По принятой теперь пунктуаціи эту фразу нужно бы было напечатать съ тире вмѣсто запятой, но никакъ не ограничиваться уничтоженіемъ запятой.

П. А. Ефремовъ въ своихъ изданіяхъ Пушкина болѣе

осторожень и болѣе внимателенъ къ текстамъ, напечатаннымъ при жизни поэта, но тоже нерѣдко допускаетъ неудачныя поправки въ знакахъ препинанія.

Такъ, въ „Исторіи Пугачевскаго бунта", которая печаталась подъ наблюденіемъ самого Пушкина, усердно прочитавшаго всѣ корректуры, мы можемъ указать нѣсколько дурныхъ поправокъ, допущенныхъ въ послѣднемъ изданіи Ефремова:

Произошелъ мятежъ, и половина отряда тутъ же передалась на сторону самозванца (20 стр. 1-го изданія).

. . .Комендантомъ Нижне-Озерной, Маіоромъ Харловымъ (25 стр).

Сверхъ сего, Рейнсдорпъ... приказалъ исправить городскія укрѣпленія... (29 стр.)

Здѣсь у Ефремова уничтожены во всѣхъ примѣрахъ запятыя Пушкинскаго текста, поставленныя совершенно правильно. И подобныхъ случаевъ можно указать немало.

Издатель разсматриваемаго текста Пушкина также систематически уничтожаетъ запятыя въ слитныхъ предложеніяхъ предъ союзомъ *и*, которыя нерѣдко встрѣчаются у Пушкина и, при извѣстныхъ оттѣнкахъ смысла и строенія рѣчи, вполнѣ допускаются современнымъ правописаніемъ. Сюда относятся примѣры, подобные слѣдующимъ:

Казаки связали его, и приняли Пугачова съ колокольнымъ звономъ и съ хлѣбомъ-солью (21 стр. 1-го изданія).

Пугачевъ пораженъ былъ ея красотою, и взялъ несчастную къ себѣ въ наложницы (27).

Подлинный Пушкинскій текстъ, печатный или письменный, — драгоцѣнность искусства и науки. Изданіе его требуетъ величайшаго вниманія и осторожности, но издатели, къ сожалѣнію, допускаютъ въ немъ слишкомъ много орѳографической ломки или даже просто порчи.

Къ чему исправлять то, что хорошо?

У Пушкина находимъ:

[Велѣно было] собраться, какъ можно скорѣе, и въ числѣ тысячи человѣкъ идти навстрѣчу Наумову (*Исторія Пугачевскаго бунта*, стр. 24).

У Ефремова:

... собраться какъ можно скорѣе и, въ числѣ тысячи человѣкъ, идти на встрѣчу Наумову (стр. 167).

Чѣмъ это лучше?

Это — практика редактора. Теоретически П. А. Ефремовъ признаетъ за собой весьма опасное для издаваемыхъ авторовъ право устанавливать лучшія чтенія, перемѣщая по-своему знаки препинанія, не руководствуясь даже филологической критикой текста[1]).

---

[1]) Это высказано имъ въ примѣчаніи къ стихотворенію Пушкина „Блаженство“ (*Сочиненія А. С. Пушкина*, т. VIII. 1905 г.. стр. 13). Допуская въ своемъ изданіи, вслѣдъ за г. В. Брюсовымъ, исправленіе Пушкинскаго текста, печатающагося при жизни поэта:

(Богъ лѣсовъ)
Слушалъ пѣсенки ночной,
Въ ладъ качая головой—

на довольно неуклюжее по расположенію словъ:

(Богъ лѣсовъ)
Слушалъ, пѣсенки ночной
Въ ладъ качая головой—

г. Ефремовъ упрекаетъ академическое изданіе Пушкина за то, что оно не приняло произвольную поправку г. Брюсова, но дало филологическое объясненіе установившемуся тексту. „Стоило только — говоритъ онъ — передвинуть запятую на два слова назадъ, и не пришлось бы оправдывать Державинымъ оборотъ *нико да* и *нидь* у Пушкина не встрѣчающійся“...

Но ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что какой-либо рѣдкій вообще оборотъ рѣчи встрѣчается у автора только одинъ разъ. Тѣмъ болѣе, что для даннаго сочетанія словъ можно найти примѣръ не только у старика Державина, но и у тогдашняго любимца читающей публики-Жуковскаго—въ прославленной „Свѣтланѣ“, которая незадолго передъ тѣмъ была напечатана въ *Вѣстникѣ Европы* (1813 г., январь, №№ 1 и 2):

Укажемъ, въ свою очередь, случай, гдѣ нужно бы исправить знакъ препинанія въ принятомъ во многихъ изданіяхъ чтеніи Пушкинскаго текста.

Печатается:

Промчалась передъ ними
Лихая тройка съ молодцомъ,
Конями, крытыми ковромъ;
Въ саняхъ онъ стоя правитъ
И гонитъ всѣхъ и давитъ.

(*Сочиненія А. С. Пушкина.* Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ... Т. III. С.-Пб. 1887. Стр. 97).

Въ первомъ предложеніи получается неловкое по смыслу сочетаніе: „промчалась тройка... съ... конями", а во второмъ чувствуется недостатокъ дополненія при глаголѣ „правитъ".

При слѣдующей разстановкѣ знаковъ получается лучшее чтеніе:

Промчалась передъ ними
Лихая тройка съ молодцомъ;
Конями, крытыми ковромъ,
Въ саняхъ онъ стоя правитъ
И гонитъ всѣхъ, и давитъ.

Что, подруженька, съ тобой?
Вымолви словечко,
Слушай пѣсни круговой,
Вынь себѣ колечко.

„Пушкинъ—говоритъ Л. Н. Майковъ со словъ его современника — обладалъ удивительною способностью запоминать стихи любимаго имъ Жуковскаго; такъ, авторъ „Свѣтланы" прочелъ ему свою балладу „Ахиллъ" немедленно послѣ созданія ея, и знаменитый слушатель тотчасъ же вслѣдъ за нимъ повторилъ ее всю, почти безъ ошибокъ" (*Библіографическія Записки* 1858 г., № 7).

Естественнѣе читать не „тройка съ конями“, но „тройка съ молодцомъ, (который) правитъ конями“.[1])

В. Чернышевъ.

3. I. 06.

---

[1]) Въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1827 года, № 13, это мѣсто, оказывается, напечатано такъ:

Промчалась передъ ними
Лихая тройка съ молодцомъ.
Конями, крытыми ковромъ,
Въ саняхъ онъ стоя правитъ,
И гонитъ всѣхъ и давитъ.

Дельвигъ и Пушкинъ.

Письмо А. П. Марковой-Виноградской (Кернъ) къ П. В. Анненкову[1]).

Вы не можете себѣ представить, какъ баронъ Дельвигъ былъ любезенъ и пріятенъ, особенно въ семейномъ кружкѣ, гдѣ я имѣла счастіе его часто видѣть. Вспоминая анекдотъ о Пушкинѣ, гдѣ Александръ Сергѣевичъ сказалъ Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой, въ отвѣтъ на

---

1) Настоящая статья Анны Петровны Кернъ (Марковой-Виноградской) вошла почти цѣликомъ въ тѣ воспоминанія ея, которыя были напечатаны въ „Семейныхъ Вечерахъ" (Старшій возрастъ) 1864 г., № 10, стр. 679 — 683 (съ заглавіемъ „Отрывокъ изъ записокъ. Воспоминанія о Пушкинѣ, Дельвигѣ и Глинкѣ"), откуда, въ извлеченіяхъ, перепечатаны въ статьѣ Л. Н. Майкова: „Воспоминанія А. П. Марковой-Виноградской (Кернъ)", вошедшей въ его книгу „Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки", С.-Пб. 1899 (см. стр. 258 — 265). Здѣсь статья перепечатывается по *черновой* рукописи, писанной подъ диктовку автора, и доставленной мнѣ, при посредствѣ Н. Д. Романова, внучкою Анны Петровны—Аглаею Александровною Кулжинской, — среди нѣкоторыхъ другихъ матеріаловъ. Эта рукопись заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя подробности, не вошедшія въ „Семейные Вечера", а также *три неизвѣстныхъ донынѣ записочки Пушкина къ А. П. Кернъ.*

Портретъ А. П. Кернъ (миніатюра), впервые здѣсь воспроизводимый, писанъ въ началѣ 1840-хъ гг., когда Анна Петровна была уже женою А. В. Маркова-Виноградскаго; онъ доставленъ былъ также А. А. Кулжинской и нынѣ пожертвованъ ею въ Пушкинскій Домъ. Силуэтъ сдѣланъ въ 1825 году, о чемъ свидѣтельствуетъ надпись на оборотѣ, сдѣланная рукою Алексѣя Николаевича Вульфа; онъ воспроизводится также впервые.

Б. Модзалевскій.

Анна Петровна Кернъ
въ 1825 г.

Анна Петровна Кернъ
въ 1840-хъ гг.

критику элегіи „Ахъ тетушка! Ахъ Анна Львовна!“: „J'espère qu'il est bien permis à moi et au baron Delvig de ne pas toujours avoir de l'esprit“, — не могу не сравнить ихъ мысленно и, припоминая теперь складъ ума барона Дельвига, я нахожу, что Пушкинъ былъ не совсѣмъ правъ; нахожу, что онъ былъ такъ опрометчивъ и самонадѣянъ, что, не смотря на всю его геніальность — всѣмъ свѣтомъ признанную и неоспоримую, — онъ точно не всегда былъ благоразуменъ, а иногда даже не уменъ, — въ такомъ же смыслѣ, какъ и Фигаро восклицаетъ: „Ah! qu'ils sont bêtes les gens d'esprit!“ Дельвигъ же, могу утвердительно сказать, былъ всегда уменъ! И какъ онъ былъ любезенъ! Я не встрѣчала человѣка любезнѣе и пріятнѣе его. Онъ такъ мило шутилъ, такъ остроумно, сохраняя серьезную физіономію, смѣшилъ, что нельзя не признать въ немъ истинный великобританскій юморъ.

Гостепріимный, великодушный, деликатный, изысканный, онъ умѣлъ счастливить всѣхъ его окружающихъ. Хотя Дельвигъ не былъ геніальнымъ поэтомъ, но названіе поэтическаго существа вполнѣ можетъ соотвѣтствовать ему, какъ благороднѣйшему изъ людей.

Его поэзія, его пѣсни — мелодія поэтической души. Помните романсъ его:

Прекрасный день, счастливый день!
И солнце, и любовь?

Пушкинъ говорилъ, что онъ этотъ романсъ прочелъ и прочувствовалъ вполнѣ въ Одессѣ, куда ему его прислали. Онъ имъ восхищался съ любовію, которую питалъ къ другу-поэту. Онъ всегда съ нѣжностью говорилъ о произведеніяхъ Дельвига и Баратынскаго. Дельвигъ тоже нѣжно любилъ и Баратынскаго, и его произведенія. Тутъ кстати замѣтить, что Баратынскій не ставилъ никакихъ знаковъ препинанія, кромѣ запятыхъ, въ своихъ произ-

веденіяхъ и до того былъ недалекъ въ грамматикѣ, что однажды спросилъ у Дельвига въ серьезномъ разговорѣ: „Что ты называешь родительнымъ падежомъ?“ Баратынскій присылалъ Дельвигу свои стихи для напечатанія, а тотъ всегда поручалъ женѣ своей ихъ переписывать; а когда она спрашивала, много ли ей писать, то онъ говорилъ: „Пиши только до точки“, — точки нигдѣ не было и даже въ концѣ пьесы стояла запятая!

Мнѣ кажется, Дельвигъ былъ однимъ изъ лучшихъ, примѣчательнѣйшихъ людей своего времени и если имѣлъ недостатки, то они были недостатками эпохи и общества, въ которомъ онъ жилъ. Лучшій изъ друзей, ужъ, конечно, онъ былъ и лучшимъ изъ мужей. Я никогда его не видала скучнымъ или непріятнымъ, слабымъ или неровнымъ. Одинъ упрекъ только сознательно ему можно сдѣлать, — это за лѣнь, которая ему мѣшала работать на пользу людей. Эта же лѣнь дѣлала его удивительно снисходительнымъ къ слугамъ своимъ, которые могли быть все, что имъ было угодно: и грубыми, и пренебрежительными; онъ на нихъ рукой махнулъ, и еслибъ они вздумали на головахъ ходить, я думаю онъ бы улыбнулся и сказалъ бы свое обычное „Забавно“! Онъ такъ мило, такъ оригинально произносилъ это „забавно“, что весело вспомнить. И замѣчательно, что иногда онъ это произносилъ, когда вовсе *не было забавно*. Я съ нимъ и его женою[1]) познакомилась у Пушкиныхъ, и мы одно время жили въ одномъ домѣ; это насъ такъ сблизило, что Дельвигъ далъ мнѣ разъ (отъ лѣности произносить вполнѣ мое имя или фамилію) названіе 2-ой жены, которое за мной и осталось.

---

1) Баронъ А. А. Дельвигъ съ 30-го октября 1828 г. былъ женатъ на Софьѣ Михайловнѣ Салтыковой (р. 1809), вышедшей вторично замужъ за Сергѣя Абрамовича Баратынскаго, младшаго брата поэта. Она скончалась 4-го марта 1888 г. въ усадьбѣ Марѣ, Кирсановскаго уѣзда.

Б. М.

Вотъ какъ это случилось: мы ѣздили вмѣстѣ смотрѣть какого-то фокусника. Входя къ нему, онъ, указывая на свою жену, сказалъ: „Это жена моя“; потомъ, рекомендуя въ шутку меня и сестру мою[1]) проговорилъ: „Это вторая, а это третья“. У меня была книга (затеряна теперь), кажется, — „Стихотворенія Баратынскаго“, которыя онъ издавалъ; онъ мнѣ ее прислалъ съ надписью: „Женѣ № 2-й отъ мужа безномернаго Б. Дельвига“. Онъ очень радушно встрѣчалъ обычныхъ своихъ посѣтителей и,—всѣмъ было хорошо близъ него! On était si à son aise près de lui! on se sentait si protégé!... У меня были „Сѣверные Цвѣты“ за всѣ почти годы съ надписью Бароновой руки.

Въ Альбомѣ моемъ (сдѣланномъ для портрета Веневитинова и подаренномъ мнѣ его пріятелемъ Хомяковымъ послѣ его смерти) Дельвигъ написалъ мнѣ свои стихи къ Веневитинову: „*Дѣва и Роза*“. Я уже говорила вамъ, что въ это время я занимала маленькую квартиру во дворѣ, (въ домѣ бывшемъ Кувшинникова, тогда уже и теперь еще Алферовскаго). Въ этомъ домѣ, въ квартирѣ Дельвига, мы, вмѣстѣ съ Александромъ Сергѣевичемъ, имѣли порученія отъ его матери, Надежды Осиповны, принять и благословить образомъ и хлѣбомъ новобрачныхъ Павлищева и сестру Пушкина Ольгу. Надежда Осиповна мнѣ сказала, отпуская меня туда въ своей каретѣ: „Remplacez-moi, chère amie, ici je vous confie cette image pour bénir ma fille en mon nom“. Я съ гордостью приняла это порученіе и съ умиленіемъ его исполнила. Доро́гой Александръ Сергѣевичъ, грустный, какъ всегда бываютъ люди въ важныхъ случаяхъ жизни, сказалъ мнѣ, шутя: „Voilà pourtant la première fois que nous sommes seuls—Vous et moi“. — „Et nous avons bien froid, n'est ce pas?“ — „Oui,

---

1) Т. е. двоюродную сестру Анну Ивановну Вульфъ, извѣстную подъ именемъ Netty; она вышла впослѣдствіи за Трувеллера. *Б. М.*

Vous avez raison, il fait bien froid — 27 dégrès“, а сказавъ это, закутался въ свой плащъ, прижался въ уголъ кареты, — и ни слова больше мы не сказали до самой временной квартиры новобрачныхъ. Тамъ мы долго прождали молодыхъ, молча прогуливаясь по освѣщеннымъ комнатамъ, тоже весьма холоднымъ, отчего я, несмотря на важность лица, мною представляемаго (посаженной матери), оставалась, какъ ѣхала, — въ коцавейкѣ; и это подало поводъ Пушкину сказать, что я похожа на царицу Ольгу. Несмотря на озабоченность, Пушкинъ и въ этотъ разъ былъ очень нѣженъ, ласковъ со мною.... Я замѣтила въ этомъ и еще въ нѣсколькихъ другихъ случаяхъ, что въ немъ было до чрезвычайности развито чувство *благодарности:* самая малѣйшая услуга ему или кому-нибудь изъ его близкихъ трогала его несказанно. Такъ, я помню однажды потомъ Батюшка мой [1]), разговаривая съ нимъ на этой же квартирѣ Дельвига, коснулся этого событія, т. е. свадьбы его сестры, мною нѣжно любимой, и сказалъ ему, указывая на меня: „А эта дура въ одной рубашкѣ побѣжала туда черезъ форточку“. Въ это время Пушкинъ сидѣлъ рядомъ съ отцомъ моимъ на диванѣ, противъ меня, поджавши по своему обыкновенію ноги и ничего не отвѣчая, быстро схватилъ мою руку и крѣпко поцѣловалъ: краснорѣчивый протестъ противъ шуточнаго обвиненія сердечнаго порыва! Помню еще одну особенность въ его характерѣ, которая, думаю, была вредна ему: думаю, что онъ былъ болѣе способенъ увлечься блескомъ, заняться кокетливымъ стараніемъ ему нравиться, чѣмъ истиннымъ, глубокимъ чувствомъ любви. Это была въ немъ дань вѣку, если не ошибаюсь; иначе истолковать себѣ не умѣю! Un bon mot, la repartie vive, всегда ему нравились. Онъ

---

1) Петръ Марковичъ Полторацкій, женатый, съ 1799 г., на Екатеринѣ Ивановнѣ Вульфъ. *Б. М.*

мнѣ однажды сказалъ, — да тогда именно, когда я ему сказала, что не хорошо меня обижать, — moi qui suis si *inoffensive*; выраженіе ему понравилось, и онъ простилъ мнѣ выговоръ, повторяя: „C'est réellement cela, Vous êtes si inoffensive", и потомъ сказалъ: „Да съ вами и не весело ссориться; voilà Votre cousine[1]) c'est toute autre chose: et cela fait plaisir, on trouve à qui parler". Причина такого направленія — слишкомъ невысокое понятіе о женщинѣ: опять таки, не смотря на всю его геніальность, *печать вѣка*. Сестра моя сказала ему однажды: „Здравствуй, Бѣсъ!" Онъ ее за то назвалъ божествомъ въ очень милой запискѣ. Любезность, остроумное замѣчаніе женщины всегда способны были его развеселить. Однажды онъ пришелъ къ намъ и сидѣлъ у одного окна съ книгой, я у другого; онъ подсѣлъ ко мнѣ и началъ говорить мнѣ нѣжности à propos de bottes и просить ручку, говоря: „C'est si satin"; я ему отвѣчала „*satan*", а сестра сказала, шутя: „Не понимаю, какъ вы можете ему въ чемъ-нибудь отказать!" Онъ отъ этой фразы пришелъ въ восторгъ и бросился передъ нею на колѣни въ знакъ благодарности. Вошедшій въ эту патетическую минуту братъ Алексѣй Николаевичъ Вульфъ апплодировалъ ему отъ всего сердца. И однакожъ онъ однажды мнѣ говорилъ кстати о женщинѣ, которая его обожала и терпѣливо переносила его равнодушіе[2]): „Rien de plus insipide que la patience et la résignation".

Пріятно жилось въ это время. Баронесса приходила ко мнѣ по утрамъ: она держала корректуру „Сѣверныхъ Цвѣтовъ". Мы иногда вмѣстѣ подшучивали надъ бѣднымъ Сомовымъ, перемѣняя заглавія у стиховъ Пушкина, напр.: „Кобылица молодая" мы поставили „Мадригалъ

---

1) А. И. Вульфъ. *Б. М.*

2) Вѣроятно, Е. М. Хитрово. *Б. М.*

такой-то"... Никто не сердился, а всѣмъ было весело. Потомъ мы занимались Итальянскимъ языкомъ, а къ обѣду являлись къ мужу. Дельвигъ занимался въ маленькомъ полусвѣтломъ кабинетѣ, гдѣ и случилось несчастіе съ пѣснями *Беранже*, внушившее эти стихи:

Хвостова кипа тутъ лежала,
А Беранже не уцѣлѣлъ:
За то его собака съѣла,
Что въ пѣсняхъ онъ собаку съѣлъ (bis).

Эти стихи, въ числѣ прочихъ, пѣлись хоромъ по вечерамъ. Пока Баронъ былъ въ Харьковѣ, мы переписывались съ его женою, и она мнѣ прислала изъ Курска экспромптъ Барона:

Я въ Курскѣ, милые друзья,
И въ Полторацкаго тавернѣ
Живѣе вспоминаю я
О дѣвѣ Лизѣ [2]), дамѣ Кернѣ!

Я вспомнила еще стихи, сообщенные мнѣ женою Барона Дельвига и сложенные когда то вмѣстѣ съ Баратынскимъ.

Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ,
Въ пятой ротѣ, въ домикѣ низкомъ
Жилъ поэтъ Баратынскій
Съ Дельвигомъ, тоже поэтомъ.
Тихо жили они, за квартиру платили немного,
Въ лавочку были должны, дома обѣдали рѣдко.
Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,
Шли они въ дождикъ пѣшкомъ
Въ панталонахъ трикотовыхъ тонкихъ,
Руки спрятавъ въ карманъ (перчатокъ они не имѣли),
Шли и твердили шутя: какое *въ Россіянахъ* чувство!

---

2) Сестра А. П. Кернъ—Елизавета, бывшая за чиновникомъ Решко. Она была жива еще въ 1868 г. *Б. М.*

А вотъ еще стихи Барона: пародія на „Смальгольмскаго Барона", переведеннаго Жуковскимъ.

До разсвѣта поднявшись, извощика взялъ
Александръ Ефимычъ съ Песковъ
И безъ отдыха гналъ отъ Песковъ чрезъ каналъ
Въ желтый домъ, гдѣ живетъ Бирюковъ.
Не съ Цертелевымъ онъ совокупно спѣшилъ
На журнальную битву вдвоемъ;
Не съ романтиками перевѣдаться мнилъ
За баллады, сонеты путемъ,
Но во фракѣ былъ онъ, былъ тотъ фракъ заношенъ,
Какой цвѣтомъ, — нельзя распознать,
Оттопыренъ карманъ, — въ немъ торчитъ, какъ чурбанъ,
Двадцатифунтовая тетрадь.
Его конь опѣненъ, его Ванька хмѣленъ
И согласно хмѣленъ съ сѣдокомъ.
Борю онъ дома въ тотъ день не засталъ:
Онъ съ Красовскимъ въ цензурѣ сидѣлъ,
Гдѣ на Олина грозно Фонъ Поль напиралъ,
Гдѣ . . . . улыбаясь глядѣлъ.
Но изорванъ былъ фракъ, на манишкѣ табакъ:
Ерофеичемъ весь онъ облитъ;
Не въ журнальномъ бою, но въ питейномъ дому
Былъ квартальными больно побитъ.
Соскочивши на Конной съ саней у столба,
Притаяся у будки, онъ сталъ
И три раза онъ крикнулъ Бориса раба, —
Изъ харчевни Борисъ прибѣжалъ.
„Подойди ко мнѣ, Борька, мой трагикъ смѣшной,
И присядь ты на брюхо мое;
Ты скотина, но право скотина лихой,
И скотство по нутру мнѣ твое" [1]).
. . . .
. . . .

---

1) Эта пародія барона Дельвига, въ другой и болѣе исправной редакціи, приведена въ собраніи его сочиненій, изд. подъ ред. В. В. Майкова, С.-Пб. 1893, стр 63 — 64; см. тамъ-же, стр. 116 — 117. *Б. М.*

Вскорѣ послѣ того, какъ мы читали эту прекрасную пародію, Баронъ Дельвигъ ѣхалъ куда-то въ санкахъ черезъ Конную площадь; подъѣзжая къ будкѣ, онъ сказалъ очень серьезно: „Вотъ, *на самомъ этомъ мѣстѣ* соскочилъ съ саней Александръ Ефимычъ съ *Песковъ*, и у этой самой будки онъ крикнулъ Бориса Федорова“. Мы очень смѣялись этому точному указанію исторической мѣстности. Онъ всегда шутилъ очень серьезно, а когда повторялъ любимое свое слово „*Забавно*“, это значило, что рѣчь идетъ о чемъ-нибудь совсѣмъ *не* забавномъ, а или грустномъ, или же досадномъ для него! Мнѣ очень памятна его манера серьезно шутить, между прочимъ по слѣдующему случаю: одинъ молодой человѣкъ преслѣдовалъ насъ съ Софьей Михайловной [1]) насмѣшками, за то, что мы смѣемся, повторяя часто фразу изъ романа Поль де Кока, которая ему вовсе не казалась такъ смѣшною. Намъ стоило только повторить эту фразу, чтобъ неудержимо, долго хохотать. Эта фраза была одного бѣднаго молодого человѣка (разбогатѣвшаго потомъ) и взята изъ романа *La maison Blanche*. Молодой человѣкъ въ затрудненіи передъ баломъ, куда приглашенъ школьнымъ товарищемъ, знатнымъ молодымъ человѣкомъ: весь его туалетъ собранъ въ полномъ комплектѣ, не достаетъ только шелковыхъ чулковъ, безъ которыхъ невозможно обойтись; у него были одни, *почти новые*, да онъ ими ссудилъ свою возлюбленную гризетку, швею въ модномъ магазинѣ. Она пришла на помощь, чтобъ завить волосы своему пріятелю, но, увы, относительно чулковъ объявила, что чулки эти, данные ей взаймы, она тоже дала взаймы своей подругѣ, которая въ свою очередь ссудила ими своего *друга*, а другъ этотъ награжденъ отъ природы огромнѣйшими mollets и потому, надѣвъ ихъ разъ, такъ изувѣчилъ, что

---

1) Дельвигъ.

они больше никому не могутъ годиться. Она кончила свою рѣчь философическимъ замѣчаніемъ своему Robineau: „Est-ce qu' on a jamais eu un amant qui Vous redemande ce qu'il Vous a *prêté*?“ На это г-нъ Робино возразилъ комическимъ тономъ, чуть не плача: „Quand on n'a que quinze cent livres de rente, on ne nage pas dans les bas de soie!“

Не мы однѣ съ баронессою находили юморъ въ этой *жалостливой* фразѣ; и изъ нашихъ знакомыхъ одинъ только помянутый выше молодой человѣкъ не видѣлъ въ ней смѣшного. Разъ онъ рѣзко выразилъ свое удивленіе, что мы такъ долго смѣемся совсѣмъ не смѣшному. Мы сидѣли въ это время за обѣдомъ, и баронъ Дельвигъ, стоя за столомъ въ своемъ малиновомъ шелковомъ шлафрокѣ и разливая по обыкновенію супъ, сказалъ: „Я съ тобой согласенъ, мой милой, je ne nage pas dans les bas de soie: совсѣмъ *не смѣшно*, а *жалко*!“

Никогда не забуду его саркастической улыбки и забавной интонаціи голоса при словѣ „*жалко*!“

Разбирая свои старыя бумаги и письма, я нашла очень интересныя записки: одну собственноручную барона Дельвига, о дѣлѣ касательно моихъ интересовъ, которая начинается такъ: „Милая жена, очень трудно давать совѣты; спекуляція Петра Марковича[1]) можетъ удасться или же нѣтъ; и въ томъ и въ другомъ случаѣ будете раскаяваться (если отдадите имѣніе). Повинуйтесь сердцу, — это лучшій совѣтъ мой“...

Записка его жены, въ годъ женитьбы Александра Сергѣевича, — именно въ тотъ годъ, когда мы ѣздили на Иматру и я съ ними провела лѣто въ Колтовской, у Крестовскаго перевоза. Я уѣхала въ городъ прежде ихъ, когда мнѣ представился случай достать выгодную квар-

---

1) Полторацкаго, отца А. П. Кернъ. *Б. М.*

тиру. Вскорѣ, кажется въ концѣ августа, она мнѣ писала: „Léon[1]) est parti hier, Александръ Сергѣевичъ est arrivé avant hier. Il est, dit on, plus amoureux que jamais. Cependant il ne parle presque pas d'elle. Il a cité hier une phrase (de M-me de Willois je crois) qui disait à son fils: „Ne parlez de Vous qu'au Roi et de votre femme à personne, car on risque toujours d'en parler à quelqu'un qui la connait mieux que Vous . . . . . La noce se fera au Septembre“. — Дѣйствительно, въ этотъ пріѣздъ Пушкинъ казался совершенно другимъ человѣкомъ: онъ былъ серьезенъ, важенъ, какъ слѣдовало человѣку съ душою, принимавшему на себя обязанность счастливить другое существо . . .

Такимъ точно я его видѣла потомъ въ другіе разы, что мнѣ случалось его встрѣтить съ женою или безъ жены. Съ нею я его видѣла два раза. Въ первый это было въ другой годъ, кажется, послѣ женитьбы. Прасковья Александровна[2]) была въ Петербургѣ и у меня остановилась: они вмѣстѣ пріѣзжали къ ней съ визитомъ въ открытой колясочкѣ, безъ человѣка. Пушкинъ казался очень веселъ, вошелъ быстро и подвелъ жену ко мнѣ прежде (Прасковья Александровна была уже съ нею знакома, я же ее видѣла только разъ у Ольги[3]) одну). Уходя, онъ побѣжалъ впередъ и сѣлъ прежде ея въ экипажъ; она замѣтила, шутя, что это онъ сдѣлалъ отъ того, что онъ мужъ. Потомъ я его встрѣтила съ женою у матери, которая начинала хворать: Наталья Николаевна сидѣла въ креслахъ у постели больной и разсказывала о свѣтскихъ удовольствіяхъ, а Пушкинъ, стоя за ея кресломъ, разводя руками, сказалъ шутя: „Это послѣднія штуки Натальи Николаевны: посылаю ее въ деревню“. Она, однако, не поѣхала, кажется по-

1) Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ. *Б. М.*
2) Осипова. *Б. М.*
3) О. С. Павлищевой. *Б. М.*

тому, что въ ту же зиму Надеждѣ Осиповнѣ сдѣлалось хуже, и я его разъ встрѣтила у родителей одного. Это было разъ во время обѣда, въ четыре часа. Старики потчивали его то тѣмъ, то другимъ изъ кушаньевъ, но онъ отъ всего отказывался и, восхищаясь аппетитомъ батюшки, улыбнулся, когда отецъ сказалъ ему и мнѣ, предлагая *гуся* съ кислою капустою: „*C'est un plat écossais*“—замѣтивъ при этомъ, что онъ никогда ничего не ѣстъ до обѣда, а обѣдаетъ въ 6-ть часовъ. Потомъ я его еще разъ встрѣтила съ женою у родителей, не задолго до смерти матери[1]) и когда она уже не вставала съ постели, которая стояла посреди комнаты, головами къ окнамъ; они сидѣли рядомъ на маленькомъ диванѣ у стѣны, и Надежда Осиповна смотрѣла на нихъ ласково, съ любовью, а Александръ Сергѣевичъ держалъ въ рукѣ конецъ боа своей жены и тихонько гладилъ его, какъ будто тѣмъ выражая ласку къ женѣ и ласку къ матери. Онъ при этомъ ничего не говорилъ.... Наталья Николаевна была въ папильоткахъ: это было передъ баломъ.... Я увѣрена, что онъ былъ добрымъ мужемъ, хотя и говорилъ однажды, шутя, Аннѣ Николаевнѣ[2]), которая его поздравляла съ неожиданною въ немъ способностью вести себя, какъ прилично любящему мужу: „*Ce n'est que de l'hypocrisie*“. Вотъ еще выраженіе вѣка: непремѣнно, во что бы то ни стало, казаться хуже, чѣмъ онъ былъ... Въ этомъ по пятамъ за нимъ слѣдовалъ и Левъ Сергѣевичъ.

Я теперь опять обращусь къ Дельвигу, припоминая все это время. Какъ онъ былъ добръ ко всѣмъ и ласковъ къ роднымъ, друзьямъ и даже только знакóмымъ! Вскорѣ послѣ возвращенія изъ Харькова онъ или выписалъ къ себѣ, или самъ привезъ, — не помню, — двухъ своихъ

---

1) Н. О. Пушкина умерла 29-го марта 1836 г. *Б. М.*
2) Вульфъ. *Б. М.*

маленькихъ братьевъ, 4-хъ и 8-ми лѣтъ. Старшаго, Александра, онъ называлъ классикомъ, меньшаго, Ивана, — романтикомъ и такимъ образомъ представилъ ихъ однажды вечеромъ Пушкину. Александръ Сергѣевичъ нѣжно, внимательно ихъ разсматривалъ и ласкалъ, при чемъ баронъ объявилъ ему, что меньшой уже сочинилъ стихи. Александръ Сергѣевичъ пожелалъ ихъ услышать, и маленькій Дельвигъ, не конфузясь ни мало и не гордясь своей ролью, медленно и внятно произнесъ, положивъ свои ручонки въ обѣ руки Александра Сергѣевича:

Индіянди, Индіянди, Индія!
Индіинди, Индіинди, Индіи!

Александръ Сергѣевичъ погладилъ его по головѣ, поцѣловалъ и сказалъ, что онъ *точно романтикъ*. Гдѣ то онъ теперь? Какъ бы мнѣ хотѣлось на нихъ взглянуть! Вспоминая о Дельвигѣ, я невольно припоминаю еще многое о Пушкинѣ и, разбирая записки Дельвига, сохранившіяся у меня, нашла еще нѣсколько записокъ Пушкина. Это относится къ тому времени, когда онъ узналъ о смерти моей матери[1]) и о тѣсныхъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе которыхъ одна дама, принимавшая во мнѣ большое участіе (а именно Елизавета Михайловна Хитрово[2]) переписывалась со мною, хлопотала о томъ, чтобы мнѣ возвратилось имѣніе, проданное моимъ отцомъ[3]) графу Шереметеву[4]). Я интересовалась этимъ имѣніемъ по воспоминаніямъ моего счастливаго дѣтства, хотя и въ финансовомъ

1) Мать А. П. Кернъ — Екатерина Ивановна Полторацкая — умерла въ первой половинѣ 1832 г. Поэтому приводимыя ниже записочки Пушкина должны относиться ко второй половинѣ 1832 — началу 1833 года. *Б. М.*

2) Е. М. Хитрово, извѣстная своимъ расположеніемъ къ Пушкину. *Б. М.*

3) Петромъ Марковичемъ Полторацкимъ. *Б. М.*

4) Или графъ Дмитрій Николаевичъ (р. 1803 + 1871), или графъ Николай Алексѣевичъ (р. 1784 + 1847) Шереметевы. *Б. М.*

отношеніи оно не могло быть *неинтересно*, потому что имѣть что-нибудь или не имѣть *ничего* все таки составляетъ громадную разницу.

Не воздержусь умолчать объ одномъ обстоятельствѣ, которое навело меня на эту мысль *выкупить* безъ денегъ свое проданное имѣніе. Однажды утромъ ко мнѣ явился гвардейскій солдатъ. „Не узнаете меня, Ваше Превосходительство?[1]) сказалъ онъ, поклонившись въ поясъ. „Извини, голубчикъ, не узнаю тебя, припомни мнѣ, гдѣ я тебя видѣла.“ — „А я изъ вашей вотчины, Ваше Превосходительство, я помню васъ, какъ вы изволили изъ вашихъ ручекъ потчивать водкой отца моего; я жилъ тогда въ нашей чистой избѣ, а въ другой, чистой же, вашъ Батюшка и Матушка.“ — „Помню, помню, мой милый, сказала я (хотя вовсе его-то самого не помнила). Такъ ты пришелъ со мной повидаться, — это очень пріятно!“ — „Да кромѣ того, сказалъ онъ, я пришелъ просить васъ, нельзя ли вамъ, Матушка, откупить насъ опять къ себѣ; мнѣ пишутъ мои старики: сходилъ бы ты къ нашей прежней госпожѣ, къ генеральшѣ такой-то, да сказалъ бы ей, что вотъ, дескать, мы бы рады-радешеньки ей опять принадлежать, что по ревизіи теперь въ двухъ селеніяхъ прибавилось много противъ прежняго, — что мы и теперь помнимъ, какъ благоденствовали у Дѣдушки ихъ, у Матушки и у нихъ самихъ потомъ; скажи ей, что мы даже согласны графу Шереметеву внести половинную цѣну за имѣніе и сами на свой счетъ выстроимъ ей домикъ, коли вы согласны насъ у него откупить опять.“

Это предложеніе было такъ трогательно и вмѣстѣ такъ соблазнительно, что я рѣшилась его сообщить Елизаветѣ

1) А. П. Кернъ была въ это время женой генералъ-лейтенанта Ермолая Өедоровича Керна († 1841), но съ мужемъ не жила. *Б. М.*

Михайловнѣ Хитровой вскорѣ послѣ кончины матери моей, и она, по добротѣ своей, взялась хлопотать.

Вотъ 1-ая записка ея:

„J'ai reçu hier matin Votre bonne lettre, Madame, j'aurais été de suite Vous voir sans une grave indisposition de ma fille. Si Vous êtes libre de venir demain à midi, je Vous recevrai avec bien de la joie.

El. Hitroff".

Вслѣдствіе этой то записки Александръ Сергѣевичъ пріѣхалъ ко мнѣ въ своей каретѣ и въ ней меня отправилъ къ Хитровой.

2-ая записка Хитровой написана рукою Александра Сергѣевича. Вотъ она:

„Chère Madame Kern, notre jeune a la rougeole et il n' y a pas moyen de lui parler; dès que ma fille sera mieux, j'irai Vous embrasser",—а ея рукой—El. Hitroff. Опять рукою Александра Сергѣевича: „Ma plume est si mauvaise que Madame Hitroff.... [1]) s'en servir et que c'est moi qui ai l'avantage d'être son secrétaire.

A.

Слѣдуетъ еще одна записочка отъ Елизаветы Михайловны Хитровой (ея рукой): „Voici, ma très chère, une lettre de Che[remete]ff—dites-moi ce qu'elle contient. J'allais Vous la porter moi-même, mais j'ai un vrai malheur, car voilà qu'il pleut.

E. Hitroff".

Потомъ за нее еще рукою Александра Сергѣевича предпослѣдняя объ этомъ неудавшемся дѣлѣ:

„Voici la réponse de Ch[eremete]ff. Je désire qu'elle Vous soit agréable. M-me Hitroff a fait ce qu'elle a pu. Adieu,

---

[1]) Пропускъ въ рукописи воспоминаній. *Б. М.*

belle dame, soyez tranquille et contente et croyez à mon dévouement“.

Самая послѣдняя была уже въ слишкомъ шуточномъ родѣ, — я на нее подосадовала и тогда же уничтожила. Когда оказалось, что ничего не могло втолковать добраго господина, отъ котораго зависѣло дѣло, онъ писалъ мнѣ: (между прочимъ):

„Quand Vous n'avez rien pu obtenir, Vous qui êtes une jolie femme, qu'y pourrai-je faire moi qui ne suis pas même joli garçon.... Tout ce que je puis conseiller c'est de revenir à la charge etc. etc.“ — et puis jouant sur le dernier mot...

Меня это огорчило, и я разорвала эту записку. Больше мы не переписывались и видѣлись уже очень рѣдко, кромѣ визита единственнаго имъ съ женою Прасковьѣ Александровнѣ[1]). Этой послѣдней вздумалось состроить partie fine, и мы обѣдали вмѣстѣ всѣ у Дюме, а угощалъ насъ Александръ Сергѣевичъ и ея сынъ Алексѣй Николаевичъ Вульфъ. Пушкинъ былъ любезенъ за этимъ обѣдомъ, острилъ довольно зло, и я не помню ничего особенно замѣчательнаго въ его разговорѣ. Осталось только въ памяти одно его интересное сужденіе. Тогда только что вышли повѣсти Павлова, я ихъ прочла съ большимъ удовольствіемъ, особенно „Ятаганъ“. Братъ Алексѣй Николаевичъ сказалъ, что онъ въ нихъ не находитъ ровно никакого интереснаго достоинства. Пушкинъ сказалъ: „Entendons-nous. Я началъ ихъ читать и до тѣхъ поръ не оставилъ, пока не кончилъ. Онѣ читаются съ большимъ удовольствіемъ“.

Теперь я себѣ припомнила нѣсколько его сужденій о романахъ: онъ очень любилъ Бульвера, ситировалъ нѣкоторыя фразы изъ „Пельгама“ въ то время, когда его

1) Осиповой. *Б. М.*

читалъ. Еще я помню (это было во время моего пребыванія въ одномъ домѣ съ Барономъ Дельвигомъ): тогда только что вышелъ во французскомъ переводѣ романъ Манцони „I promessi sposi“ („Les fiancés“); онъ говорилъ объ нихъ: „Je n'ai jamais lu rien de plus joli“.

Возвратимся къ обѣду у Дюме. За дессертомъ („les 4 mendiants“) г-нъ Дюме, воображая что этотъ обѣдъ и въ самомъ дѣлѣ une partie fine, вошелъ въ нашу комнату un peu cavalièrement и спросилъ: „Comment cela va ici?“ У Пушкина и Алексѣя Николаевича немножко вытянулось лицо отъ неожиданной любезности француза, и онъ самъ, увидя чинность общества и дамъ въ особенности, нашелъ, что его возгласъ и явленіе были не совсѣмъ приличны, и удалился. Вѣроятно, въ прежніе годы Пушкину случалось у него обѣдать и не совсѣмъ въ такомъ обществѣ. Баронъ Дельвигъ очень любилъ такія эксцентрическія продѣлки. Не помню во все время нашего знакомства, чтобы онъ когда-нибудь одинъ съ женою бывалъ на балахъ или танцовальныхъ вечерахъ, но очень любилъ собрать нѣсколько близко знакомыхъ ему пріятныхъ особъ и вздумать поѣздку за городъ или катанье безъ церемоніи, или даже ужинъ дома съ хорошимъ виномъ, чтобъ посмотрѣть, какъ оно на насъ, ничего непьющихъ, подѣйствуетъ. Онъ однажды сочинилъ катанье въ Красный Кабачекъ вечеромъ, на вафли. Мы тамъ нашли тогда пустую залу и бѣдную Арфянку, которая, вѣроятно, была очень счастлива отъ фантазіи Барона. Въ катаньѣ участвовали только его братья, кажется, — Сомовъ, неизбѣжный, никогда недокучливый собесѣдникъ и усердный его сотрудникъ по „Сѣвернымъ Цвѣтамъ“, я да братъ Алексѣй Вульфъ. Катанье было очень удачно, потому что врядъ можно было-бы выбрать лучшую зимнюю ночь — и лунную, и не слишкомъ холодную. Я замѣтила, что добрымъ людямъ всегда такія вещи удаются, отъ того, что всякое

ихъ дѣйствіе происходитъ отъ избытка сердечной доброты. Онъ, кромѣ прелести неожиданныхъ удовольствій безъ приготовленій, любилъ въ нихъ и хорошее вино, оживляющее бесѣду, и вкусный столъ; отъ этого онъ не любилъ обѣдать у стариковъ Пушкиныхъ, которые не были гастрономы и въ этомъ случаѣ онъ былъ одного мнѣнія съ Александромъ Сергѣевичемъ. Вотъ, по случаю обѣда у нихъ, что разъ Дельвигъ писалъ Пушкину:

Другъ Пушкинъ, хочешь ли отвѣдать
Дурного масла, яицъ гнилыхъ, —
Такъ приходи со мной обѣдать
Сегодня у своихъ родныхъ.

Вотъ все, что осталось въ моей памяти въ добавленіе къ тому, что Вамъ уже сообщила прежде. При этомъ присоединяю нѣкоторыя записки: можетъ онѣ понадобятся Вамъ.

Поправка.

А. А. Сиверсъ сообщаетъ слѣдующую поправку къ стр. 107-й IV-го выпуска: въ строкѣ 15-й сверху надо сказать: „*Наталья Владимiровна* Муханова (рожд. *Полуектова*) писала *племяннику* своему" и т. д.: Наталья Александровна Муханова, рожденная княжна Трубецкая, умерла значительно ранѣе — 1-го февраля 1813 г.

УКАЗАТЕЛЬ.

„Адели“, стих. Пушкина, 105.
Аксаковъ, С. Т., 65.
Алферовскій, домовл., 143.
Анненковъ, П. В., 31, 32, 41, 44, 45, 46, 48, 49, 50, 63, 66, 140.
„Анчаръ“, стих. Пушкина, 72.
Аракчеевъ, гр. А. А., 89.
„Арестантъ“, стих. Полежаева, 85.
„Арзамасъ“, общество 42.
Аріостъ, 88.

„Бабочка“, журналъ, 62.
Байронъ, 19, 26, 84, 85, 86, 87, 93, 94, 97.
Барковъ, И. С., 89, 90, 111.
Барсуковъ, Николай Платон., 52. 65.
Бартеневъ, Петръ Ивановичъ, 67.
Батюшковъ, К. Н., 90, 110, 111.
„Бахчисарайскій фонтанъ“, 84, 96.
Бенардаки, 58.
Бенкендорфъ, А. Х., 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 43, 44, 62, 63, 66, 67.
„Беппо“, поэма Байрона, 26.
Бестужевъ, А. А. (Марлинскій) 30, 58.
Бестужевы, 70.
Бируковъ, И. С., цензоръ, 147.
„Бичъ“, басня Д. В. Давыдова, 113.
„Благонамѣренный“, 31.
„Блаженство“, стих. Пушкина, 136.
Блудовъ, гр. Д. Н., 51.
Бобровъ, Евгеній Александровичъ, 46, 109.
Богучарскій, В., 70.
Богушевичъ, 58.
Боратынскій, Евг. Абр., 79, 82, 123, 141, 142, 143, 146.
Боратынскій, Сергѣй Абрамовичъ, 142.
„Борисъ Годуновъ“, 127, 130, 132.
Брогліо, гр. Андрей—Максимиліанъ, 80.
Брогліо, гр. Сильверій Францовичъ, 80.
Брюсовъ, Валерій Яковлевичъ, 137.
Булгаринъ, Ѳ. В., 31, 32, 35, 36, 37, 39, 41, 51, 52, 53, 55, 56, 57, 58, 59, 61, 63, 64. 65, 69, 70, 71, 72, 73, 74.
Бульверъ, 155.
Бурбоны, 93.
Бычковъ, Аѳанасій Ѳедоров., 46.
Бѣлинскій, В. Г., 99.

Вальтеръ-Скоттъ, 85.
Варлаамъ (изъ „Бориса Годунова“), 127—129.
Введенскій, Арс. Иванов., 101.
Веневитиновъ, Д. В., 31, 32, 85, 143.
„Веселый часъ“, стих. Кольцова, 102.
Вигель, Ф. Ф., 41, 42, 43.
Видокъ, 59.
„Видѣніе на берегахъ Леты“, стих. Батюшкова, 90, 110, 111.
Визаръ, содерж. Пансіона, 83, 84
Виландъ, 19.
Висковатовъ, Пав. Александр., 101.
„Вишня“, стих. Пушкина, 89, 104.
Воейковъ, А. Ѳ., 56.
Волконская, княгиня З. А., 123.
„Волшебные звуки“, стих. Лермонтова, 103.
Вольтеръ, 1 — 29.

Вольфъ, А., 50.
Вульфъ, Алексѣй Николаевичъ, 140, 145. 155, 156.
Вульфъ, Анна Ив. (по мужу Трувеллеръ), 143, 145.
Вульфъ, Анна Никол., 151.
Вульфъ, Ек. Ив. — см. Полторацкая.
„Вѣнокъ на гробъ Пушкина", стих. Полежаева, 85, 92 — 98, 108.
„Вѣстникъ Европы", 31, 32, 70, 71, 90, 98, 137.
Вяземскій, князь П. А., 30, 31, 32, 35, 38. 44, 45, 46, 47, 51, 53, 61, 64, 65, 69, 70, 115.
Вяземскій, князь П. П., 63, 64, 65, 70.

Гаевскій, Викт. Павл. 76, 79.
Ганка, Вячеславъ, 122.
Генслеръ, писат., 28.
Гёте, 20.
„Гимнъ Смерти", стих. Полежаева, 96.
Гиппіусъ, В. В., 31, 59. 70.
Глинскій, Б. Б., 32.
Глинка, Мих. Ив., 140.
Гоголь, Н. В., 73.
Гольцевъ, В. А., 112.
„Горе отъ ума", 110.
„Городокъ", стих. Пушкина, 18, 89. 90, 111.
Горчаковъ, князь А. М., 80, 81, 110, 111.
Горчаковъ, князь Д. П., 90.
Гречъ, Н. И., 32, 33, 35, 36, 37, 41, 45, 51, 52, 53, 55, 56, 57, 58, 59, 61, 62, 63. 64, 65, 69, 70, 71, 72, 74, 122, 123.
Грибоѣдовъ, А. С., 58.
Григорій (изъ „Бориса Годунова") 130, 132.
„Гробъ юноши", стих. Пушкина, 78.
Гротъ, Я. К., 76, 77.

Давыдовъ, Денисъ Вас., 111, 112, 113, 114.
Дашкевичъ, Николай Павловичъ, 19, 22.
Дельвигъ, баронъ Александръ Антоновичъ, 152.
Дельвигъ, баронъ Антонъ Антоновичъ, 32, 48. 58, 76, 78, 79, 126, 140, 142, 143. 144, 146, 147, 148, 149, 151, 152. 156, 157.
Дельвигъ, баронъ Иванъ Антоновичъ, 152.
Дельвигъ, баронесса Софья Михайловна, рожд. Салтыкова, по 2-му браку Боратынская, 142, 143, 145, 146, 148 .149. 150. 156.
Державинъ, Г. Р., 79, 93, 137.
„Деспотъ", стихотв.. 112.
„Дитя, Зеркало и Рѣка", басня Сегюра, 111.
Дмитріевъ, И. И., 35, 51, 53, 61, 73.
„Дмитрій Самозванецъ", романъ Булгарина, 58.
„Дневникъ", газета Пушкина, 30 — 74.
„Домикъ въ Коломнѣ", повѣсть Пушкина, 125.
„Donauweibchen", драма Генслера, 28
„Донъ Жуанъ", Байрона, 86.
„Droit du seigneur" (Le), комедія Вольтера, 2, 16, 17, 21, 27.
„Дѣва и Роза", стих. Дельвига 143.
Дюме, ресторатор, 155, 156.
Dunlop-Liebrecht, авт. 13.

„Евгеній Онѣгинъ", 15, 16, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 84, 87, 88, 89, 90, 96, 100, 117.
„Европеецъ", журн. 35, 72.
„Edimburgh Review", журн. 30.
Елизавета Петровна, императрица, 93.
Ершовъ, А., авт., 32.
Есаковъ, Семенъ Семеновичъ, 80.
Ефремовъ, Петръ Александр., 30, 38, 48. 68, 85, 92, 98, 107, 115, 131, 135, 136, 137.

Ждановъ, Иванъ Никол., 28.
Жуковскій, В. А. 33, 51, 64, 66, 78, 79, 112, 126, 137, 138, 147.

Завальевскій, 31.
Загоскинъ, Мих. Никол., 64.
„Заздравный Кубокъ“, стих. Пушкина, 105.

Ивановъ, Ив. Ив., 1, 2, 3, 9, 10.
Измайловъ, Александръ Ефимов. 31, 147, 148.
„Измѣны“, стих. Пушкина, 104.
„Испанскій романсъ“, стих. Пушкина, 105.
Истомина, Авд. Ильин., танцовщ., 88, 89.
„Исторія Пугачевскаго бунта“, Пушкина, 136, 137.

„Кавказскій плѣнникъ“, 84, 91, 131.
Кадлубовскій, Арсеній Петров., 29.
Каллашъ, Владим. Владиміров., 118.
Калинычъ, Фотій Павлов., 117.
Кантемиръ, кн. А. Д., 93.
„Капитанская дочка“, 133, 134.
Карамзинъ, Н. М., 39, 79, 93, 110, 127.
Карлъ XII, 20.
Катенинъ, Петръ Александр., 30, 31.
Кернъ, Анна Петровна, 140 — 157.
Кернъ, Ермолай Өедоровичъ, 153.
Киселевъ, Н. С., 121.
Кирпичниковъ, А. И., 19.
Кирѣевскій, П. В., 73.
Княжнинъ, Я. Б., 9.
Кобеко, Дмитрій Өомичъ, 81.
„Кобылица молодая“, стих. Пушкина, 145.
Кольцовъ, Алексѣй Васильев., 99, 101, 102.
Комовскій, Александръ Дмитріев., 58, 73, 74.
Кони, Анатолій Өедоровичъ, 41.
„Копѣечка“, стих. (?) 121.
Корсаковъ, Николай Александровичъ, 77, 78.
„Корсаръ“, поэма Байрона, 87.
Корфъ, графъ М. А., 77, 80.
Костенскій, Конст. Дм., 78.
Коцебу, Августъ, 89.
Красный Кабачекъ, подъ Петербургомъ, 156.
Красовскій, А. И., цензоръ, 147.
Критскій, Петръ, 100.
Кропотовъ, А. Д., 70.
Кругликовъ, 62.
Крыловъ, И. А., 90, 111.
Кувшинниковъ, домовл., 143.
Кузьминскій, К., 32.
Кульжинская, Аглая Александровна (по сценѣ Дараганъ), 140.
„Къ другу“, стих. Лермонтова, 103.
„Къ друзьямъ“, стих. Полежаева, 90.
„Къ Жуковскому“, стих. Пушкина, 126.
Кюхельбекеръ, В. К., 76, 78.

Ламартинъ, 85.
Лафонтенъ, 88, 111.
Лелевель, Іоахимъ, 114.
Ленскій (изъ „Евгенія Онѣгина“), 22.
Леопольдовъ, Андрей, 113, 114.
Лермонтовъ, М. Ю., 99, 101, 102, 103.
Лернеръ, Николай Осиповичъ, 44, 51.
„Литературная Газета“, 32, 47, 54, 58, 59, 60, 62, 72.
Ломоносовъ, М. В., 93, 126.
Любимовъ, 52.
Людвигъ, Августа 124.
„Лютня“, сборникъ, 117.

Майковъ, Валеріанъ Владиміровичъ, 147.
Майковъ, Леонидъ Николаевичъ, 19, 20, 90, 121, 138, 140.
Маминъ-Сибирякъ, 131.
Манцони, авт., 156.
Марія Ивановна (изъ „Капитанской дочки“), 134, 135.
Марія Павловна, вел. княгиня, 120.
Маренъ, авт. 54.
Маркевичъ, Алексѣй Ивановичъ, 130, 131.
Маркова-Виноградская, Анна Петровна (Кернъ), 140 — 157.
„Maison blanche“, ром. Поль-де-Кока, 148.
Мельниковъ, Пав. Ив. 129.
Михайловскій, И. Н., 119.

Модзалевскій, Борисъ Львовичъ, 46, 51, 80, 122 — 124, 140.
„**Молва**“, журн. 61, 73.
„**Молитва**“, стих. Кольцова, 101.
Мордвиновъ, Александръ Никол. 62, 63, 110.
Морозовъ, Петръ Осиповичъ, 90, 101, 133, 134, 135.
„**Морни**“, стих. Полежаева, 84.
„**Московскій Вѣстникъ**“, 31, 32, 47, 131, 139.
„**Московскій Телеграфъ**“, 31, 61.
„**Московскія Вѣдомости**“, 124.
Мусоргскій, М. П., 127.
Муханова, Нат. Ал-др., рожд. кн. Трубецкая, 158.
Муханова, Нат. Владим., рожд. Полуектова, 158.
Мухановъ, Александръ Алексѣевичъ, 158.
„**Мысли на дорогѣ**“, Пушкина, 126.
Мякотинъ, В. А., 41.

Надеждинъ, Никол. Ивановичъ, 32.
Наполеонъ, 93.
„**На смерть Пушкина**“, стих. Полежаева, 91, 92.
Наумовъ, Дмитрій Михайл., 121, 137.
Нащокинъ, Павелъ Воиновичъ, 44, 79.
Незеленовъ, А. И., 9.
Некрасовъ, И. В., 129.
Некрасовъ, Ф., 31.
Нессельроде, гр. К. В., 39, 73, 74.
Николай I, 41, 66, 98.
Никольскій, Борисъ Владим., 90.
Новиковъ, Н. И., 127, 128, 129.
Новости русской литературы 111.
„**Ночь**“, стих. кн. Горчакова, 110.

Олинъ, Валеріанъ Никол., 147.
„**Опасный сосѣдъ**“, В. Л. Пушкина, 90, 111.
Орловъ-Чесменскій, гр. А. Г., 123.
Осипова, Праск. Александр., 140, 150, 155.
Остенъ-Сакенъ, баронъ Ѳедоръ Романовичъ, 81.

Павлищева, О. С., 50, 143, 150.
Павлищевъ, Л. Н., 51.
Павлищевъ, Н. И., 50.
Павловъ, Никол. Филипп., 155.
„**Пельгамъ**“, ром. Бульвера, 155.
Перцовъ, Эрастъ Петровичъ, 46.
Петрарка, 97.
Петровъ, В. П., 93.
Петръ I, 39, 44, 93.
Петръ III, 39.
Пиксановъ, Николай Киріаковичъ, 74.
Плетневъ, П. А., 33, 43, 64, 78.
Погодинъ, М. П., 31, 32, 52, 54, 55, 65, 68.
„**Подражаніе Анакреону**“ („Кобылица молодая“), стих. Пушкина, 145.
„**Подражанія Корану**“, стих. Пушкина, 105.
Покровскій, Ѳ. И., 129.
Полевой, Н. А., 31, 35, 45, 52, 69, 116.
Полежаевъ, А. И., 82—109.
„**Полтава**“, 20.
Полторацкая, Екатерина Ивановна (мать А. П. Кернъ), 144, 152.
Полторацкая, Елизавета Петр.—см. Решко.
Полторацкій, Петръ Марковичъ. 144, 149, 152.
Полуектова, Нат. Влад. — см. Муханова.
Поль-де-Кокъ, 148.
„**Поминки,**“ стих. Кольцова, 102.
Поповъ, Михаилъ Максим., 44.
„**Посланіе къ друзьямъ**“, стих. (В. Ѳ. Раевскаго?), 117.
„**Прекрасный день, счастливый день**“, стих. Дельвига 141.
„**Пробужденіе**“, стих. Пушкина, 105.
Прокоповичъ-Антонскій, А. А., 99.
„**Promessi sposi**“, ром. Манцони, 156.
„**Прощанье**“, стих. Лермонтова, 102.
Пугачевъ, Емельянъ, 136.
„**Пуншевая пѣсня**“, стих. Пушкина, 104.
„**Путешествіе**“ Радищева, 125, 126.

Путята, Никол. Вас., 66.
Пушкина, Анна Львовна, 141.
Пушкина, Надежда Осиповна, 143, 151, 157.
Пушкина, Нат. Никол., 62, 150, 151.
Пушкина, О. С. — см. Павлищева.
Пушкинъ, Вас. Льв., 90, 111.
Пушкинъ, Левъ Серг., 115, 116, 150. 151.
Пушкинъ, Серг. Льв. 151, 157.
Пущинъ, Ив. Ив., 76, 80.
Пыпинъ, А. Н., 41, 70, 71, 98, 100.
„Пѣснь русалки“, стих. Кольцова, 101.

Радищевъ, А. Н., 125—127.
Раевскій, Вл. Ѳедос., 117.
„Размоловка“, стих. Кольцова, 101.
Рейнсдорпъ, генералъ, 136.
Решко, Елизавета Петровна, рожд. Полторацкая, 146.
Ржевскій, Павелъ Никол., 76, 77.
Ржевскій, Григорій Павловичъ, 116.
Ричардсонъ, авт., 15.
„Роза“, стих. Пушкина, 104.
Романовъ, Николай Дмитріевичъ, 140.
„Русалка“ (Пушкина), 28.
„Русланъ и Людмила“, 19, 84, 96.
Руссо, Ж. Ж., 15.
Рылѣевъ, К. Ѳ., 58, 112.
„Рѣка и зеркало“, басня Д. В. Давыдова.

Савва, Владиміръ Ивановичъ, проф., 122.
Савельичъ (изъ „Капитанской дочки“), 133.
Саврасовъ, П. Ѳ., 80.
Садовниковъ, Д. Н., 58, 73, 74.
Садовниковъ, Ф., 60.
Салтыкова, Софія Михайловна (по 1-му браку баронесса Дельвигъ, по 2-му — Боратынская), 142, 143, 145, 146, 148, 149, 150, 156.
Салтыковъ, Мих. Александр., 72.
„Сашка“, поэма Полежаева, 84, 87, 88, 89, 98, 100, 107, 108.
„Святки“, стих. кн. Д. П. Горчакова, 111.
Сегюръ, гр., 111.
Сиверсъ, Александръ Александровичъ, 158.
Сиверсъ, Ф., литогр., 91.
Сиповскій, Василій Васильевичъ, 15, 22.
Скабичевскій, Александръ Мих., 62.
Слонимскій, А. Л., 41.
„Смальгольмскій Баронъ,“ баллада Жуковскаго, 147.
Смирдинъ, А. Ф., 53.
Соболевскій, С. А., 67, 115, 127.
„Собраніе насѣкомыхъ“, эпиграмма Пушкина, 116, 117.
„Современникъ“, 32, 74, 79, 133.
Соловьевъ, кол. секр., 60.
Сомовъ, О. М., 54, 56, 57, 58, 71, 73, 145, 156.
Станкевичъ, Н. В., 102.
Струйскій, А. Н., 83.
Суворовъ, фельдмаршалъ, 86.
Сумароковъ, А. П., 2.
Сухомлиновъ, Мих. Ив., 31.
Сушковъ, 31.
„Сынъ Отечества“, 53, 55, 56, 58, 62, 74, 117, 122, 123.
„Сѣверная Пчела“, 34, 36, 37, 40, 46, 53, 54, 55, 56, 58, 59, 61, 62, 69, 73, 74, 117.
„Сѣверные Цвѣты“, 33, 43, 57, 58, 143, 145, 156.
„Сѣверный Архивъ“, 56.
„Сѣверный Меркурій“, 62.

„Талисманъ“, стих. Пушкина, 121.
Тарасенко-Отрѣшковъ, Наркизъ Ивановичъ, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 65, 67, 73.
Тассо, 97.
Татьяна (изъ „Евгенія Онѣгина“), 15, 16, 17, 18, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 117.

Телепнева, Анна Сергѣевна, 123.
Телепнева, Александра Васильевна, 119, 124.
Телепнева, Елена Сергѣевна, 119—124.
Телепневъ, Сергѣй Стахіевичъ, 119, 123.
Телепневъ, Стахій Никитичъ, 123.
„Телемахида“, 126.
„Телескопъ“, 32, 61.
Тредьяковскій, В. К., 126.
„Трумфъ“, комедія Крылова, 90, 110, 111.
Тургеневъ, А. И., 38, 51, 64.

Уваровъ, гр. С. С., 42, 43, 51.
Урусовъ, кн. С. А., 20.
„Утѣшеніе“, стих. Полежаева, 98.
Ушакова, Екатерина Николаевна, 120, 121.
Ушакова, Елизавета Николаевна, 120, 121.
Ушакова, Софья Андреевна, 123.
Ушаковы, 120, 121, 122, 123, 124.

Федоровъ, Борисъ Михайл., 147, 148.
Фокъ, Максимъ Яковл., 36, 37, 44, 67.
Фонъ-Поль, Карлъ Карловичъ, цензоръ, 147.
Фуксъ, Александра Андреевна 46.

Халанскій, М. Г., проф. 120.
Харловъ, маіоръ, 136.
Хвостовъ, гр. Д. И., 90.
Хитрово, Елизав. Михайл., 145, 152, 153, 154.
Хомяковъ, А. С., 143.

Цертелевъ, кн. Н. Д., 147.
„Цыганская пѣсня“, Пушкина, 121.
„Цыганы“, 96.

„Часы выздоровленія“, собр. стих. Полежаева, 92.
„Человѣкъ. Къ Байрону“, стих. Полежаева, 85.
„Черная шаль“, стих. Пушкина, 121.
Чернышевъ, Василій Ильичъ, 127, 129, 139.
„Чиръ-Юртъ“, поэма Полежаева, 85.

Шаликовъ, кн. П. И., 45, 123.
Шекспиръ, 19, 22, 28.
Шенрокъ, Владим. Ив., 73.
Шенье, Андрей, 97, 113.
Шейнъ, П. В., 127.
Шереметевъ, гр., 152, 153.
Шереметевъ, гр. Николай Алексѣевичъ, 152.
Шереметевъ, гр. Димитрій Николаевичъ, 152.
Шиллеръ, 104.
Шишковъ, А. С., 42.
Шляпкинъ, Илья Александровичъ, 38, 43.

„Элегія“ („Я пережилъ свои желанья“), Пушкина, 90.
Энгельгардтъ, Е. А., 75, 77, 78, 81.
„Эрпели“, поэма Полежаева, 85, 91.

Юдинъ, Павелъ Михайл., 19.
„Юнкерская молитва“, стих. Лермонтова, 103.
Юсуповъ, кн. Н. Б., 20.

Языковъ, А. М., 73.
Языковъ, Н. М. 32, 58, 73, 74.
Якушкинъ, В. Е., 41, 126.
„Ятаганъ“, повѣсть Павлова, 155.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, 93.

Куйбышевская
№ 475777
Обл. Библиотека